

ЕЛЕНА ВЕЛЬМАН-ОМЕЛИНА

Эстонско-русский перевод и развитие
современной официально-деловой
коммуникации: теоретический и
практический аспекты

ЕЛЕНА ВЕЛЬМАН-ОМЕЛИНА

Эстонско-русский перевод и развитие
современной официально-деловой
коммуникации: теоретический и
практический аспекты

Отделение славистики колледжа иностранных языков и культур Тартуского университета.

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русскому языку 19 октября 2018 г. решением совета по защите докторских диссертаций по программам германо-романской филологии и русской и славянской филологии Тартуского университета.

Научный

руководитель: Валентина Щаднева, PhD, старший научный сотрудник

Оппоненты: Пеэтер Пялль, PhD, главный специалист по языковому планированию Института эстонского языка (Таллинн, Эстония)

Игорь Кошкин, Dr. philol., профессор отделения русистики и славистики факультета гуманитарных наук Латвийского университета (Рига, Латвия)

Защита состоится 14 декабря 2018 г. в 12.00 в главном здании Тартуского университета, в зале Сената (ул. Юликооли 18–204).

ISSN 1406-0809

ISBN 978-9949-77-921-5 (print)

ISBN 978-9949-77-922-2 (pdf)

Copyright: Jelena Velman-Omelina, 2018

University of Tartu Press

www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1.	
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕЕ ДИНАМИКА.....	15
1.1. Русский национальный язык и его варианты.....	15
1.2. Традиционная и современная классификации функциональных стилей русского литературного языка	18
1.2.1. Общая характеристика официально-делового стиля	21
1.2.2. Норма и основные функционально-стилевые, жанровые, текстовые и языковые особенности официально-деловой коммуникации.....	27
1.3. Об официально-деловом стиле в эстонской функциональной стилистике	33
Выводы.....	36
ГЛАВА 2.	
ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ЭСТОНИИ.....	38
2.1. Деловое общение на русском языке на территории Эстонии в историческом контексте.....	38
2.2. Современная официально-деловая коммуникация в Эстонии.....	44
2.2.1. Региональные различия русского делового языка в Эстонии и России	47
2.2.2. Параллельные тексты как реализация письменного делового общения.....	54
Выводы.....	62
ГЛАВА 3.	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭСТОНСКО-РУССКОГО ДЕЛОВОГО ПЕРЕВОДА	64
3.1. Общие проблемы и ключевые положения теории перевода	65
3.2. Основные переводческие приемы эстонско-русского перевода.....	68
3.3. Лексические особенности официально-делового перевода в диаспоре.....	80
3.4. Морфологические средства речевого этикета в эстонско-русских официально-деловых переводах.....	90
3.5. Особенности эстонского и русского словообразования и их отражение в процессе эстонско-русского перевода.....	99
Выводы.....	103

ГЛАВА 4	
ЭСТОНСКО-РУССКИЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ	
НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	105
4.1. Лексические проблемы перевода и лексические нарушения	
литературной нормы	107
4.2. Грамматические нарушения литературной нормы	118
4.3. Нарушения норм перевода и их сочетание	
с уровнево-языковыми ошибками	124
Выводы	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	133
ЛИТЕРАТУРА	140
ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА	151
ПРИЛОЖЕНИЕ	153
КОKKUVÕTE	170
SUMMARY	178
CURRICULUM VITAE	187
ELULOOKIRJELDUS	188
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ	189

*В современном мире объём информации,
с которым может столкнуться переводчик
в ходе выполнения своей посреднической миссии, огромен.
Ни одна школа, ни одна образовательная программа
не в силах вложить в голову переводчика
все гипотетически необходимые ему знания.
И ни одна голова переводчика не способна удержать все знания,
которые могут оказаться полезными в практической работе.*
(Н. К. Гарбовский¹)

ВВЕДЕНИЕ

Особенности делового общения на русском языке были основательно изучены и подробно описаны специалистами по функциональной стилистике уже в прошлом веке. Однако в наше время – в условиях глобализации – увеличивается объём общих принципов организации жизни, значимых для разных государств и их граждан, создается общая система как межгосударственных, так и внутригосударственных нормативных документов. При этом в результате глобализации, охватывающей разные сферы бытия, деловая коммуникация приобретает большой вес. Деловые отношения как один из типов общественных отношений, основанных на распределении прав и обязанностей между субъектами общения, все глубже проникают в жизнь общества, что влечет за собой появление принципиально новой документации, которая нуждается в изучении как с точки зрения жанровых и языковых характеристик, так и в переводческом аспекте. Последнее актуально для языка диаспоры, поскольку русская деловая речь в Эстонии функционирует преимущественно в виде переводных текстов, предоставляющих информацию, жизненно необходимую для русскоязычных жителей и гостей страны. Именно поэтому перед переводчиком стоит непростая задача передать не только смысл текста, но и максимально точно и полнообъемно воспроизвести оригинальный текст на другом языке, что не является жестко обязательным в отдельных типах перевода текстов иных функциональных сфер.

«Ни один социальный процесс не может обойтись без оформляющей его документации; напротив, всякое изменение в жизни человека, группы лиц и общества в целом (как совокупности индивидуумов) даёт толчок развитию соответствующей документации, то есть документообразованию...» [Конькова 2004: 3]. Изучение особенностей процесса документирования как отражения официальных взаимоотношений государства, учреждений, компаний с отдельными личностями или же учреждений и компаний между собой имеет не только научное, но и прикладное значение, так как позволяет выявить современные тенденции в появлении и

¹ [Гарбовский 2012: 38]

развитии новых разновидностей деловых текстов, отличающихся от документов прошлых эпох и по каналам репрезентации, и по внешне-текстовой и языковой форме. **Актуальность данного исследования** определяется, помимо возрастания в мире роли делового общения, и другими важными факторами:

- 1) работы по теории и практике эстонско-русского перевода официально-деловых текстов стали появляться лишь в последнее время;
- 2) широкое распространение получили новые виды деловых текстов, жанровую принадлежность которых невозможно четко определить и которые в условиях русскоязычного делового общения в Эстонии в основном являются переводными;
- 3) издаваемая в последнее время литература по официально-деловому стилю нацелена не столько на научный анализ языковых особенностей текстов, сколько на обучение их составлению, поэтому диссертационное исследование ориентировано на теоретические и практические вопросы эстонско-русского делового перевода, например: место русскоязычных переводных текстов в условиях современной Эстонии, перевод эстонских сложных слов, экспликация категории вежливости, способы перевода и др.

Объект исследования – результаты процесса эстонско-русского перевода текстов, которые относятся к сфере официально-деловой коммуникации.

Предмет изучения – экстралингвистические и лингвистические особенности переводных деловых текстов.

В качестве **материала** для исследования привлечены различные тексты официально-делового характера, которые автор собирал многие годы. Источником изучаемого материала стали не только тексты различной бумажной печатной продукции – флаеров, листовок, буклетов, брошюр, а также собственно документов, например, бланков, но и размещенные на деловых веб-сайтах и форумах электронные интернет-тексты. Полный охват всех жанров деловых текстов разных подстилей официально-делового стиля и всех типов собственно делопроизводственных документов в цели автора диссертации не входил, что объясняется объемностью диапазона таких материалов, вынужденной необходимостью ориентироваться на доступность (открытость) деловой информации, а также назревшей потребностью учета не только классических официальных жанров, но и новых деловых разновидностей текстов, порожденных электронизацией делового общения. Для анализа были выбраны разножанровые бумажные и электронные параллельные тексты, в которых отражаются современные тенденции развития и официально-деловой коммуникации, и функциональной стилистики как научной отрасли.

Автор диссертации осознанно не сосредоточивается на текстово-языковой организации таких сугубо официально-деловых переводных текстов, которые относятся к базовым институциональным жанрам (официально

утвержденным законам, кодексам, юридическим и судебным документам), регулирующим жизнь государства в целом. В первую очередь, объектом научного интереса стали периферийные деловые тексты, создаваемые исполнительной властью, а также разными частными структурами для реализации функции управления в широком смысле: для регулирования и регламентирования действий населения, его информирования с целью поддержания человека в повседневной жизни и направления его на оптимальное поведение в деловом общении. Жанровые формы таких пограничных текстов разнообразны: методические и информационные материалы, инструкции-рекомендации, инструкции-тесты, внутренние распорядительные инструкции, сообщения потребителю-клиенту, счета за услуги, деловая реклама, коммерческие предложения и др.

Особенность названных видов переводных текстов заключается в их нацеленности на широкого адресата – обычного человека, а не на ограниченный круг специалистов в какой-либо области знаний. Изучение социально ориентированных вербальных продуктов отвечает современным тенденциям развития лингвистики и, в частности, функциональной стилистики, обратившейся к обыденному социально-речевому опыту, который сейчас именуют и дискурсивной практикой [Иссерс 2012: 29].

Большая часть рассмотренных в диссертации текстов носит *информирующий, разъясняющий, инструктирующий* и отчасти *рекламирующий* характер. Подобные тексты, различающиеся по уровню официальности, нередко выполняют несколько функций одновременно. Посредством письменной коммуникации государственные и частные структуры передают важную социально значимую для массового адресата информацию с целью защиты человека от разных социальных проблем, а также совершенствования общественной жизни. Проблематика такой социальной коммуникации разнообразна и охватывает правовую и финансовую сферы, сферу здравоохранения, массового спорта, образования, экологии, культуры и др. Тем самым в работе исследовался деловой материал самого широкого спектра. Однако приоритетными для нас были тексты официальных учреждений: министерств, ведомств, департаментов и т. д.

Существенно важным для исследования стало то, что большая часть анализируемых текстов находится в открытом доступе в Интернете или существует в виде различной печатной продукции, издаваемой разными учреждениями и также имеющей свободное распространение. Бумажные тексты, представленные в параграфе 2.1., содержатся в Историческом архиве Эстонии или же являются документами семьи самого автора диссертации. Попутно отметим, что для сбора языкового материала более доступным оказался электронный канал делового общения. Данный факт объясняется тем, что современная деловая коммуникация все чаще переносится в Интернет, а многие виды бумажных деловых текстов в быту, как правило, не сберегаются или же имеют ограниченный срок хранения.

Сложности при отборе материала возникли и в связи с соблюдением требований конфиденциальности и переводческой этики. Так, доступные в

связи с профессиональной деятельностью самого автора диссертации официально-деловые документы имеют строго конфиденциальный характер и помету *ограничение доступа до...* и таким образом не могут быть использованы в качестве источника примеров.

Методологической базой исследования стали основополагающие работы по функциональной стилистике [Кожина 1977; Виноградов 1981; Кожин и др. 1982; Алексеев, Рогова 1982; Рахманин 1982; Шанский 1989; Солганик 1997; Векшин 2002; Москвин 2006; Лобанов 2007; Кушнерук 2008 и др.], в которых изложены положения об экстралингвистической природе функциональных стилей и подробно описаны характерные стиливые черты функциональных стилей, в частности официально-делового. Основой для ряда теоретико-практических положений эстонско-русского перевода, приводимых в докторской диссертации, явились труды по переводоведению и практике перевода [Найда 1970; Рецкер 1981; Федоров 1983; Комиссаров 1990; Паршин 1999; Казанцев 2002; Гарбовский 2004; Бялэк 2006; Бархударов 2010; Aareleid 2006; Tambelt 2013 и др.]. В диссертационной работе используются также теоретические и практические обобщения, изложенные в трудах по сопоставительной и контрастивной лингвистике [Кюльмоя и др. 2003; Стернин 2006 и др.]. Для уточнения отдельных важных аспектов привлекались исследования по теории вежливости [Формановская 1982; Кокшарова, Фогельберг 2009; Власян 2011; Brown, Levinson 1978; Keevallik 1998 и др.], языковой норме [Розенталь 1997; Крысин 2005; Хакимова 2010 и др.], языку диаспоры [Кюльмоя 2000; Костанди 2006; Протасова 2006; Кюльмоя 2009; Щаднева 2009; Костанди 2011; Щаднева 2015 и др.] и т. д.

В ходе обработки языкового материала в отдельных случаях полезным оказалось обращение не только к словарям и справочникам, но и к текстово-языковой информации, имеющейся в лингвистических корпусах. Несмотря на то, что специализированного эстонско-русского параллельного корпуса деловой направленности обнаружить не удалось, а существующие корпусные собрания параллельных эстонско-русских деловых текстов не содержат, такие информационно-справочные системы, как Национальный корпус русского языка, корпус эстонского языка etTenTen, параллельный корпус Glosbe, привлекались для анализа с целью уточнения степени новизны отдельных языковых средств, их семантики, коннотативного смысла. Разумеется, корпусная лингвистика не охватывает и не может охватить всей речевой практики и всех речевых фактов. В то же время возрастающая потребность в переводе текстов разных стилей и жанров, в обучении переводу и иностранному языку означает, что корпусов, состоящих только из произведений художественной сферы, явно недостаточно.

Предлагаемое исследование носит комплексный характер, а потому потребовало привлечения ряда эмпирических **методов исследования**. В процессе анализа использовались метод наблюдения, сопоставительный, в качестве основного в данной работе метода исследования, и описательный метод. Метод наблюдения подразумевает целенаправленное выявление

совокупности данных о существенных свойствах и отношениях объекта изучения. Сопоставительный метод предполагает сопоставление языковых фактов, зафиксированных в эстонских оригиналах и их переводах, с теми русскими соответствиями (корректными или некорректными в языковом отношении), которые предлагаются переводчиками. Сопоставительный анализ первичного и вторичного текстов дает возможность сравнивать качество оригинальных и переводных текстов с точки зрения как текстовых, так и языковых особенностей.

В последнее время наблюдается рост интереса к сопоставительным исследованиям самых разных вербальных объектов. Специалисты – в числе прочих – называют и такие причины данной заинтересованности, как «необходимость совершенствования двуязычных словарей, в которых указываются специфические черты семантики переводных соответствий; потребность выявления универсальных черт языкового материала» и др. [Стернин 2006: 4]. Хотя сопоставительное языкознание считается преимущественно теоретическим направлением в лингвистике, однако нельзя не учитывать того, что для процесса перевода чрезвычайно важно понимать специфику организации и функционирования подсистем переводного и переводящего языков. В рамках же сопоставительной / контрастивной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему [там же: 12].

В докторской диссертации использовался и описательный метод, который представляет собой анализ собранного материала – на основе его классифицирования – с последующим изложением данных о характеристиках выявленных вербальных фактов. Описательный характер данной работы объясняется тем, что подобные исследования строятся на накоплении наблюдений, позволяющих делать обобщения. От статистического метода в ходе анализа пришлось отказаться по следующим причинам: 1) принять за единицу отсчета объема материала законченный текст не представляется возможным, ибо текст договора и текст небольшой брошюры несопоставимы по количеству знаков, хотя оба являются законченными, в то же время электронные тексты могут не иметь четких границ, т. к. они часто располагаются на последовательно открываемых электронных страницах, т. е. являются гипертекстом; 2) подсчет обработанных языковых единиц нецелесообразен в силу не только их уровневой и нормативной разнородности, но и наличия в текстах комплексных нарушений.

Теоретическая и практическая значимость настоящей работы состоит в возможности использования теоретических обобщений и полученных результатов при обучении эстонско-русскому как письменному – в первую очередь, так и устному переводу, при составлении учебных пособий. Кроме того, итоги анализа конкретных практических материалов могут служить своего рода рекомендациями для действующих переводчиков.

Следует уточнить, что во многих текстовых иллюстрациях порой встречается целый комплекс различных ошибок, поэтому неизбежным стало повторение некоторых текстовых и уровнево-языковых примеров в

соответствии с обсуждаемыми вопросами. С целью более наглядной презентации материала некоторые документы (или их части) приведены в разделе **Приложение**. Поскольку ввести в Приложение все проанализированные тексты не представляется возможным из-за их объема, то в данный раздел включены лишь некоторые из исследованных текстов.

Большая часть анализируемых в данном исследовании примеров текстов и текстовых фрагментов пронумерована. Исключение составляют языковые иллюстрации, которые приводятся по ходу рассуждения автора для пояснения того или иного положения. Параллельные тексты представлены в диссертации в виде оригинала. В Приложении нумерация параллельных текстов дается с учетом формально-содержательной организации диссертации: по ходу изложения.

Особо обозначим следующие дискуссионные термины, используемые в представленной к защите докторской диссертации:

- 1) термин *параллельные тексты* применяется для названия текстов оригинала и перевода / переводов, который / которые являются полноценной заменой оригинального текста (подробнее об этом см. в параграфе 2.2.2.);
- 2) термины *официально-деловой текст* и *деловой текст* используются в широком смысле и могут выступать как синонимы. Текст, маркированный как официально-деловой или деловой не относится к частной сфере жизни, ибо даже личные деловые бумаги (такие как свидетельство, доверенность, завещание и т. д.) регулируют ту или иную юридически значимую часть жизни человека – семейное положение, имущественные отношения и т. п.

Цели и структура диссертации

В настоящей диссертации поставлена цель провести теоретико-практическое исследование эстонско-русских переводных деловых текстов разных жанров и выяснить, претерпело ли деловое общение на русском языке заметные изменения под влиянием иноязычной культуры или осталось непроницаемым и неизменным по сравнению с временем первой Эстонской Республики и советским периодом.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- 1) дать обзор современного положения дел в сфере русскоязычной деловой коммуникации в Эстонии – с учетом исторического аспекта и сопоставления с языковой ситуацией в России;
- 2) выявить типовые трудности, связанные со спецификой эстонско-русского перевода деловых текстов и выяснить, какими способами они преодолеваются в процессе перевода;

- 3) оценить качество анализируемых переводных деловых текстов с точки зрения соблюдения литературных норм и определить типичные разновидности нарушений;
- 4) уточнить, какие ошибочные употребления, нарушающие литературные нормы русского языка (на разных языковых уровнях), наиболее типичны для эстонско-русского перевода.

Основная часть диссертации состоит из четырех глав, введения и заключения.

В **первой главе** диссертации представлена общая характеристика официально-делового стиля, его подстилей и жанров, обсуждаются традиционные и инновационные подходы к составу и функционированию официально-делового стиля в русском и эстонском языках.

Вторая глава начинается с краткого исторического обзора русскоязычной деловой сферы общения в Эстонии в XX веке и ранее, однако основная часть главы посвящена особенностям современной деловой коммуникации на русском языке в условиях Эстонии. В данной главе рассмотрены языковые факты, отличающие русский язык диаспоры Эстонии от русского языка России, а также значимые для данного исследования новые каналы общения и типы документов. Подчеркнем, что весь привлеченный для анализа материал является переводным.

Третья глава диссертации является теоретико-практической и включает в себя важные для настоящей работы теоретические положения переводоведения и практическое их отражение в процессе перевода с эстонского языка на русский. В данной главе описаны наиболее значимые для обсуждаемой пары языков переводческие приемы, типичные для эстонско-русского перевода трансформации, способы передачи безэквивалентной лексики, которые помогают реализовать требования литературной нормы.

Четвертая глава ориентирована на анализ переводного делового текста с точки зрения лингвистических и переводческих нарушений (уточнение последнего термина дается в параграфе 3.1.) разного типа. Глава разделена на три параграфа, в которых отдельно рассматриваются лексические, грамматические и переводческие нарушения.

Исходя из содержания диссертации, сформулированы **положения, выносимые на защиту**:

1. В настоящее время письменная официально-деловая коммуникация не является абсолютно консервативной коммуникативной средой: появляются современные каналы делового общения, расширяются границы официально-деловых текстов, возникают новые жанры, не все из которых описаны исследователями. В деловые тексты некоторых видов проникает эмотивность.
2. Региональные отличия между русским языком России и Эстонии существенно осложняют задачу переводчика, поскольку последний, помимо собственно воспроизведения текста на языке перевода,

должен быть готов к решению сложных вопросов прагматического характера, а также обязан понимать, кем и где будет использоваться переводной текст.

3. Эстонско-русский деловой перевод требует отдельного теоретического и практического обсуждения. В первую очередь это касается лексического уровня.
4. Качество переводных текстов постоянно улучшается, однако лексические нарушения, проблемы эквивалентности текстов оригинала и перевода остаются многочисленными и разнообразными.

Основные идеи и результаты диссертационного исследования обсуждались на международных конференциях в Эстонии, Латвии и России, излагались на докторантских / учебных семинарах, а также представлены в семнадцати публикациях, две из которых имеют индекс 1.1. и четыре – индекс 1.2.

ГЛАВА 1.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕЕ ДИНАМИКА

1.1. Русский национальный язык и его варианты

Любой национальный язык – это язык, принадлежащий всем носителям, которые используют его как средство общения. В нем сосредоточен и представлен весь исторический опыт народа [Зверева 2008: 18]. Но национальный язык – очень широкое понятие, охватывающее различные формы реализации языка. Русский национальный язык (как и другие) – это сложная система, которая включает в себя все варианты русского языка. Однако основным вариантом является литературный язык, то есть кодифицированный (нормированный) язык – в силу его значимости для всех носителей языка.

Важность функционирования литературного языка в различных сферах жизни подчеркивал еще В. В. Виноградов: «Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к функционированию в разных сферах народно-культурной и государственной жизни – как в устном, так и в письменном общении – в качестве единого и единственного» [Виноградов 1978: 297]. Специфика кодифицированного (нормированного) языка, который реализуется в устной и письменной форме, заключается в его делении на варианты-стили, имеющие свои варианты в виде подстилей и жанров. Систему вариантов национального языка иллюстрирует представленная ниже **Таблица № 1**, которая составлена автором диссертации². Ядром данного построения является русский литературный язык и его функциональные стили. Кроме вариантов национального языка по сферам употребления, в таблице отражены и региональные варианты русского национального языка, т. е. языки многочисленных диаспор.

Для данного исследования важно было обозначить в таблице место региональных вариантов относительно национального языка, поскольку общим объектом рассмотрения стал именно региональный вариант языка как форма, которую литературный язык принимает в том, или ином регионе. В данном случае – это язык русской диаспоры в Эстонии.

Каждый региональный вариант языка имеет свои характерные особенности, например, лексические регионализмы. Под лексическим регионализмом мы понимаем лексическую единицу регионального варианта языка, форма или значение которой не свойственны литературному языку и / или не зафиксированы последним, и для которой характерно употребление на территории более или менее крупного региона [Чернышева 2010: 218–219].

² В содержании таблицы учтены замечания научного руководителя.

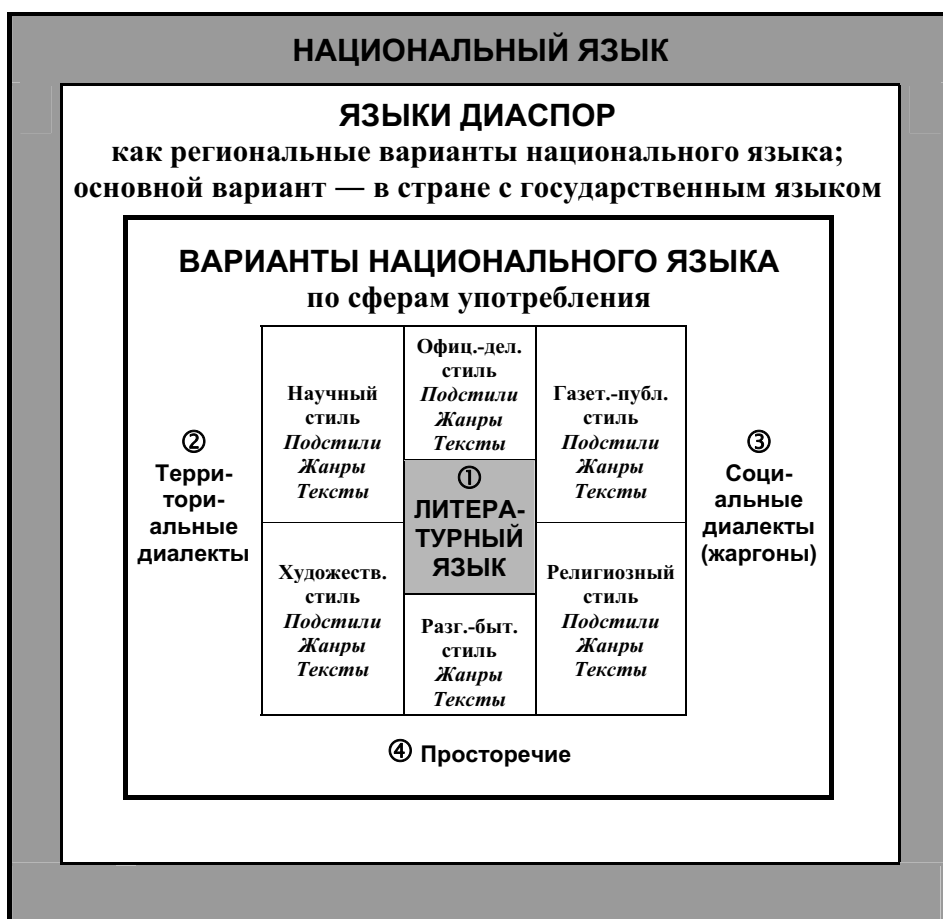

Таблица № 1. Состав русского национального языка

В современной русистике помимо вполне устоявшегося «регионального варианта» появились такие термины, как «локальная окраска», «локальный вариант», «территориальное варьирование», «региональная речь». Привлечение внимания учёных к региональной речи способствовало появлению в научном обиходе разного рода терминов, что свидетельствует не только об активной разработке данного явления, но и о том, что данное направление исследований – лингвистическая регионалистика – находится пока в стадии своего становления. Всё с большей активностью лингвистами рассматриваются понятия «региональная картина мира», «региональная личность», «региональная ментальность», «региональное сознание» и т. д. [Ливинская 2015: 39].

Ю. Н. Караулов ещё в 1992 году рассматривал язык русского зарубежья как «самостоятельный способ бытования русского языка, как отдельную сферу его существования». Русский язык зарубежья в силу своего жанрово-стилевого и функционального разнообразия и территориального варьиро-

вания в зависимости от того или иного инонационального окружения представляет собой необозримую и сложную тему [Караулов 1992: 5].

Рядом с традиционными формами реализации национального языка – письменной и устной речью – существовала и существует неофициальная (естественная) письменная речь, во многом обладающая чертами устной речи. В качестве примера такой речи можно привести различные тексты, создаваемые в процессе интернет-коммуникации. В лингвистике еще нет общепринятого термина для обозначения речи, которая порождается в результате интернет-общения, наиболее распространены понятия естественной письменной речи и письменной разговорной речи. Однако несмотря на некоторые расхождения в терминологии, существует широко распространенное мнение о том, что «онлайн-общение представляет собой гибридную – письменно-звуковую форму речи, ибо в повседневной виртуальной коммуникации письменная речь все более выступает как эквивалент бытовой разговорной речи» [Голев 2013: 14]. Например, согласно Н. Б. Лебедевой, «термином естественная письменная речь мы называем речевую деятельность (и ее результат – тексты), которая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам устная / письменная и естественная / искусственная речь» [Лебедева 2001: 5]. Таким образом, естественная письменная речь соседствует с тремя смежными речевыми сферами: 1) устно-разговорной деятельностью, т. е. естественной устной речью; 2) искусственной устной речью, т. е. профессиональной подготовленной речью; 3) искусственной письменной речью, т. е. профессионально подготовленной, письменно-литературной речевой деятельностью [там же].

Естественная письменная речь имеет специфические черты, такие как письменная форма выражения, спонтанность и естественность изложения («непрофессиональность» создания), позволяющие объединить весьма разнородный письменно-речевой материал. Письменный способ воплощения отличает этот вид речевой деятельности от естественной устной речи. Спонтанность и непрофессиональность исполнения объединяют естественную письменную речь с естественной устной речью [Лебедева 2001: 8; Золотова 2011: 226–227].

Понятие письменной разговорной речи, т. е. «речи, обладающей в условиях интернет-дискурса многими характеристиками разговорной речи (такими как неподготовленность, линейный характер, ведущий как к экономии, так и к избыточности речевых средств, непосредственный характер речевого акта и др.), но письменной по форме» [Валиахметова 2001: 8], не имеет, на наш взгляд, принципиальных отличий от термина естественной письменной речи, а скорее дополняет его.

Как и устная разговорная речь, тексты онлайн-коммуникации характеризуются синтаксической неполнотой, использованием сниженных языковых единиц, отсутствием «рамочных» конструкций, многотемностью. В целом, неофициальная письменная речь испытывает значительное влияние устной речи. Поскольку подобные тексты носят отчасти «текущий» характер, в них отражаются продукты повседневной, обыденной жизни созна-

ния человека [Золотова 2011: 228]. Отметим, что различные аспекты связи естественного языка с Интернетом, использования языка в Интернете активно исследуются учеными. Так, сейчас интенсивно разрабатываются базирующиеся на естественном языке электронные технологии [Шевчук 2013; Vaik, Muischnek 2018 и др.], обсуждаются изменения языка под влиянием Интернета [Crystal 2006; Кронгауз и др. 2016 и др.] и т. п.

Особо значимыми являются и изменения в языковой практике, обусловленные новациями в общественных и экономических отношениях последних десятилетий. Как пишет О. В. Загоровская, увеличилось количество самих форм существования национального русского языка. Начавшееся еще несколько десятилетий назад разрушение целостности публицистического стиля русского литературного языка завершилось его выделением в особую самостоятельную разновидность национального русского языка – язык средств массовой информации (язык массмедиа). Это новая форма существования русского языка, существенно расширившаяся за счет рекламного дискурса, а также за счет языка электронных средств общения, заняла, по ее мнению, промежуточное положение между русским литературным языком и нелитературными разновидностями национального русского языка [Загоровская 2013: 36]. Однако это утверждение О. В. Загоровской, по всей видимости, спорно.

1.2. Традиционная и современная классификации функциональных стилей русского литературного языка

В русистике учение о функциональных стилях и литературном языке сформировалось на основе идей Пражского лингвистического кружка (середина 20-х–начало 50-х гг. XX века), в который входили такие авторитетные лингвисты, как В. Матезиус, Б. Гавранек, Я. Мукаржовский, Р. Якобсон и др. Развивая идеи структурализма и функционализма, члены кружка понимали функцию как цель, ради которой употребляются языковые единицы. Так, Б. Гавранек писал, что «...функциональный стиль определяется конкретной целью того или иного высказывания...» [Гавранек 1967: 366]. Иначе говоря, функциональные стили сложились вследствие потребности общества в специализации языковых средств по разным социальным сферам, которые обслуживает язык, одновременно отражающий характерный для той или иной сферы деятельности человека тип мышления [Стилистика русского языка 1989: 151]. При этом понятие «функциональный стиль» опирается на основополагающую в определенной области общения цель.

Как особые подсистемы литературного языка, которые принято использовать в определенной сфере жизни, например в быту, науке или деловом общении [Лобанов 2007: 208], функциональные стили обуславливают

стилистическую гибкость национального языка, многообразные возможности языкового выражения, языкового варьирования мысли. Специалисты подчеркивают, что благодаря функциональным стилям «язык оказывается способным выразить сложную научную мысль, философскую мудрость, начертать законы, отобразить в эпосе многоплановую жизнь народа» [Солганик 1997].

Согласно уже сложившейся в стилистике традиции, каждый функциональный стиль литературного языка (как одного из вариантов языка национального) – это целая подсистема со своими особенностями. Традиционная стилевая парадигма включает пять основных функциональных разновидностей и их частных реализаций, что в обобщенном виде представлено в таблице, предложенной в свое время В. П. Щадневой на лекциях. Таблица № 2 наглядно показывает место функциональных стилей и их репрезентации в системе литературного языка:

Место функциональных стилей в системе литературного языка					
1.	Литературный национальный язык				
2.	Функциональные стили (подъязыки литературного языка)				
	Собственно коммуникативные стили				Эстетико-коммуникативный (художественный) стиль
	Официально-деловой	Научный	Газетно-публицистический	Обиходно-бытовой	
3.	Набор подстилей каждого функционального стиля				
4.	Набор жанров каждого подстиля				
5.	Виды жанров каждого подстиля				

Таблица № 2. Место функциональных стилей в системе литературного языка

Данная дифференциация функциональных стилей сейчас может быть признана неполной, поскольку в ней отсутствует религиозный стиль. Более того, эта классификация является далеко не единственной, поскольку в русистике нет окончательного и всеми принятого мнения о количестве стилей и четких механизмах их разделения. Дискуссии ведутся по поводу целесообразности а) объединения научного и официально-делового стилей в один «макростиль», б) включения в парадигму стилей разговорного и художественного стиля и т. д. [Москвин 2006: 13]. Часто названия функ-

циональных стилей имеют варианты, например, обиходно-разговорный и обиходно-бытовой, иногда выделяют дополнительные стили, например, идеологический, или подстили [Кушнерук 2008: 20–21].

Достоинство приведенной выше схемы заключается в том, что в ее основе лежит единство русского литературного языка и иерархичность его реализаций. В свою очередь Г. В. Векшин предлагает учитывать в классификации функциональных стилей речевую роль говорящего, что также целесообразно [Векшин 2002: 47]:

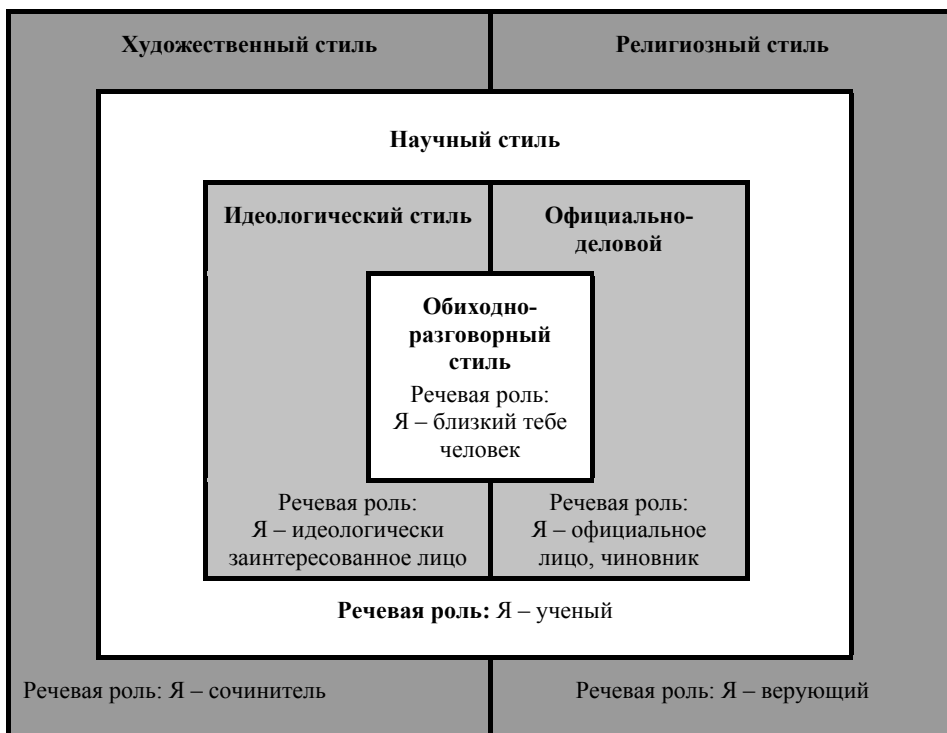

Таблица № 3. Классификация функциональных стилей по Г. В. Векшину

Напомним, что о необходимости единообразной классификации функциональных стилей писала еще в 1977 году М. Н. Кожина [Кожина 1977], указывавшая на то, что «степень различий известных классификаций преувеличена. Как правило, принципиальных разногласий и противоречий при этом не наблюдается. Впечатление разноречия большей частью создается из-за нечеткости терминологии» [Кожина 1977: 50]. Частично с этим утверждением можно согласиться, ибо набор названий основных стилей остается стабильным. Тем не менее даже примеры приведенных нами типологий свидетельствуют о том, что различие классификаций заключается не только в терминологии, но и в разных основаниях систематизации.

Так, О. В. Загоровская считает, что в составе русского литературного языка в настоящее время сформировалась новая функционально-стилевая

разновидность – стиль бизнеса и коммерции [Загоровская 2013: 37]. По мнению Н. И. Клушиной, к отдельным функциональным разновидностям следует отнести «стиль рекламы, стиль политики, стиль интернета, которые сегодня получили общественное значение и явно отделились от газетно-публицистического стиля, в рамках которого изучались ранее» [Клушина 2015: 45]. Тем самым в лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI века наблюдается тенденция к расширению системы функциональных стилей [Воронцова 2015: 73]. Этому способствует повсеместное распространение интернет-общения и связанной с ним «цифровой революции», которые оказали огромное влияние на все формы коммуникации – устную, письменную и электронную [Гайда 2015: 15]. В итоге изменениям подвергаются система стилей, отношения между ними и сами стили.

1.2.1. Общая характеристика официально-делового стиля

«Наиболее определенными, поддающимися системному описанию оказываются официально-деловой и научный стили. Для них характерна достаточно узкая сфера использования, однозначность функций и наличие определенных средств выражения» – такими строгими рамками ограничивает официально-деловой стиль «Практическая стилистика русского языка» [Практическая стилистика 1982: 5]. Действительно, официально-деловой стиль всегда обслуживал важнейшие сферы государственной жизни: внешние отношения, закрепление частной собственности, торговлю и т. д. и именно поэтому сформировался прежде других письменных стилей [Колтунова 2002: 29]. Характерные черты делового стиля проявились уже в тексте «Русской правды» (XI век) – своде законов Киевской Руси [Голуб 2006: 58]. Древнерусские деловые документы имели определенные правила написания, например, формулировку в начале грамот «*Се азъ...*», реквизиты и подписи в конце грамот. В тексте много терминов, относящихся к правовому институту Древней Руси: *видокъ*, *послухъ* – свидетели, *вира* – штраф за убийство, *дикая вира* – собранная заранее членами общины сумма денег, из которой в нужный момент можно брать деньги и платить штраф за убийство [Ковалевская 2012: 56]. В наше время нормы деловой речи воплощают в себе сложившиеся традиции построения текстов в соответствии с выражаемым содержанием, обстановкой, целью высказывания и охватывают языковые средства всех уровней языка.

Официально-деловой стиль по сей день играет большую роль в жизни общества и вносит особый вклад в лексикон литературного языка, поскольку этот стиль, функционируя и в устной, и в письменной форме – основной для официального общения, обслуживает повседневные официальные отношения между членами языкового сообщества. Однако данный стиль долгое время оставался «нелюбимым ребенком русской стилистики» [Стилистический словарь 2003: 276.], что нашло отражение в высказывании Л. А. Булаховского: «Бедный лексически, однотонный по содержа-

нию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлек» [Булаховский 1975: 25].

Далеко не все специалисты согласны со столь категоричной точкой зрения. Например, Л. В. Рахманин писал, что совершенно не правы те, кто видит в стандартизации деловой речи «обеднение» и даже «порчу» литературного языка, ведь плох не «канцелярит» как таковой, а плохо злоупотребление «канцеляритом» там, где он неуместен [Рахманин 1982: 16–17]. А. Н. Красивова считает, что русский литературный язык накопил в сфере письменного делового общения бесценный опыт, представленный унифицированными и трафаретными языковыми формами, традициями использования этикетных средств [Красивова 2001].

Сфера применения официально-делового стиля очень широка, что позволяет выделить, по меньшей мере, три разновидности (подстили) делового стиля:

1. **Дипломатический подстиль.** Эта разновидность официально-делового стиля обслуживает международные отношения.
2. **Юридический подстиль.** Эта разновидность официально-делового стиля оформляет отношения между государством и его гражданами. Это язык законов, указов, уставов, гражданских и уголовных актов.
3. **Официально-канцелярский или обиходно-деловой подстиль.** Эта разновидность официально-делового стиля используется в канцелярской переписке, договорах между предприятиями и организациями, расписках и прочей документации. Лексика документации включает в себя различную терминологию (профессионально-техническую, торговую, бухгалтерскую, строительную и др.) [Граудина, Ширяев 2002: 216].

Однако не все специалисты согласны с подобной дифференциацией официально-делового стиля на три разновидности. Н. С. Валгина, например, предлагает деление на следующие подстили: «Среди официально-деловой литературы, которая определяет черты официально-делового стиля, выделяются тексты дипломатические, законодательные, юридические, административно-канцелярские, которые в свою очередь имеют жанровую дифференциацию» [Валгина 2003: 119].

Примечательно, что наибольшим количеством вариантов названий отличается обиходно-деловой подстиль (сравним: *официально-канцелярский*, *административно-канцелярский*, *административный*, *управленческий* и т. д.). В рамках данного исследования мы будем опираться на дифференциацию подстилей и жанров, предложенную В. П. Щадневой в статье «О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии» [Щаднева 2009: 228]:

Официально-деловой стиль	
1. Официально-документальный подстиль	
Жанры дипломатического подстиля	Жанры законодательного подстиля
международный договор, конвенция, соглашение, меморандум, коммюнике, доклад, выступление на приемах	закон, указ, кодекс, нормативно-правовой акт, устав
2. Обиходно-деловой подстиль	
Жанры служебных документов и деловой переписки	Жанры личных деловых бумаг
Организационные: устав, положение, инструкция, штатное расписание Распорядительные: приказ, выписка из приказа, распоряжение, постановление, резолюция Информационно-справочные: акт, протокол, записка (докладная, объяснительная, служебная), письмо (сопроводительное, информационное, гарантийное, рекламное), письмо-извещение, письмо-подтверждение, письмо-напоминание; справка, счет, официальная реклама	автобиография, резюме, анкета, характеристика, заявление, ходатайство, расписка, доверенность, объяснительная записка, письменный отчет, завещание, отказ от наследства

Таблица № 4. Подстили и жанры официально-делового стиля

Отметим, что в таблице приведены лишь основные жанры, формализованные с точки зрения структуры и языка. Именно такие жанры позволяют говорить о том, что официально-деловой стиль, который функционирует преимущественно в письменной форме, отличается стабильностью, стандартизованностью и относительной замкнутостью, несмотря на разнообразие жанров официальных документов.

Важно подчеркнуть, что язык служебных документов нацелен на точность, в нем необходимо исключить малейшую возможность неправильного истолкования. Отсюда и стандартизация формы и языка, множество шаблонов, высокая повторяемость формулировок. Нейтральный тон изложения является нормой делового этикета, а эмоциональная, субъективная окрашенность исключается. Поэтому, по общему признанию, за пределами деловой речи оказываются формы, обладающие эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

Текстам деловых документов свойственны разные способы изложения: повествование (*автобиография, отчет*), описание (*акт, приказ, постановление*) и рассуждение (например, *служебное письмо*). При этом способы изложения в деловом стиле носят преимущественно констатирующе-предписывающий характер [Практическая стилистика 1982: 28–29].

Принято считать, что официально-деловой стиль в наименьшей степени подвержен изменениям. С данным утверждением нельзя не согласиться, если речь идет о дипломатических и законодательных текстах. Однако административно-канцелярские, законодательно-разъясняющие и юридически-разъясняющие тексты активно «примеряют» различные новшества. Вследствие взаимодействия делового общения со всеми сферами общественной жизни, неотъемлемой составляющей его становятся реклама, светское общение [Колтунова 2002: 6], что приводит к появлению инноваций в самом деловом общении. Так, долгое время считалось, что единственной функцией как официально-делового, так и научного стиля является функция сообщения, функция точной передачи какой-либо информации [Мусорин 2004]. Многие современные деловые тексты, помимо информационной функции, выполняют еще и дополнительные функции разъяснения, убеждения и т. д.

В настоящее время количество видов документов, которые используются в различных специфических официальных ситуациях столь велико, что классифицировать жанры крайне сложно. Поэтому специалисты по официально-деловому стилю пока еще не создали достаточно исчерпывающей типологии текстов данной сферы. Так, С. П. Кушнерук утверждает, что классификация деловых текстов на основе их лингвистических параметров пока не разработана, а характеризовать документы и деловые тексты совокупно невозможно из-за их неоднородности [Кушнерук 2008: 55]. Существует множество официально-деловых инструкций, которые содержат элементы научного и технического стилей, например, медицинскую терминологию (см. пример № 1 в Приложении), техническую и одновременно медицинскую терминологию (см. пример № 2 и № 3 в Приложении) и др.

Активно развивающийся жанр официально-деловой рекламы остается мало исследованной областью (особенно с лингвистической, а не с маркетинговой точки зрения) и обычно не включается в классификацию жанров официально-делового стиля. Между тем социальная (см. пример № 4 в Приложении) и официально-деловая реклама в значительной степени сохраняет деловую основу, хотя и является пограничным жанром (см. пример № 5, № 27, № 28 в Приложении). Таким образом, понятие официально-делового текста стало включать в себя не только юридические, дипломатические и традиционные канцелярские документы, но и так называемые пограничные или нестандартные тексты, к которым, кроме деловой и социальной рекламы, можно отнести и различные тексты, представляющие и характеризующие деятельность частной компании или государ-

ственного учреждения (в том числе и веб-страницы), коммерческие и интруктурирующие письма, рекомендации и т. д.

В отличие от «классических» документных текстов, текстовые образования, которые объединяют документные и недокументные свойства, отражают своеобразный переход между документной и недокументной коммуникацией. Иными словами, поскольку данные тексты сохраняют некоторую часть документных свойств и их можно считать «представителями периферии поля многообразных документных текстов», считает С. П. Кушнерук. Именно к такой периферии можно отнести тексты официальных рекламных сообщений, ведь «отношения между лингвистическими объектами очень часто имеют не взаимоисключающий, конфронтационный характер, а характер постепенного приобретения или потери качества» [Кушнерук 2008: 63–64]. К периферии делового стиля относит информативную (деловую) рекламу и А. Н. Красивова [Красивова 2001], а Л. Г. Лисицкая отмечает, что «в последнее время широкое распространение получили документы информационно-рекламного характера» [Лисицкая 2007]. К таким текстам официального характера относятся товарное предложение, сообщение потенциальным потребителям о видах производимых товаров или оказываемых услуг (см. пример № 6 в Приложении) и др.

Таким образом, появление новых задач в деловой коммуникации привело к отходу от строгой стандартизованности и регламентированности в некоторых жанрах деловых текстов. В настоящее время в деловом общении, которое не маркировано высоким статусом официальности, усиливается личностное начало, наблюдается отказ от строгой безэмоциональности, проявляется внимание к фактору адресата, важным становится налаживание партнерских взаимоотношений [подробнее об этом см. Вельман-Омелина 2015а]. Тем не менее, результат исследования, в рамках которого каждому информанту было предложено дать собственное определение официального документа и назвать его главные признаки, показал, что информанты воспринимают любой деловой текст как строго официальный. Иными словами, официальный документ – это «имеющая печать и подпись, написанная в официально-деловом стиле, оформленная определенным установленным образом бумага, передающая важную деловую информацию в сфере делового общения, обладающая юридической силой и написанная с целью разрешения какого-либо вопроса или проблемы». Материалом для исследования стали данные, полученные путем анкетирования студентов Южного федерального университета. В анкетировании приняли участие студенты, обучающиеся по разным направлениям: «Филология» 93 человека, «Журналистика» 50 человек, «Менеджмент организации» 60 человек, «Прикладная математика» 32 человека и «Туризм» – всего 253 респондента [Ярцев 2010: 221]. Именно эти черты воспринимаются как наиболее важные при составлении каких-либо документов, как отличающие документы от всех других жанров письменной речи [там же]. К признакам официальности следует отнести и указание на авторитетный

источник с официальным статусом, который закреплён или в самой системе государственных институтов (министерства, департаменты, государственные учреждения), или же в разных государственных регистрах (фирмы, предприятия, объединения, товарищества и т. д.). Кроме того, бумажные издания всех перечисленных организаций также имеют официальный статус, хотя, как правило, и не снабжаются печатями и подписями, что, естественно относится и к интернет-текстам (см. пример № 7 в Приложении).

Авторы современных исследований начинают говорить о наличии эмотивности (в том числе и нулевой) у текстов официально-делового стиля. Однако нулевая эмотивность – это не отсутствие эмоциональной составляющей, а возможность проявления эмотивности при погружении деловых текстов в различные коммуникативные ситуации. Это потенциальная способность делового текста, традиционно признанного эмоционально-нейтральным, становиться эмотивным в зависимости от характера коммуникативной ситуации [Цой 2012: 141–142]. Все это, однако, не противоречит тезису о минимальном содержании эмоционально окрашенной лексики в строго официальных документах, а скорее подчеркивает произошедшие изменения в сфере делового документооборота.

С. П. Кушнерук отмечает, что вполне возможны следующие ситуации: какие-либо тексты имеют совокупность качеств, которые свойственны документным текстам, и одновременно ряд качеств, которые документным текстам не присущи. В отличие от «классических» документов, тексты, объединяющие документные и недокументные свойства, отражают своеобразный переход между средствами документной и недокументной лингвистики [Кушнерук 2008: 63–65]. Принимая во внимание и существенное расширение сферы применения официально-делового стиля, и влияние Интернета на деловую среду, современные исследователи, например, А. И. Цой [Цой 2011], все чаще склоняются к мысли о том, что тексты письменной бизнес-коммуникации следует рассматривать как отдельную часть официально-делового стиля. Однако несмотря на все вышесказанное, можно говорить о том, что официально-деловой язык – это относительно закрытая подсистема, «имеющая свои определенные лексические, морфологические и синтаксические особенности. Эти особенности обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, вытекающими из целенаправленности, характера и задач данной специфической сферы языкового общения» [Казанцев 2002: 37].

1.2.2. Норма и основные функционально-стилевые, жанровые, текстовые и языковые особенности официально-деловой коммуникации

Рассмотренный выше вопрос о классификации функциональных стилей и их жанров неразрывно связан с понятием «норма», ибо функционально-стилевая и жанровая дифференциация немыслимы без существования стиливых и жанровых языковых норм. Тем самым к теоретико-методологическим основам диссертации относится и идея нормы, понятие которой в лингвистической литературе толкуется по-разному [например: Косериу 1963; Общее языкознание 1970; Ицкович 1982; Березин 1992 и др.], хотя разрабатывается оно в языкознании с давних пор.

Иными словами, охватывая разные аспекты выбора и использования принятых в общественно-языковой практике вербальных средств, термин «норма» стал многозначным, что отражается в разных, хотя и соотносительных между собой, трактовках данного феномена. При этом понятийное содержание термина «норма» и его предметная отнесенность колеблются в большом смысловом диапазоне, вследствие чего в современном языкознании существуют разные определения понятия «норма», что обусловлено различием аспектов, положенных в основу дефиниций.

Поскольку углубление в общую теорию нормы и детальное освещение разных концепций, выходит за рамки задач данной диссертации, остановимся на тех аспектах, которые непосредственно связаны с исследуемым текстово-языковым материалом.

Понятие нормы сопряжено с реально существующей и постоянно развивающейся системой языка, а также с ее реальным воплощением в речи, поэтому рассмотрение проблем нормы неизбежно включает и разноуровневые системно-языковые нормативные правила, и закономерности употребления языковых средств в разных ситуациях общения, охватывающих разножанровые тексты – со всем комплексом общепринятых языковых и структурно-текстовых требований к ним.

Лингвистическая норма, как и функционально-стилевая дифференциация языка, являются основными отличительными свойствами литературного языка, реализуемого в речи в устной и письменной формах, которые в рамках единого языка также становятся неотъемлемыми составляющими функционально-стилевой дифференциации. В результате норма оказывается совокупностью функционально-стилевых, жанровых, текстовых и собственно языковых правил употребления вербальных средств. По этой причине целесообразно говорить о норме в широком понимании, охватывающем разные вербально воплощаемые проявления как результаты речевой деятельности, и понимании узком, обращенном только к самой языковой системе и воплощенном в целенаправленной кодификации. Разумеется, названные осмысления нормы взаимосвязаны и потому отражены в нашем анализе, однако узкий подход к норме представлен и автономно – в главе 4.

По мнению В. А. Ицковича, с одной стороны, «нормой называют общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих (воспроизводимое говорящими)», с другой стороны, «нормой называют предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные учебником, словарем, справочником» [Ицкович 1982: 7]. Таким образом, норма имеет два способа существования: имплицитный, выступающий в неявной форме, и эксплицитный, закрепленный в явном виде в кодификации, которая отражает представление авторов словарей, справочников, грамматических пособий о языковой норме [там же: 11]. При этом кодификация как описание рекомендуемой нормы оказывает воздействие на речевую практику, т. к. носит императивный характер. В то же время развитие языка предполагает постепенные изменения и в сфере нормы.

Автор данного исследования исходит из положения о динамичности нормы [см., например, Русский язык 1997; Плещенко и др. 2001; Стилистический словарь 2003: 434]. Эта динамичность обусловлена противоречием, возникающим между структурными единицами языка в их конкретном проявлении в речевой практике и теми установленными правилами, которые регламентируют функционирование данных структурных единиц в устных и письменных текстах. Иначе говоря, наблюдается отставание кодификации от нормы, что наглядно демонстрируют современные тексты, в том числе и официально-деловые.

Понятие нормы тесно связано с понятием функционального стиля. Функционально-стилевые нормы можно определить как наиболее целесообразные в той или иной сфере общения принципы отбора, сочетания и организации языковых средств в зависимости от ситуации, целей и задач общения [Плещенко и др. 2001; Стилистический словарь 2003: 433]. Иными словами, каждому функциональному стилю присуща особая нормативность [Стилистический словарь 2003: 433], включающая такие важные параметры, как отбор самих языковых средств, правила их сочетаемости между собой, а также соотношение межстилевых и собственно стилиевых языковых единиц. Нарушением функционально-стилевой нормы официально-делового стиля считается использование языковых средств, которые противостоят требованиям точности, логичности, однозначности языка деловых бумаг из-за игнорирования стилиевых правил употребления единиц языка в речи [Голышкина и др. 2015: 98].

Большинство порождаемых текстов на основе содержания, оформления и языковых особенностей можно соотнести с определенным стилем, подстилем и жанром. Специфика жанров, как и самих стилей, является результатом действия экстралингвистических факторов. Один жанр от другого отличают не только сами языковые средства, но и их отбор и организация. Жанры документов, которые используются в различных официальных ситуациях, настолько многообразны, что единой и общепринятой их классификации нет. Однако большинством специалистов выделяются такие группы текстов, как организационно-правовые, распорядительные, инфор-

мационно-справочные, гражданско-правовые и личные документы [Стилистика русского языка 1989: 149–150].

В то же время частные сферы официально-делового общения имеют набор наиболее типичных жанров. Перечисление и тем более описание всех жанров официально-делового стиля – задача отдельной публикации, поэтому в нашей таблице **№ 4** *Подстили и жанры официально-делового стиля* представлены лишь основные жанры, однако этот перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен, например: 1) законодательный подстиль – аффидевиты, постановление; 2) дипломатический подстиль – верительная грамота, нота протеста; 3) служебные документы и деловая переписка – финансовый отчет, учредительные документы, лицензия, смета; 4) личные документы – диплом, свидетельство, документ, удостоверяющий личность и т. д.

В деловых текстах многих жанров проявляется достаточно жесткая стандартизованность не только в речевых формулах, клише с официально-деловой окраской. Нормы распространяются и на внешнюю форму написания разного рода деловых бумаг, которая вырабатывалась если не веками, то десятилетиями. Консервативность стиля обусловлена необходимостью точно и четко передать деловую информацию, не допустить искажения смысла и оформить документ с соблюдением всех текстово-языковых норм [Щаднева, Вельман-Омелина 2012: 337], ибо как писал Л. В. Щерба о языке законов, официально-деловой текст требует прежде всего точности и «невозможности каких-либо кривотолков», а не быстроты понимания, поскольку заинтересованный человек «безо всякого пошукания прочтет всякую статью закона и два и три раза» [Щерба 1957: 119].

Появлению и сохранению устоявшихся традиций, которые закрепились в языке и структуре текстов многих жанров, способствует высокая степень регламентированности самой официально-деловой коммуникации. Данное обстоятельство не могло не отразиться как на языковой составляющей деловых текстов, так и на их форме, структуре.

«Основные различия между текстовыми и языковыми нормами сводятся к следующему: для текстовых норм важны требования к построению определенных типов и частей текста, для языковых норм характерно ограничение возможности употребления языковых единиц в контексте документа» [Граудина, Ширяев 2002: 221]. По сути дела, текстовые нормы одновременно являются и жанровыми, т. е. можно говорить о текстово-жанровых нормах. Без соблюдения таких норм невозможно составить документ, имеющий правовую значимость. А это означает, что следование таким нормам обязательно и при переводе документов на другой язык.

Как текстово-жанровые, так и языковые нормы базовых институциональных жанров официально-делового стиля подробно описаны специалистами в области функциональной стилистики. В частности, М. Н. Кожина, Л. В. Рахманин, Т. П. Плещенко, И. Б. Голуб и др. отмечают «сухость» и официальность данного стиля и его подстилей. В деловых текстах, по

словам авторов, прослеживается стремление к использованию аббревиатур и множественных повторов. Данные тексты отличаются также употреблением слов и выражений, которые являются носителями функционально-стилевой окраски «официально-деловое». По этой причине использование такой стилистически ограниченной лексики не принято в других стилях [Голуб 2006: 59].

Документ – это текст, рассчитанный на неоднократное вдумчивое прочтение и изучение его. Сложность, иерархичность композиции не позволяют воспринять текст сразу (в первую очередь это относится к таким текстам как договоры, приказы, указы) [Колтунова 2002: 128]. Текст документа не является произвольным как по содержанию, так и по форме. Крайне важным в оформлении деловых бумаг и документов является расположение частей текста, выделение абзацев, рубрикация, ибо в этом выражается иерархичность композиции и регламентированность деловых текстов.

Документ может быть рассмотрен как ряд или сумма постоянных элементов содержания – т. н. регулярных реквизитов. Специалисты в области официально-делового стиля называют следующие реквизиты [Граудина, Ширяев 2002: 219]:

- 1) об адресате;
- 2) об адресанте;
- 3) наименование жанра документа (в некоторых документах название обязательно, например: *должностная инструкция*, *договор строительного подряда*, а в некоторых оно не ставится, например, в *деловых письмах*);
- 4) опись документальных приложений (если они имеются);
- 5) дата;
- 6) подпись автора документа (и других лиц, если это необходимо).

Схема обусловленности выбора при реализации деловой речи такова: типовая официально-деловая ситуация → жанр документа → форма документа → языковое наполнение документа [там же]. Обязательными реквизитами для большей части документации являются: название документа, полные имена (названия) сторон, личные данные сторон, дата и подписи. Следует отметить, что в современных условиях оформления документов подпись может иметь и цифровой / цифровой вариант в случае, если документ будет использоваться в интернет-среде. При использовании цифрово подписанных документов вне электронной среды цифровая подпись на них визуально не отображается.

Членение текста на абзацы, использование цифр и букв для обозначения разделов, выделение ключевых единиц текста – всё это в сочетании с последовательностью фрагментов, которая определяется, как указывает А. И. Казанцев, движением от рода к виду, от более важного к менее важному, делает прозрачной логическую схему текста. В итоге официально-

деловой текст «приобретает дискретный вид и состоит из отдельных блоков, но именно это и соответствует основной целевой установке данного стиля» [Казанцев 2002: 9]. Добавим, что четко организованная структура деловых текстов помогает избежать как избыточной, так и неполной информации.

Но текстово-жанровые нормы не являются одинаковыми для всех видов деловых текстов. По мнению Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева [Граудина, Ширяев 2002: 222–223], можно говорить, по меньшей мере, о трех степенях жесткости текстовых норм:

1. **Образец-матрица** – это текст с фиксированностью всех трех параметров организации текста: **а)** набора содержательных реквизитов, **б)** их последовательности, **в)** их пространственного расположения. Такую форму имеет доверенность или справка.
2. **Образец-модель** – это тип текста, который демонстрирует больший по сравнению с образцом-матрицей уровень гибкости нормы. Здесь наблюдается фиксированность двух параметров организации текста: **а)** набора основных содержательных элементов (реквизитов) и **б)** их последовательности. К такому типу текста относится большая часть деловых писем.
3. **Образец-схема** – это тип текста, имеющий наименее жесткую организацию и характеризующийся только одним параметром: фиксированностью набора основных элементов содержания (реквизитов), причем чаще всего имеет место применение реквизита как начального элемента, определяющего сам тип текста. В качестве примера можно привести текст объяснительной записки.

Необходимо отметить, что в нашем материале тексты, которые можно отнести к Образцам-матрицам, отражены в меньшей степени, в силу недоступности их как источника. Современные деловые интернет-тексты, например, текстовое наполнение различных веб-страниц, тексты информирующего и разъясняющего характера и т. п. принадлежат, на наш взгляд, к Образцам-схемам.

Важнейшим требованием, предъявляемым к текстам официально-делового стиля, является соблюдение кодифицированных норм современного русского литературного языка. В условиях деловой коммуникации, ставшей обыденной, повседневной, специалисты все увереннее говорят о том, что понятие делового общения существенно шире общепринятых рамок официально-делового стиля. Иными словами, деловое общение противопоставляется частному и охватывает не только привычную среду делопроизводства, но и такие сферы как реклама (см. пример № 5 в Приложении), передача сообщений и информации от различных учреждений потенциальным потребителям услуги / покупателям (см. пример № 8 в приложении), беседы (в том числе и на форумах) на различные деловые темы и т. д. Именно поэтому современные авторы указывают на изменения норм

и инновации – прежде всего, на лексическом уровне. Сказанное значимо для разных литературных языков, которые также характеризуются и проникновением профессиональных жаргонов в повседневную речь, и расширением норм устной разговорной речи на сферы, ранее принадлежавшие письменной речи [Ратмайр 2013: 38]. Так, за счет специальной лексики, в первую очередь экономической и общественно-политической, происходит увеличение состава общеупотребительной лексики русского языка. Как отмечает О. В. Загоровская, массовый характер приобретает нейтрализация стилистических характеристик «специальное» в словах типа *ваучер*, *акция*, *коммерция*, *индексация*, *биржа* и т. п. [Загоровская 2013: 15–16].

Что касается области грамматики, то специалисты всегда указывали на сугубо именную характер официально-делового стиля, и следует отметить значимость этого утверждения также для текстов официально-делового стиля нашего времени. Попутно отметим, что данное положение распространяется и на подобные эстонские тексты, что может свидетельствовать о языковой универсалии. Одно и то же существительное в русских деловых текстах может повторяться даже в рядом стоящих предложениях и не заменяться местоимением. В художественных, научных текстах подобное употребление квалифицируется как тавтология. Напротив, в официально-деловом стиле такие повторы функционально обусловлены, так как с их помощью удастся избежать неверных толкований [Плещенко и др. 2001].

Деловой стиль всегда требовал точности высказываний, поэтому двоякое понимание не допускается и в современных текстах. Нацеленностью на точность обусловлено использование для выражения мысли готовых языковых формул-клише, например, *настоящая справка*. Своеобразная клишированность проявляется и в том, что в деловой речи ограничены возможности лексической сочетаемости слов: письмо *составляется* (а не пишется) и *направляется* (а не посылается) [Рахманин 1982: 12–14]. Для официально-делового стиля характерна меньшая частота использования глагола. Самыми распространенными являются формы глаголов настоящего времени, которые обычно выполняют в тексте функцию предписания и долженствования (*страховая сумма выплачивается полностью*). Формы глаголов будущего времени встречаются реже и также выполняют функцию долженствования, предписания (*товары будут изъяты таможенной службой*). В текстах официально-делового стиля достаточно редко наблюдаются формы местоимений и глаголов первого и второго лица, однако в отдельных жанрах официально-делового подстиля (*заявление*, *доверенность*, *деловое письмо* и т. д.) употребляются и эти формы (см. пример № 9 и № 10 в Приложении). Это связано с необходимостью конкретизации, возможностью точного указания на автора текста. Например, при составлении делового письма возможно употребление как формы первого лица единственного числа, так и формы первого лица множественного числа [Граудина, Ширяев 2002: 229].

Синтаксис делового стиля носит обезличенный, обобщающий характер. Широко применяются страдательные конструкции, которые позволяют

абстрагироваться от конкретных лиц (исполнителей) и сосредоточить внимание на самих действиях (*Зарегистрировано 20 заявлений*). Для синтаксиса официально-делового стиля характерен строгий и определенный (прямой) порядок слов в предложении, что вызвано необходимостью логично и точно выражать мысли в официальных документах. По мнению Н. С. Валгиной, «субъект речи в деловом тексте не персонифицируется, однако он, будучи неперсонифицированным, стремится активно воздействовать на читателя, в частности эксплицитно выражая значение необходимости (*надо, нужно, необходимо, должно, следует учесть*). Формы выражения значения необходимости могут быть разной степени категоричности (*настоятельное требование, указание, рекомендация, пожелание* и т. д.)» [Валгина 2003: 95–96].

Приведенные в данном параграфе виды норм присущи и современным деловым текстам. Динамика в большей степени затрагивает уровень лексики, в то время как грамматический уровень, несмотря на некоторые новшества, остается более стабильным, что и будет показано в материале анализа.

1.3. Об официально-деловом стиле в эстонской функциональной стилистике

В эстонской лингвистике также используется понятие вариантов национального языка – *allkeel* (буквально: *подъязык*). По значению данный термин близок принятому в русистике *варианту национального языка*. Т. Хенносте замечает, что достаточно четкую границу можно провести только между нормативным языком и остальными вариантами национального языка. Также Т. Хенносте считает, что функциональные стили покрывают только часть особенностей эстонского языка и сфер его употребления [Hennoste 2000: 37, 39–40].

Функциональные стили выделяют и эстонские лингвисты. По их словам, стиль – это способ использования языка, отвечающий коммуникативной ситуации и цели коммуникации. Признаками стиля являются морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические и прочие особенности [Käsiraamat 1997]. Особенное внимание уделяется языковой правильности и формулам вежливости [Aavik 2015]. М. Мягер, в частности, говоря о важности изучения стилистики, подчеркивает, что ни один функциональный стиль не являет собой закрытую систему. М. Мягер придерживается близкого русской классической стилистике разделения на функциональные стили. Например, он пишет, что *ametlik stiil* (буквально: официальный стиль) включает в себя *diplomaatia stiil* (дипломатический стиль), *juriidiline stiil* (юридический стиль) и *asjaajamis- või kantseleistii* (стиль делопроизводства или канцелярский) [Mäger 1986: 3, 7]. Э. Аарелейд в своей магистерской работе приводит классификацию функциональных

стилей по работам Э. Ризель, в которой выделяются стиль делопроизводства *asjaajamisstiil*, научный, публицистический, разговорный и художественный стили [Aareleid 2006: 13]. Попутно отметим, что общие черты с классическими изданиями по русской стилистике прослеживаются не только в дифференциации функциональных стилей и подстилей, но и в характеристике официально-делового стиля. Отмечается стандартизованность, обезличенность, точность и однозначность [там же: 79]. Для официально-делового стиля эстонского языка, так же как и для русского, характерно использование профессиональной лексики и устойчивых сочетаний слов, например, *paragrahvi kohaldama* (буквально: *применить параграф*), *kuritegu toime panema* (буквально: *совершить преступление*) и т. д. [Käsi- gaamat 1997].

Вместе с тем необходимо отметить, что общепринятого эстонского названия для официально-делового стиля нам обнаружить не удалось. Используемые эстонскими лингвистами названия *ametikeel*, *asjaajamiskeel* и *ärikel* в большей степени выражают разнообразие возможных подстилей, нежели варианты одного названия. Так, Р. Куль приводит следующие определения для понятий *ametikeel* и *asjaajamiskeel*. *Asjaajamiskeel* используется различными учреждениями для общения как между собой, так и с физическими лицами. В то же время *ametikeel* – это та часть от *asjaajamiskeel*, которая используется чиновниками и учреждениями в определенной (своей) сфере деятельности [Kull 2000: 11].

Термин *asjaajamiskeel* приводится и в Законе о языке³ в значении языка делопроизводства. Помимо этого, подобное использование встречается в газетных текстах, например: *Vitsut: asjaajamiskeel võib olla ka vene keel*⁴ (буквально: Витсут: языком делопроизводства может быть и русский язык).

В Законе о языке содержится еще два термина: *ametlik keelekasutus*⁵ и *teabekeel*⁶, сферы использования которых соответствуют функциям отдельных подстилей и жанров русского официально-делового стиля. Так, *ametlik keelekasutus* (= официальное использование языка) – это использование языка государственными учреждениями, учреждениями местного самоуправления, нотариусами, судебными исполнителями, присяжными переводчиками и т. д. в документах, на сайтах, вывесках, указателях и в общении. Важным аспектом для данной сферы использования языка является соблюдение языковых норм эстонского языка, что и предписывается Законом о языке. В то же время, по мнению Р. Казик, точно соответствовать нормам должен и *tarbekeel* (= обиходно-деловой язык), поскольку и здесь отклонение от норм может привести к неверному пониманию текста [Kasik 2007: 46].

³ Keeleseadus § 10. (<https://www.riigiteataja.ee/akt/118032011001?leiaKehtiv>)

⁴ (<http://www.delfi.ee/news/paevauudised/est/vitsut-asjaajamiskeel-voib-olla-ka-vene-keel?id=25597273>)

⁵ Keeleseadus § 4. (<https://www.riigiteataja.ee/akt/118032011001?leiaKehtiv>)

⁶ Keeleseadus § 16. (<https://www.riigiteataja.ee/akt/118032011001?leiaKehtiv>)

С помощью *teabekeel* (= язык информации) осуществляется передача коммерческой, политической и иной информации (например, вывески, реклама, веб-страницы предприятий и т. д.).

Возвращаясь к деловому общению, приведем мнение И. Кукк, которая считает, что одним из главных требований, предъявляемых к языку официального общения, является доступность для понимания. Согласно И. Кукк, это гарантия того, что все граждане в равной степени смогут участвовать в жизни государства и в защите собственных интересов [Kukk 2002; 2003: 90], ибо любой человек в течение жизни постоянно соприкасается с различными департаментами, министерствами, т. е. с официально-деловой сферой общения.

Можно с уверенностью утверждать, что, как и русская, эстонская деловая речь тоже претерпевает огромные изменения, в том числе и в связи со сменой бумажной среды общения на электронную, с наступлением века «документной электронизации» [Кушнерук 2008: 211]. Создание системы электронного государства в Эстонии дало возможность тысячам частных и юридических лиц Эстонии перевести общение с различными инстанциями в Интернет. Это затрагивает носителей и эстонского, и русского языков. Многие документы составляются и хранятся только в электронном виде. В итоге электронная реализация официально-делового общения охватывает в Эстонии целый ряд сфер общения и с государственным, и с частным сектором [Вельман-Омелина 2014: 233–234]. Возникающие при этом новые жанры официально-делового стиля, новые текстовые и языковые нормы требуют научного осмысления. Но современного осмысления требуют и традиционные жанры, поскольку они также подвергаются некоторым языковым и формальным изменениям.

Попутно обратим внимание на суждение рассматривающей договоры, заявления и другие жанры Р. Рейнсалу [Reinsalu 2011; Reinsalu 2017] о том, что изучение жанров документов требует прежде всего знания и понимания внеязыкового контекста. Только со знанием такого контекста можно обратиться к анализу языковых особенностей того или иного текста [Reinsalu 2011: 217]. Отметим, что в русистике уже давно принято говорить об экстралингвистических факторах формирования любых текстов [Стилистика русского языка 1989; Кожина 1977], которые учитываются в следующей иерархической последовательности: национальный язык > функциональный стиль > подстиль > жанр > текст (см. таблицу № 1. Состав русского национального языка в параграфе 1.1.).

Наблюдения показывают, что определенный сдвиг наблюдается и в деловой этикетке как в русском, так и в эстонском языках (подробнее об этом см. в параграфе 3.4.).

Следует особо отметить, что заметная часть эстоноязычных разработок, касающаяся делового стиля речи, носит практический – прикладной – характер. Например, в сфере эстонского делопроизводства продолжают появляться конкретные рекомендации по оформлению и составлению документов определенного типа, например, [Piiraja 2008], [Veermets 2007] и др.

Выводы

В представленной главе обобщается теоретический материал, касающийся основных положений русской и эстонской стилистики. Основное внимание сосредоточено на аспектах, которые наиболее важны для данного исследования, поэтому в первую очередь обсуждается осмысление понятия официально-делового стиля в русской и эстонской стилистической традиции.

Русский национальный язык является сложной системой и включает в себя все варианты русского языка с традиционными формами реализации – письменной и устной. Однако современные исследования доказывают наличие такой формы реализации русского языка как естественная письменная речь, которой присущи черты как письменной, так и устной речи. Именно к естественной письменной речи можно отнести такие варианты деловой коммуникации как обмен электронными сообщениями на тематических форумах, электронную деловую переписку в чатах и т. д.

Основным вариантом русского национального языка является литературный язык, т. е. кодифицированный (нормированный) язык, который делится на варианты-стили. Несмотря на то, что о необходимости единой классификации функциональных стилей писала М. Н. Кожина [Кожина 1977] еще в 1977 году, в русистике нет окончательного и всеми принятого мнения о количестве функциональных стилей и четких механизмах их разделения. Общеизвестно, что официально-деловой стиль сформировался прежде других письменных стилей и всегда обслуживал важнейшие сферы государственной жизни. Традиционно принято считать, что официально-деловой язык отличается стабильностью, стандартизованностью, относительной замкнутостью и стремлением к максимальной точности изложения. Нейтральный тон является нормой делового этикета, а эмоциональная, субъективная окрашенность сведена к минимуму.

В эстонской лингвистике также используется понятие вариантов национального языка. Близкими к русской функциональной стилистике являются и дифференциация функциональных стилей, и характеристика официально-делового стиля. Однако общепринятого эстонского названия для официально-делового стиля нам обнаружить не удалось. Думается, что используемые эстонскими лингвистами номинации официально-делового стиля – *ametikeel*, *asjaajamiskeel* и *ärikeel* – скорее обозначают разнообразие возможных подстилей, нежели варианты одного названия.

Официально-деловая сфера сегодня стала неотъемлемой частью жизни каждого человека. Именно с помощью деловых текстов разных жанров происходит обмен информацией между государственными инстанциями и юридическими или частными лицами. При этом в современных условиях формируются новые жанры официально-делового стиля, а также новые текстовые и языковые нормы.

Так, в настоящее время количество различных видов документов, которые используются в официально-деловых ситуациях столь велико, что и

классифицировать, и словесно обозначить жанры крайне сложно. Именно поэтому общепринятой, исчерпывающей типологии текстов данной сферы пока нет.

Интерес к изучению официально-делового стиля стабильно растет. Думается, что в первую очередь это вызвано произошедшими в деловой среде изменениями. Деловое общение вышло за пределы юриспруденции, законотворчества и документоведения. Однако осмысление делового стиля в духе современных тенденций не противоречит традиционным характеристикам, а подчеркивает современные особенности официально-деловой коммуникации.

ГЛАВА 2.

ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ЭСТОНИИ

Поскольку перевод является неотъемлемой чертой официально-деловой коммуникации в условиях диаспоры, следует определить место официально-делового эстонско-русского перевода в общении на русском языке в Эстонии. Прежде всего, дадим краткий диахронический и синхронический обзоры положения дел с официально-деловой коммуникацией на русском языке.

Необходимо напомнить, что большой вклад в исследование языка диаспоры в целом внесли преподаватели кафедры русского языка Тартуского университета: И. П. Кюльмоя [Кюльмоя 2000; 2002; 2009; 2013], В. П. Щаднева [Щаднева 2002; 2009; 2011; 2015], Е. И. Костанди [Костанди 2006; 2007; 2009; 2011; 2016], С. Б. Евстратова [Евстратова 2000; 2012; 2014], О. Н. Паликова [2009]. «Именно кафедрой русского языка Тартуского университета была начата традиция проведения конференций по проблемам функционирования русского языка в условиях диаспоры» [Кюльмоя 2009: 12].

В исследованиях преподавателей кафедры анализируется общение в разных условиях, в том числе и в официально-деловой сфере. Кроме того, под руководством ряда преподавателей (И. П. Кюльмоя, Е. И. Костанди, В. П. Щадневой) защищены магистерские и бакалаврские работы, в которых обсуждаются частные особенности языка русских официально-деловых текстов: [Вяль 2012]. Часть работ выполнена на материале или русско-эстонских: [Фегели 2010], или эстонско-русских переводных текстов: [Сокол 2010], [Коркин 2007] и др. Уточняющие сведения о содержании некоторых значимых для данной диссертации студенческих исследований дается по ходу изложения материала в соответствующих частях диссертации – с учетом тематики работ.

2.1. Деловое общение на русском языке на территории Эстонии в историческом контексте

Важность исследования сферы делового общения подчеркивал С. Г. Исаков, который с сожалением отмечал, что исследователи очень редко интересуются документами государственных учреждений Эстонской Республики [Русское 2001].

Поскольку в течение нескольких столетий балтийско-немецкие дворяне обладали полной властью в органах регионального и местного управления [Катин-Ярцев: 2000], то в делопроизводстве, деловой переписке в балтий-

ском регионе немецкий язык долгое время был преобладающим. С течением времени стали использоваться также русский и эстонский языки. К концу XIX века на территории современной Эстонии русский язык стал языком делопроизводства в государственных учреждениях, а также в учреждениях самоуправления и судах. В сфере культуры сохранилась позиция немецкого языка, однако в то же время в области образования и культуры стал использоваться и эстонский язык [Tomusk 2015: 1].

Обстоятельный анализ делового общения русской диаспоры в Эстонии в историческом контексте заслуживает самостоятельного рассмотрения. В рамках диссертации мы ограничимся лишь небольшим историческим обзором.

В Историческом архиве имеются отдельные русскоязычные материалы XIX века разной тематики, например, значимые для русской общины Эстонии документы, связанные со староверами на территории Эстонии. Документальные тексты составлялись как на немецком, например, документы Дерптской управы благочиния [Шор 2007: 59], так и на русском языке, например, *донесения, переписка* чиновников между собой и с гражданами [Агеева 2004: 20–21], материалы судебных разбирательств, различные *обращения* к местной власти [Дубьева 2007: 23] и т. д. В данных документах обращают на себя внимание не только наименования староверческих поселений, например, *Нос* вместо *Нина*, *Казанель* вместо *Каземяэ* и т. д. [там же: 27], но и реквизиты документов, формулы вежливости того времени и отдельные языковые обороты, которые сейчас являются устаревшими.

Однако для данной диссертации наиболее актуально краткое описание деловой коммуникации на русском языке во время первой Эстонской Республики и советского периода.

Отметим, что изучение документов всегда изначально наталкивается на объективные трудности. В отличие от газет и журналов как печатных изданий, выпускаемых в определённые промежутки времени, разные утилитарные официальные тексты повседневного делового обихода (в частности переписка граждан с учреждениями, личные документы) сохраняются ситуативно и по этой причине представлены в архиве достаточно эпизодически, фрагментарно и неполно.

При этом следует отметить, что информацию, например, о деловой лексике можно получить не только в сугубо деловых текстах, но и в других сферах общения, в которых такая лексика находит определенное отражение: в газетных текстах, мемуарах, где немаловажной оказывается и профессиональная принадлежность пишущего, поскольку в воспоминаниях неизбежно проявляется и род занятий человека, и привычные для него языковые выражения. Например, в мемуарной литературе, написанной в Эстонии, используются такие официально-деловые термины и понятия как *оформить оптацию*, *списки оптантов*, *больничная касса* и многие другие [Милютин 1997: 38], что представляет интерес для анализа языка русской диаспоры.

По данным проведенной в 1922 году переписи населения, русских в Эстонии насчитывалось 91109 человек. Несмотря на то, что в принятой в 1920 году Конституции, государственным языком Эстонской Республики был провозглашен эстонский язык, национальным меньшинствам было дано право обращаться в государственные инстанции на родном языке. Кроме того, языком делопроизводства местных самоуправлений мог быть язык, отличный от государственного. Таким образом, русские имели возможность использовать родной язык в рабочем процессе [Русское 2001: 36].

Новые требования принятого в 1934 году первого Закона о языке Эстонской Республики ограничили возможность использования русского языка в официально-деловой сфере. Несмотря на то, что другие языки все еще разрешалось использовать в местных самоуправлениях, на государственном эстонском языке должна была осуществляться переписка с центральными органами, вестись бухгалтерия, письменное делопроизводство и т. д. [там же: 39–40]. Тем не менее, можно говорить о том, что русский язык в официально-деловой сфере использовался достаточно активно. Сохранилась документация (*уставы, отчеты*) русских культурных обществ, организаций, представлявших в Нарве, Тарту, Таллинне сильные объединения с большим количеством членов.

В ходе работы с архивными документами нами были обнаружены различные русскоязычные деловые тексты, относящиеся к периоду 1920–1940 гг., например, текст *Прошения*, которое датируется 1923 годом (см. пример № 11 в Приложении); документ по проведению *Конференции Русского студенчества в Эстонии* за 1929-й год (см. пример № 12 в Приложении); текст *отчета о работе Тартуского филиала ГосЦентрАрхива* за 1940-й год. Однако, например, устав *Христианского Союза Русских Студентов Дерптского Университета* представлен на эстонском языке. Попутно отметим, что не только лексика и синтаксические обороты, но и названия ряда документов являются устаревшими. В некоторых текстах, оформленных на русском языке, встречаются такие особенности как:

- 1) использование топонимических вариантов, относящихся к разным эпохам (*Tartu, Dorpat*) (см. пример № 13 в Приложении);
- 2) оформление текстов (документы датируются 1929 годом) с использованием старой русской орфографии несмотря на то, что правила орфографии в России изменили в 1918 году: *докладъ правленія; національно-общественная жизнь; русскія студенческія изданія; съ цѣлью полученія; всѣ матеріалы* и т. д.;
- 3) написание названия Эстонии, как *Эстія / Эстия*, например: *представитель Союза Русских Студентов в Эстии*;
- 4) проявление влияния эстонского (или немецкого) языка, например:
 - 1) наличие в тексте на русском языке – даже в отдельных словах – латиницы: *okasatъ codeйствие* [Petserimaa üliõpilaste 1923];
 - 2) использование точки после числительного: *во время празднования*

23. *годовщины...* [Arhiivi tegevuse aruanne 1940]. Отметим, что на подобное обозначение порядкового числительного мог оказать влияние как эстонский, так и немецкий язык, поскольку в обоих этих языках при обозначении порядковых числительных цифрами ставится точка.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что во время первой Эстонской Республики при составлении деловых документов порой используется их параллельное оформление на эстонском, немецком и русском языках. Однако говорить о направлении перевода данных текстов затруднительно. Мы можем только предполагать, какой вариант перевода перед нами: русско-эстонский, русско-немецкий или же эстонско-русский. Так, текст руководства по обучению чистописанию [Juhised ilukirja õppimiseks 1922], который представлен на трех языках (эстонском, немецком и русском) является, по-видимому, переводом с эстонского. Кроме карандашных исправлений, которых почти нет в текстах на немецком и эстонском языках, в русском варианте можно встретить, например, такую фразу: *Стул, употребляемый при письме, не должен быть мягким, всего лучше на стуле поместить твердую кожаную подушку*. Скорее всего, это может свидетельствовать о вторичности русского текста.

Справедливым будет отметить и наличие объявлений (иногда оформленных в виде параллельных текстов на двух языках), которые в современной ситуации можно было бы назвать деловой рекламой. Например, опубликованное в журнале «Театр и кино» [Театр и кино 1921] в 1921 году объявление пошивочного ателье (см. пример № 14 в Приложении), предложение ремонтно-строительных работ (см. пример № 15 в Приложении), предложение страхования (см. пример № 16 в Приложении), документ который в современной деловой практике можно было бы назвать товарным предложением [ЕАА. 2102.2.238, стр. 8].

Особо примечательным и в эстонских, и в русских текстах того времени является наличие таких понятий, которые активно используются и сейчас: *äri* ('дело, бизнес'), *tellija* ('заказчик'), *агенты*, *каско*, *проект*, *смета*, *заказчик* и т. д.

Попутно хотелось бы отметить, что в историческом архиве был обнаружен реферат 1939 года, который написан на эстонском языке по теме «Reklaam» – «Реклама» [ЕАА. 1794.1.56]. Реферат содержит девять страниц рукописного текста. Автор реферата Л. Лаатс считает рекламу важной частью коммерческой деятельности любого предприятия: «Seega äriline reklaam on ühtlasi ka kultuuriline reklaam»⁷ [ЕАА. 1794.1.56, стр. 8].

Можно с достаточным основанием утверждать, что в наше время жанры деловой и социальной рекламы стали более значимыми и получили большее распространение, чем это было во времена первой Эстонской Республики. Архивные материалы свидетельствуют о том, что деловая и

⁷ Таким образом, деловая реклама является одновременно и культурной рекламой (перевод автора диссертации).

социальная реклама была адресована или конкретным организациям, или определенным целевым группам. Вероятно, частично этим объясняется факт сравнительно небольшого количества параллельных текстов, хотя можно предположить, что такие тексты просто не сохранились и, например, в русские культурные общества направлялся только русскоязычный текст. Следует отметить, что деловая реклама часто рассылалась по почте в виде открыток и входила в переписку между учреждениями.

Языковая ситуация в Эстонии существенно изменилась в советский период, когда сфера применения русского языка была значительно расширена. В это время русский язык получил «идеологическое обоснование в виде формулы „языка межнационального общения”» [Арутюнова 2012: 160]. Несмотря на то, что юридический статус русского языка оставался неопределенным, в официальном союзном делопроизводстве, а также в науке, технике, русский язык превалировал. В то же время в региональном делопроизводстве использовались и местный национальный, и русский языки [Алпатов 2000: 113].

После революции 1917 года, сломавшей старый административный механизм, постепенно начинается работа над новыми общегосударственными правилами делопроизводства, но их созданию и воплощению в жизнь помешала война. Развитие этой идеи было продолжено в 1950-е годы. Поэтапная работа постепенно привела к стандартизации и унификации делового документооборота. В итоге возникла его централизованная система, которая опиралась в первую очередь на русский язык. Однако было установлено право союзных республик и национально-территориальных образований вести делопроизводство в государственных органах на национальных языках. При этом документы, направляемые за пределы национальных республик, оформлялись на двух языках: русском и национальном или только на русском языке. Официальные бумаги локального значения могли создаваться и на основном в регионе национальном языке.

В целом же в разных союзных республиках и даже в их отдельных регионах соотношение русского и национального языков было неодинаковым и зависело не только от органов власти республик, но и от наличия на их территории всесоюзных заводов,строек или, как в Казахстане, от поднятия целинных земель выходцами из всех регионов большой страны и т. п., что повышало роль русского языка в общении, поскольку увеличивалась доля русскоязычного населения.

Так, за время нахождения Эстонии в составе СССР количество проживающих на территории Эстонии людей других национальностей, основным языком общения которых был русский язык, выросло – к 1959 году 25,41% от всего населения или 304000 человек, а к 1989 году 38,47% или 602000 человек. Столь существенное увеличение некоренного населения являлось следствием организованного переселения людей из России, Украины, Белоруссии и т. д., для которых языком общения был русский язык [Tomusk 2015: 2].

В результате, как и в других республиках, в Эстонии на предприятиях и в организациях всесоюзного значения в делопроизводстве стал превалировать русский язык. Но во внутреннем документообороте на местных заводах и фабриках использовались или два языка, или только национальный язык республики – особенно на небольших предприятиях.

В то же время документы, заполняемые чиновниками (*паспорта, удостоверения, свидетельства о браке, о рождении, школьные аттестаты, вузовские дипломы* и др.), как правило, на разных страницах дублировали сведения на национальном и русском языках. В основном двуязычными были и бланки для клиентов, имевших право заполнять форму на любом языке. Обычно дублирование на двух языках предусматривалось и в *протоколах органов власти, решениях судов* и т. п. В приложении приведены некоторые текстовые иллюстрации использования эстонского и русского языков в оформлении отдельных видов деловых бумаг, например, в *личных листках по учету кадров* (см. пример № 17 в Приложении), формах для *автобиографии* (см. пример № 18 в Приложении).

Результатом обретения Эстонией фактической независимости стало принятие в 1989 году Закона о языке, который, объявляет эстонский язык государственным языком ЭССР. В законе обозначена ведущая роль эстонского языка в официально-деловом общении, но обеспечена и возможность русскоязычного ведения дел [Tomusk 2015: 3]. Данный закон был призван регулировать такие сферы общественной жизни, как государственная власть, судебное производство, наука, образование и т. д. [Rannut 2004: 52]. Следующий, третий по счету, Закон о языке был принят в 1995 году. В этом обновленном тексте особое внимание уделялось использованию языков национальных меньшинств и иностранных языков, в чем и проявляется сходство Законов о языке 1995 и 1934 года [Tomusk 2015: 5].

Современное делопроизводство в Эстонии опирается на четвертый по счету Закон о языке, который был принят в 2011 году и направлен на развитие, сохранение и защиту эстонского языка, а также обеспечение использования эстонского языка в качестве языка общения во всех сферах общественной жизни [там же: 6]. В соответствии с данным законом, как и с предыдущим, в отдельных регионах⁸ Эстонии допускается также делопроизводство на русском языке.

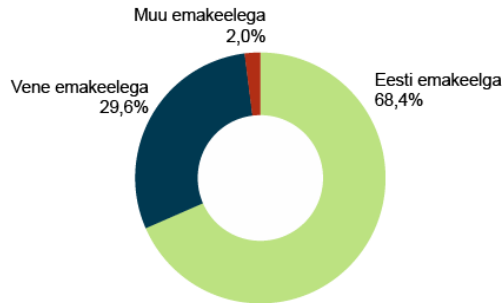
Во многих типах документов сохраняется одновременное использование эстонского и русского (часто и английского) языков в рамках одного текста (см. подробнее в параграфе 2.2.2.), например, именно в таком виде оформляются некоторые *штрафы, банковские* и др. *документы*. Таким образом, в целом можно говорить об определенном сходстве в использовании русского языка (в том числе и в деловой сфере) как в предыдущие эпохи, так и в наше время, о несомненной, хотя и частичной, преемственности. Тем не менее, различия с современным состоянием дел существенны.

⁸ Например, в регионе компактного проживания русскоязычного населения – в Ида-Вирумаа (на северо-востоке Эстонии).

2.2. Современная официально-деловая коммуникация в Эстонии

В современной Эстонии русский язык занимает второе место после эстонского по количеству носителей, он является родным почти для 30% населения⁹, что иллюстрирует данная ниже диаграмма¹⁰:

Rahvastik emakeele järgi, 2016

Allikas: Statistikaamet

Диаграмма № 1. Родной язык населения Эстонии¹¹

Функционирование и особенности русского языка в условиях Эстонии неизбежно связаны с влиянием государственного языка, ибо «любые территориальные варианты языка имеют, как известно, свою специфику, становящуюся особенно очевидной в условиях диаспоры» [Костанди 2009: 65].

Согласно Закону о языке, который был принят в 2011 году, делопроизводство государственных учреждений и учреждений местного самоуправления¹² происходит на эстонском языке. Работа всех частных компаний в Эстонии также ведется на государственном языке, однако большинство учреждений предоставляет необходимую информацию и на русском (и / или английском) языке. Кроме того, количество учреждений и частных компаний, которые переводят важную информацию на русский язык, постоянно растет. Например, из одиннадцати¹³ министерств перевода на русский язык не имеют только веб-страницы Министерства экономики и коммуникаций (Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium), Министерства

⁹ По результатам переписи населения и жилых помещений 2011 года. (<http://www.stat.ee/64628>)

¹⁰ См. подробнее (<https://blog.stat.ee/2017/03/13/kui-palju-raagitakse-estis-estis-keelt/>)

¹¹ Население по родному языку, 2016: родной язык эстонский 68,4%, родной язык русский 29,6%, прочий родной язык 2%.

¹² Отдельным регионом с несколько иными требованиями является Ида-Вирумаа, где большую часть населения составляют русскоговорящие жители.

¹³ На момент написания диссертации.

обороны (Kaitseministeerium) и Министерства финансов (Rahandusministeerium), перечисленные министерства имеют перевод сведений только на английский язык. У каждого министерства есть свои департаменты и институты, перечислять которые мы не будем, отметим лишь, что интернет-страницы важных для жизни человека организаций, как правило, имеют перевод на русский язык. На русский переведены также веб-страницы президента Эстонии и парламента Эстонской Республики (Рийгикогу). При этом показательно то, что названия частных компаний переводу обычно не подвергаются, по-видимому, в силу прагматических причин.

Говоря о предоставлении министерствами, ведомствами и частными компаниями информации на русском языке, мы в первую очередь имеем в виду перевод интернет-страниц. Как показывает анализ материала, перевод различных веб-страниц может быть и частичным. Например, при передаче с эстонского языка на русский могут остаться в оригинальном (эстонском) написании названия профессий, даже в том случае, если весь текст переведен на русский язык. Примечательно, что объявления о вакансиях могут содержать и английские номинации в том случае, когда речь идет о специалистах из области компьютерных технологий или же тогда, когда рабочим языком искомого специалиста будет английский или иной язык (см. пример № 19 в Приложении).

На русский язык переводятся бумажные буклеты, информационно-разъяснительные материалы (см. пример № 20 в Приложении), различные инструкции (см. пример № 21 в Приложении) и т. д., кроме того, во многих учреждениях работает и служба поддержки русскоговорящих клиентов. Перевод как на эстонский, так и русский языки (в устной и письменной форме) используется и в работе судов, полиции. Подвергаются переводу тексты разных жанров – и составленные чиновниками (следователями) префектуры полиции, и адресованные полицейским, чиновникам отдела обслуживания, прокурорам и т. п. [Фегели 2010: 23]. Примечательно, что в магистерской работе по русско-эстонскому переводу автор отмечает следующее: «заявления, чистосердечные признания, объяснительные письма граждан, входящие в группу личных документов, обычно не содержат черт официально-делового стиля» [там же: 27].

Следует отметить, что печатной и электронной продукции, которая используется для информирования различных групп населения, становится больше, например, брошюры Трудовой инспекции (см. пример № 3 в Приложении), информация о пенсионных фондах (см. пример № 22 в Приложении) и различных видах страхования (см. пример № 23 в Приложении), и многое другое. Некоторые информационные материалы нацелены на определенные возрастные группы, например, банковские брошюры для пожилых людей, буклеты Департамента полиции и погранохраны для школьников и молодежи и т. д. Примечательно, что некоторая информация распространяется преимущественно на русском языке, поскольку касается в основном русскоязычного населения Эстонии. Так, в буклете Департамента полиции и погранохраны содержится предупреждение о

телефонном мошенничестве, жертвами которого становятся в основном пожилые русскоязычные жители Эстонии. Часть такой продукции можно назвать временной, т. к. она связана с определенными актуальными событиями в жизни государства, в частности, информация о переписи населения (см. пример № 24 в Приложении), о переходе на открытый рынок электроэнергии и т. п.

В сфере современного документооборота достаточно активно используются формы документов, в которых содержится параллельный перевод на русский и / или английский язык, например, банковские документы (см. пример № 25 в Приложении), штрафы (см. пример № 26 в Приложении), разнообразные информационные буклеты и флаеры.

Специалисты прошлого века рассматривали и официально-деловую, и научную подсистемы литературного языка как такие определенные, поддающиеся упорядоченному описанию стили, для которых «...характерна достаточно узкая сфера использования, однозначность функций и наличие определенных средств выражения» [Практическая стилистика 1982: 5]. Сегодня можно говорить о том, что область деловой коммуникации, в том числе и в Эстонии, претерпела огромные изменения, которые связаны и с введением абсолютно новой электронной сферы официально-делового общения, и с появлением принципиально новой документации, порождающей новую (часто заимствованную) лексику, и с расширением границ делового общения. Если еще несколько десятков лет назад деловая среда была безальтернативной, основанной на бумажной технологии документной коммуникации, то сейчас можно говорить о расширении списка текстовых элементов в связи с наступлением «документной электронизации» [Кушнерук 2008: 211].

Такая «электронизация» захватывает в Эстонии всё более разнообразные коммуникативные области. В электронном виде составляются и хранятся различные документы, обычные деловые письма заменяются электронными, общение между юридическими и физическими лицами уже кажется невозможным без использования интернет-среды и различных электронных систем. Появление таких новых форм коммуникации создает ситуацию глобального сдвига не только в технической части письма, связанной с переходом от бумажных носителей к электронным, от ручного написания к клавишно-клавиатурному. Всё это предоставляет возможность скоростного набора, быстрого получения и передачи текстов на любое расстояние и с условно неограниченным количеством адресатов.

Изменения происходят в самой семиотике (коде письменной речи), а также в письменной ментальности [Голев 2013: 12–13]. Иными словами, перенос процессов порождения и функционирования делового текста в виртуальное пространство способствует «снижению степени официозного пафоса» [Чекунова 2016: 82].

Кроме того, происходящее сближение деловой и потребительской культуры приводит к появлению новых текстовых жанров с размытыми границами, таковы многие современные деловые тексты, размещаемые в Интер-

нете, отмечает В. П. Щаднева в докладе «Русский язык в России и Эстонии в условиях глобализационной унификации», прочитанном в 2013 году. Например, уже упоминавшиеся в данной работе тексты деловой или социальной рекламы, некоторые коммерческие предложения, текстовые материалы инструктирующего и разъясняющего характера и т. д. обычно создаются для т. н. местного потребителя, и потому могут иметь существенные региональные отличия.

2.2.1. Региональные различия русского делового языка в Эстонии и России

Русский язык в диаспоре имеет двоякую направленность. С одной стороны, он ориентирован на современный русский язык России, при этом его многочисленные нововведения и норма их употребления далеко не всегда устоялась и в самой России (в силу лавинообразного характера инноваций и следования современной языковой моде), и в диаспоре используются весьма ограниченно. С другой стороны, под влиянием и государственного эстонского языка, и экстралингвистических факторов в диаспоре русский язык приобретает и собственные новшества, воплощаемые в специфических языковых образованиях, не свойственных русскому языку в России. Иными словами, региональные варианты русского языка обладают как общими, так и различающимися языковыми единицами, которые являются следствием и внутриязыкового, и межкультурного взаимодействия [Вельман-Омелина, Щаднева 2013: 248].

Одной из главных особенностей русской речи в Эстонии является наличие эстонских вкраплений, т. е. языковых единиц, которые сохраняют фонетические и грамматические признаки, свидетельствующие об их иносистемном характере¹⁴, а также присутствие в речи устойчивых словосочетаний, являющихся кальками и полукальками эстонских слов и словосочетаний, ибо именно в этих языковых единицах специфика речи диаспоры проявляется наиболее ярко [Костанди 2011: 145]. Например, встречаются такие названия как *пангалинк* ('банковская ссылка'), *кяйбе-макс* ('налог с оборота'), *хайгекасса* ('больничная касса'), *юхатусе лииге* ('член правления'), *максуамет* ('налоговый департамент') и т. д. Разумеется, особенно ярко данная отличительная черта – использование говорящими иноязычных (эстонских) вкраплений – проявляется в условиях спонтанной устной речи [Костанди 2009: 75], однако примечательно то, что подобные характерные особенности имеет и непринужденная онлайн коммуникация. Приведем далее языковые иллюстрации с *Бизнес Форума Эстонии*¹⁵ (все примеры даются в оригинальном написании):

¹⁴ Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

¹⁵ Бизнес Форум Эстонии (<http://www.arif.ee/invision/index.php>).

- *пошлина оплачивается пангалинком* ('банковская ссылка'¹⁶);
- *товара продали на 600 евро, в т.ч. кяйбемакса* ('налог с оборота') 100 евро;
- *Osanik-ом* ('пайщик') он не является.

Таким образом, помимо электронных писем, обращений в различные инстанции и прочих письменных действий, которые можно выполнить через Интернет, существует и онлайн-общение, которое сближается с устной коммуникацией [подробнее об этом см. Вельман-Омелина 2015b]. Повторим, что в лингвистике еще нет общепринятого термина для обозначения речи, возникающей в результате интернет-общения, поэтому в данном исследовании мы используем термин *естественная письменная речь*.

Поскольку системное отслеживание официальной устной речи по техническим и этическим причинам, а также нормам конфиденциальности затруднительно, то некоторое представление о непринужденном деловом общении можно получить путем анализа языкового материала интернет-форумов деловой направленности. Так, наряду с деловыми понятиями и терминами (*маркетинг, бюджет, договор о неразглашении, платеж, оборот, уставной капитал*) участники непринужденной деловой коммуникации, общаясь между собой на форуме, используют и просторечные единицы (*компьютерщик, напряженка, спецы, бух*). Приведем еще несколько примеров с «Бизнес Форума Эстонии»:

- (1b) *Сейчас, если этот товар продаёте в Эстонии, то Вы должны его продать с эстонским НДС 20%. Будет ли прибыль меньше или цена товара выше на сумму НДС это решать только Вам.*
- (2b) *А если ваш рынок – частники, которые обычно чек не спрашивают, то ваш официальный оборот никогда не превысит 16 тыс, чтобы ваша компания стала налогообязанной по НСО.*

Здесь участники общения перемежают терминологизированные аббревиатуры, принятые в России (*НДС*) и в Эстонии (*НСО*). Отдельные номинации и целые интернет-тексты в рамках неофициального общения обычно содержат и языковую игру, и различные отступления от норм орфографии и пунктуации, что демонстрирует и ненормативное написание названия самого форума: *Бизнес Форум Эстонии*. Наши наблюдения подтверждают мнение Н. Кузнецовой о том, что такие неправильные написания могут появиться в тексте по двум причинам: 1) автор искренне полагает, что слово или сочетание слов пишется именно так; 2) автор в принципе знает, как это пишется правильно и при некотором усилии может соблюсти

¹⁶ Это система, с помощью которой интернет-продавцы, клиенты Интернет-банка и Интернет-банк могут обмениваться данными, оказывать услуги и развивать деятельность.

норму, но в данной ситуации не считает нужным прилагать это усилие [Кузнецова 2009: 234–235].

В отличие от официального письменного делового общения, естественная письменная речь «благоприятствует развитию не только внутриязыковой, но и межъязыковой интерференции» [Нещименко 2007: 449], в речи участников форума иноязычные вкрапления встречаются в большом количестве. Приведем несколько примеров:

- *оплатил до того как успел выставить счет, т. е. Arvenumber* ('номер счета') я сказал, но счет еще в систему не ввел;
- *если оплатил от частного лица, любого другого – просто в счете укажите плательщик – eraisik* ('частное лицо');
- *Если договор подряда, хайгекассу* ('больничная касса') *оплачивает работодатель или работник?*

Как показывают языковые иллюстрации, в некоторых случаях адресант в одной фразе использует и эстонское, и русское название, например *arve* ('счет') и *счет*.

В языковом материале, относящемся к естественной письменной речи, наблюдаются разные орфографические и грамматические ошибки, например: *вкурсе, всеже, не как вместо никак, и так вместо итак, с начало, вообщем, договора, слышал краем уха, вот примерные слогаемые успеха* и т. д. Несмотря на наличие орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок, грамотность речи участников форума можно считать допустимой для естественной письменной речи, т. к. пользователи сети Интернет нередко прибегают к правилу «как слышу, так и пишу», также нельзя не учитывать и возможность опечаток. В связи с тем, что мы имеем дело не с официальными деловыми переговорами или беседами, а со свободным общением на деловые темы, то приведенные ошибки нельзя рассматривать как затрудняющие понимание или приводящие к коммуникативным неудачам. Однако Е. Протасова отмечает, что для жителей России устная речь представителей русской диаспоры может ощущаться как странный русский язык. Иными словами, речь по содержанию не является типичной для россиян, она обладает иным подтекстом, ассоциативными рядами, прецедентностью и т. д. [Протасова 2006: 227].

В свою очередь многие языковые инновации, актуальные для России, остаются за пределами делового общения в условиях диаспоры. Различия региональных вариантов можно рассматривать как одно из проявлений социально-группового использования языковых средств. Так, следствием ориентированности на государственный язык и повышенной прагматичности и мотивированности общения становится в языке диаспоры отсутствие многих заимствованных слов, заполонивших русскую речь в России. В результате глобализации в настоящее время в русском языке наблюдается интенсивное обновление наименований лиц по профессии, роду деятельности, должности – в том числе и путем явно избыточных

заимствований из английского языка. Это связано с усилением действия ряда тенденций, носящих как коммуникативный, так и когнитивный характер. Коммуникативно требуется обосновать и словесно оформить возникновение той или иной должности. Для того, чтобы соответствовать интенсивно развивающейся экономике и меняющемуся миру, наименования лиц по профессии усложняются и заменяются, иногда на более информативно емкие единицы. Например, в России *эйчар-менеджер*, *контент-менеджер*, *объект-менеджер*, *проект-менеджер*, *арт-менеджер* используются вместо традиционных наименований *начальник отдела*; *инженер-куратор*, *инженер-инсталлятор* вместо однословного *инженер*; *фитодизайнер*, *евродизайнер*, *веб-дизайнер*, *фотодизайнер* вместо привычных *оформитель*, *художник*.

Таким образом, с целью более четкого и определенного наименования лица происходит дифференциация понятия, в результате чего создается языковая единица с более конкретным значением, которая не только включает в себя значимые характеристики профессиональной деятельности, но и в некоторых случаях отражает требования к профессиональному лицу [Егорова, Никитин 2011: 140–141]. Подобные изменения наблюдаются и в русском, и в эстонском вариантах русского языка. Например, на русском варианте сайта Клиники Тартуского университета представлено такое многоохватное название должности, как *ответственный за персонал, менеджмент качества, маркетинг, связь с общественностью и инфотехнологию*. К сожалению, соответствия в тексте эстонязычного оригинала найти не удалось, т. к. переводная часть текста существенно сокращена и рубрикация нарушена. На примере данной многословной номинации можно говорить не только «о значимых характеристиках профессиональной деятельности и отражении некоторых требований к должностному лицу» [там же: 141], но и о зачатках должностной инструкции.

В российских объявлениях о приеме на работу используется огромное количество англицизмов типа *девелопер*, *супервайзер*, *брокер*, *дистрибьютор*, *коучер*, *медиа-байер*, *хэд-хантер* и даже *клинер* и т. п., которые в основном чужды как эстонскому языку, так и русскому языку диаспоры. В языке диаспоры подобных заимствований используется ощутимо меньше. В то же время и в России, и в Эстонии появился своеобразный эвфемизм *оператор уборки* – *koristusoperaator*, который, как и слово *клинер*, еще не признан нормативным [Щаднева, Вельман-Омелина 2012: 341–342]. Названия профессий убедительно демонстрируют различия региональных вариантов русского языка, что должно учитываться в процессе перевода (подробнее об этом см. в параграфе 3.3.).

Для того чтобы максимально приблизить текст переводного документа к оригиналу, переводчики прибегают к использованию заимствований, варваризмов, «оживленных» историзмов. Например, в эстонском языке были узаконены прежние названия территориальных единиц, административных должностей, государственных учреждений: *уезд* – *maakond*, *волость* – *vald*, *волостной старейшина* – *vallavanem*, *канцлер* – *kantsler*,

префект – *prefekt*, *полиция*. Это спровоцировало возврат в языковой обиход в том числе и дореволюционных русских лексем, часть которых в свое время была положена в основу эстонских номинаций. Иначе говоря, изменения в эстонском языке автоматически повлекли за собой оживление в русском языке диаспоры лексем, которые в языке современной России являются историзмами [Щаднева 2009: 233–235], однако в региональном варианте русского языка активно используются. Например, многозначная лексема *канцлер* в современной России представлена только в контекстах типа *канцлер Германии*, а в Эстонии она означает государственного чиновника высокого ранга, возглавляющего корпус чиновников того или иного министерства: *канцлер Министерства культуры* – *Kultuuriministeeriumi kantsler* и т. п. Русским Эстонии знакома лексема *префект* – *prefekt* как обозначающая одну из руководящих должностей в эстонской полиции, в России же это название используется в ином значении¹⁷ (ср.: *префект Юго-Восточного административного округа Москвы*) [Щаднева 2011: 543].

Примечательно, что некоторые специалисты относят к редко употребляемым словам и лексему *полиция*. Так, Е. Г. Ковалевская считает, что многие слова уходят из активного запаса носителей языка и употребляются только в речи специалистов-историков или в художественной литературе, выполняя функцию исторической стилизации. В качестве примеров в числе действительно устаревших лексем, таких как *столоничальник*, *земский*, *урядник*, *барин* и т. д., безосновательно приводятся и слова *синод*, *сенат*, *полиция* [Ковалевская 2012: 393]. Напомним, что в России замена *милиции* на *полицию* произошла в 2011 году. В том же году сформировано Главное управление военной полиции Министерства обороны Российской Федерации. Однако уже ранее существовала Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации. Таким образом, утверждение о том, что лексема *полиция* ушла из активного запаса носителей языка, является спорным даже в России.

Для языковой ситуации в деловой сфере Эстонии характерны и отдельные графические особенности. В частности, названия государственных учреждений на русскоязычных веб-страницах могут быть представлены как в оригинальном написании, так и с использованием кириллицы. В целом же на проанализированных веб-страницах различных учреждений представлены следующие варианты оформления названий:

1. Название в «шапке» документа дано в оригинальном эстонском варианте, далее в текстах на русском языке приводится переводная русскоязычная номинация. Например, таким образом оформлена официальная интернет-страница Эстонской Кассы по безработице:

¹⁷ Префект административного округа – это должностное лицо системы городской администрации, руководитель указанной территориальной единицы в г. Москве. Назначается мэром г. Москвы и по должности входит в состав столичного правительства [Конституционное право 2001].

Eesti Töötukassa – Эстонская Касса по безработице. Примечательно, что на англоязычной версии страницы в текстах используется эстонская, а не переведенная на английский язык номинация.

2. В переведенном тексте используется переводное название учреждения, в том числе и в логотипе, например, *Maksu- ja tolliamet* – *Налогово-таможенный департамент* – *Tax and Customs Board*.
3. Логотип учреждения не имеет перевода на русский язык, несмотря на то, что сама интернет-страница переведена, однако имеет перевод на английский язык, например, *Maanteeamet* – *Maanteeamet* – *Republic of Estonia Road Administration*.
4. На титульной странице приведена номинация сразу на двух языках, например, эстонском и английском, *Patendiamet* – *The Estonian Patent Office*.

В основном же названия государственных и частных образований на русский язык переводятся и транслитерируются все реже. Однако все еще встречаются переводные номинации, например, *Peipsimaa Külastuskeskus* – *Гостевой Центр Причудья*. Особенности использования латиницы в некоторых официально-деловых текстах обсуждались, например, в данной студенческой работе [Петрикова 2010].

К региональным особенностям русского делового языка следует отнести и названия местных реалий, юридических объединений, и даже видов деятельности. Если такие понятия, как *НДС* (= налог на добавленную стоимость) в России и *НСО* (= налог с оборота) в Эстонии вряд ли вызовут трудности в понимании смысла, то, например, такие слова и словосочетания, как *риэлтор* и *маклер*, *внешний / арбитражный управляющий* и *банкротный управляющий*, *услуги коллекторского агентства* и *инкассо-фирмы* могут быть истолкованы неправильно. Проиллюстрируем данное утверждение на последнем примере. В Эстонии *услуги инкассо* (внесудебное / досудебное взыскание задолженностей) как вид деятельности получили широкое распространение. Ими пользуются и крупные предприятия, и небольшие фирмы, и даже квартирные товарищества. Далее приведены две языковые иллюстрации с разным названием реалии (попутно обратим внимание на латинические вкрапления в кириллический текст):

(3a) *Julianus on juhtiv inkassoteenuste pakkuja Eestis, Lätis ja Leedus.*

(http://www.julianus.ee/info/ettevottest?lang=et_EE)

(3b) *Julianus является ведущим поставщиком инкассо услуг в Эстонии, Латвии и Литве.*

(http://www.julianus.ee/info/ettevottest?lang=ru_RU)

(4a) Фраза эстонского оригинала отсутствует.

(4b) *SPT Inkasso предлагает своим Клиентам эффективную услугу взыскания долгов независимо от места нахождения должника.*

(<http://www.sptinkasso.ee/ru/spt-inkasso/>)

На российском рынке также существуют продавцы подобного рода услуг, но организации, которые профессионально занимаются этим видом деятельности, именуются *коллекторскими агентствами*, предоставляющими *коллекторские услуги* (от англ. *collection* – сбор денежных средств) по взысканию задолженностей:

- (5b) *Коллекторское агентство – Антикризисный Центр «АльфаБизнес» – предлагает кредитным и производственным организациям, компаниям, работающим в сфере услуг, предприятиям ЖКХ, любым юридическим и физическим лицам – коллекторские услуги по взысканию долгов: мы поможем вам вернуть деньги.*
(<http://www.prodolg.ru/services/7/>)

В эстонско-русских словарях слово *inkasso* обычно переводится как *инкассо* и часто не содержит никаких помет. Услуга *инкассо* (от лат. *incasso*) в России – это вид банковской операции. *Инкассо* как термин банковского дела используется и в Эстонии, например, *документарное инкассо* (эст. *dokumentaalne inkasso*), однако «на слуху» у населения именно услуга *инкассо* как востребование долга, а не как банковская операция. В договоры (например, *договор на покупку товара по кредитным счетам*, *договор аренды* и т. д.) часто вносится пункт о том, что услугу *инкассо* оплачивает неплательщик. Примечательно, что российские поисковые системы практически не содержат указаний на сайты *инкассо-фирм*, занимающихся востребованием долгов. Таким образом, как при прочтении, так и при возможном переводе документа может возникнуть двусмысленность из-за непонимания того, о какой именно услуге идет речь.

Хотелось бы особо упомянуть о том, что в текстах деловой рекламы, кроме вербальных средств, достаточно активно используются различные визуализации, которые призваны помочь наладить контакт и создать положительный эмоциональный настрой. В Эстонии различные учреждения часто используют картинки животных с положительной коннотацией: *запасливые ёж и белка* у *Swedbank* (см. пример № 27 и № 28 в Приложении); *медведь*, который все проспал у *Eesti Energia*. Однако следует отметить, что красочные картинки и некоторая «расслабленность» текста соседствуют с обилием официально-деловых понятий и терминов: *малый кредит, самофинансирование, нетто-доход, рассроченный платеж, трудовой договор, договор подряда, календарные дни, заработная плата, больничный лист, срочная служба, средняя заработная плата* и т. д. [Вельман-Омелина 2015а: 248–249].

Разумеется, многие обсуждаемые в данном параграфе регионализмы стали использоваться благодаря переводчикам, вынужденным иметь дело с различными деловыми текстами, которые наполнены региональными понятиями и характерными для языка диаспоры номинациями. Подобные языковые реалии не всегда имеют устоявшиеся соответствия в русском языке, тем самым переводчик вынужден заниматься «терминотворчеством».

В таком случае переводчик обычно прибегает к калькированию как к наиболее типичному способу перевода (см. об этом подробнее в параграфе 3.2.).

Региональные особенности русского делового языка в Эстонии воплощаются не только в отдельных лексемах, словосочетаниях, но и в целостных текстах, которые, как правило, являются составной частью блоков параллельных переводных текстов. Некоторые особенности таких текстовых объединений в условиях Эстонии мы рассмотрим далее.

2.2.2. Параллельные тексты как реализация письменного делового общения

В Эстонии, как и в других странах, параллельные переводные тексты издаются и в бумажном, и в электронном виде. При этом в виде параллельных публикуются тексты разных стилей, например, в монографии Л. Михайлова «Поселения Причудья» [Михайлов 2008], относящейся к историко-культурной сфере, все исторические сведения и подписи под фотографиями даются на русском и на эстонском языках. Актуальная для речевой коммуникации нашего времени сфера деловых отношений также весьма широко представлена как бумажными, так и электронными параллельными текстами разной тематики.

Параллельные тексты на двух языках называют также билингвальными текстами (текстами билингва), которые определяются как «текст на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянском и русском языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» [Панькин, Филиппов 2013: 16]. В разных сферах современной мультикультурной коммуникации наиболее широко распространены именно такие билингвальные тексты. В Эстонии они обслуживают языковое сосуществование двух наиболее крупных разноязычных общин внутри государства. Однако параллельные тексты отдельных жанров создаются и на весьма большом количестве языков, например, разнообразные инструкции (технические, медицинские и др.).

Обратим внимание на то, что семантика лексемы «параллельные» нацелена на сходство текстов, тогда как тексты-билингва – на их количество, ибо билингва (лат. *bi* и *lingua*) – двуязычное представление переведённого текста (литературы, документов) на языке оригинала и на языке перевода. Согласно издательскому словарю, параллельные тексты – это тексты одного и того же произведения на разных языках в дву- или многоязычном издании, идущие параллельно [Мильчин 2003], а билингва-тексты – это надписи или тексты на двух языках [Ефремова 2000]. Однако в современной лингвистике термин параллельные тексты стал использоваться и в

расширенном значении: порой его относят просто к схожим по тематике текстам, которые не являются оригиналом и переводом. Иными словами, сейчас наблюдается тенденция к широкому пониманию термина «параллельные тексты» – даже если эквивалентность текстов вызывает вопросы, и они не соотносятся с точки зрения жанра, содержания, но написаны на одну тему [подробнее об этом см. Григорьева 2011; Евтеев, Семенов 2014; Костанди 2016; Щаднева, Вельман-Омелина 2018].

В современной лингвистике складывается несколько представлений о параллельных текстах, которые включают не только их толкование с точки зрения полного переводного соответствия, но и иные типы соотношения исходного и вторичного текстов. При широком понимании параллельные тексты, по словам Л. Н. Григорьевой, рассматриваются трояко [Григорьева 2011: 148–149]:

- 1) как оригинальный текст и его перевод (такие тексты могут быть как билингвальными, так и мультилингвальными);
- 2) как параллельно возникшие переводы, например, тексты документов ЕС (это частный, особый случай, ибо в таких версиях наблюдаются и значительные расхождения);
- 3) самостоятельные оригинальные тексты, исходно представленные на разных языках, но сопоставимые друг с другом функционально и тематически (иногда такие тексты называют аналоговыми).

Таким образом, параллельные тексты не всегда являются эквивалентными, хотя в теории и практике перевода понятие «параллельные тексты» в большинстве случаев всё-таки считается синонимичным понятию «оригинал и перевод». Поэтому, на наш взгляд, уместнее было бы не расширять значение обсуждаемого термина, а снабдить разные его трактовки отдельными определениями, например, 1) параллельные тексты (то есть оригинал и эквивалентный перевод); 2) переводы-версии (с пониженной степенью эквивалентности, например, в аспекте объема информации); 3) аналоговые тексты (неэквивалентные, но схожие тексты) и др.

В сфере перевода деловой информации коммуникацию обеспечивают, в первую очередь, параллельные тексты в виде оригинала и его эквивалентного перевода, поскольку деловые тексты в целом относятся к конвенциональным строго нормированным текстам, жанрово-стилевое и стилистическое оформление которых подчиняется правилам, не допускающим ни содержательного, ни структурного варьирования документа. Переводной текст договора, контракта и т. п. должен в точности соответствовать оригинальному тексту, иначе он не будет восприниматься как адекватный источник.

В официально-деловой сфере Эстонии в виде параллельных функционируют тексты ряда законов, тексты банковских документов, штрафов, официальных информационных материалов, бланков и др. Параллельная информация может предоставляться как в рамках одной публикации, так и в

автономных флаерах, листовках и т. д. только на одном языке, например, в текстах Департамента полиции и погранохраны (см. пример № 29 в Приложении), Департамента социального страхования (см. пример № 30 в Приложении) и др. Переводы на русский язык имеют многие сайты государственных услуг, веб-страницы отдельных учреждений, организаций, частных фирм. Регламентационно-инструктирующие буклеты, флаеры, листовки разной социальной направленности (медицина, электроснабжение, транспорт, телевидение, интернет и т. п.), как правило, двуязычны, если рассчитаны только на основные группы постоянных жителей Эстонии (см. примеры № 31 и № 32 в Приложении). Но в случае нацеленности на граждан других стран ЕС переводы могут быть и мультилингвальными, при этом информация обычно дается на трех языках: эстонском, русском и английском (см. пример № 33 в Приложении). Билингвальное или мультилингвальное оформление могут иметь и деловые письма, и обращения к населению (см. примеры № 9, № 10, № 35 в Приложении).

Разумеется, вся упомянутая текстовая продукция обладает разными языковыми и стилистическими достоинствами. Наиболее качественными по языку и стилю, а также адекватными по содержанию, структуре являются переводы различных банковских документов. Однако не всегда очевидно, что эти переводы выполняются с эстонского языка на русский, поскольку в Эстонии банковская сфера в значительной степени представлена международными банками.

Рассмотрим далее несколько примеров билингвальных и мультилингвальных параллельных текстов¹⁸, которые предоставлены адресату в бумажном и / или электронном виде и относятся к разным жанрам. Показателен флаер Трудовой инспекции, доводящий социально значимую информацию в оригинальной форме: в виде небольшого теста на знание трудовых отношений. Эстоноязычный оригинал теста Трудовой инспекции отпечатан на одной стороне листа, а русскоязычный перевод – на другой, однако содержательная и рубрикационная структуры обоих текстов идентичны (см. пример № 34 в Приложении):

(6a) TÕÕINSPEKTSIOON
Kui hästi **tunned** töösuhteid?

Tee ring ümber õigele vastusevariandile.
NB! Kui küsimusele on mitu õiget vastust,
tuleb need kõik ara märkida.

(6b) TÕÕINSPEKTSIOON
Насколько хорошо **Вы знаете**
трудовые отношения?

Обведите кружком правильный
вариант ответа.
NB! Если правильных ответов
несколько, следует отметить все
правильные варианты.

¹⁸ 1) Часть текстов из-за их большого объема значительно сокращена. 2) В текстовых иллюстрациях сознательно сохранены орфографические, пунктуационные и иные небрежности. 3) Имеющиеся в текстах расхождения отмечены жирным шрифтом.

1. Milline on töötasu alammäär 2014. aastal?

- a) 1,90 eurot tunnis ja 320 eurot kuus
- b) 2, 13 eurot tunnis ja 355 eurot kuus
- c) 2,34 eurot tunnis ja 390 eurot kuus

2. Kui pikk on eelduslikult katseaeg?

- a) katseaega pole, selleks on tasuta proovipäevad
- b) neli kuud tähtajatu töösuhte algusest
- c) kuni pool tähtajalise töölepingu kestusest

3. Kuidas saab muuta töölepingut?

- a) teisele poolele vähemalt 30 kalendripäeva ette teatades
- b) poolte kokkuleppel
- c) ei saagi muuta

4. Millises vormis võib olla töölepingu ülesütlemisavaldus?

- a) kirjalikus vormis
- b) kirjalikku taasesitamist võimaldavas vormis
- c) suulises vormis

5. Millal tuleb töötajale maksta nn lõpparve?

- a) siis, kui tööandjal raha on
- b) viie päeva jooksul lepingu lõppemisest arvates
- c) viimasel töölepingu päeval

1. Какова минимальная ставка заработной платы в 2014 году?

- a) 1,90 евро в час и 320 евро в месяц
- b) 2,13 евро в час и 355 евро в месяц
- c) 2,34 евро в час и 390 евро в месяц

2. Какова предполагаемая продолжительность испытательного срока?

- a) испытательного срока нет – для этого существуют бесплатные пробные дни
- b) четыре месяца со дня начала бессрочных трудовых отношений
- c) до половины продолжительности срочного трудового договора

3. Как можно изменить трудовой договор?

- a) предупредив другую сторону, по меньшей мере, за 30 календарных дней
- b) по соглашению сторон
- c) трудовой договор изменить нельзя

4. В какой форме может быть подано заявление об отказе от трудового договора?

- a) в письменной форме
- b) в письменной воспроизводимой форме
- c) в устной форме

5. Когда следует выплатить работнику т. н. окончательный расчёт?

- a) когда у работодателя есть деньги
- b) в течение пяти дней после прекращения договора
- c) в последний день действия трудового договора

В русскоязычном варианте теста обращает на себя внимание конструкция *в письменной воспроизводимой форме* (эст. *kirjalikku taasesitamist võimaldavas vormis*), которая весьма активно используется в официально-деловой коммуникации. Данное словосочетание вошло в язык и речь диаспоры вместе с повсеместным использованием электронной среды общения и необходимостью не только отдельно обозначить возможность связи посредством, например, электронной почты, но и придать такой связи официальный статус. Так, в деловых текстах диаспоры встречаются следующие варианты: *предупредить работодателя за 14 дней в письменной*

воспроизводимой форме; представить указанную информацию в письменно воспроизводимой форме; данное в письменно воспроизводимой форме согласие; уведомить в письменной или письменно воспроизводимой форме; отказ от трудового договора должен быть оформлен в письменно воспроизводимой форме и др.

В начальной части перевода наблюдается существенное этикетно-языковое различие, обусловленное предпочтением в современном эстонском языке единственного числа обращения – в отличие от устойчивой традиции русской официальной речи использовать обращение на *Вы*, и соответственно, множественное число глагольных форм: *Kui hästi tunned töösuhteid?* ('знаешь') – *Насколько хорошо Вы знаете трудовые отношения?* и *Tee ring ümber õigele vastuse variandile* ('обведи') – *Обведите кружком правильный вариант ответа*. Для современных эстонско-русских деловых переводов языковые расхождения такого рода в последние годы стали типичными. Регулярное сохранение русского традиционно-вежливого *Вы* в сочетании с множественным числом глагола проявляется, кроме передачи *sina* ('ты') формой *Вы*, при переводе разных орфографических и грамматических комбинаций местоимений и глаголов эстонского оригинала, что систематизировано авторами в [Štšadneva, Velman-Omelina: 2016]. Кстати, соблюдение этикетно-языковой традиции отличает русские переводы не только от эстонских оригиналов, но порой и от российской речевой практики, отдельные корпоративные проявления которой сейчас, по сути дела, также при обращении поддерживают употребление местоимения в форме единственного числа.

Аналогично соотносятся тексты оригинала и перевода в памятке информационного буклета Больничной кассы:

(7a) MEELESPEA

- *Euroopa ravikindlustuskaart kehtib vaid koos isikutõendava pildiga dokumendiga.*
- *Kui reisi teise liikmesriiki ravi saamise eesmärgil, siis Euroopa ravikindlustuskaardi alusel kulusid ei hüvitata.*
- *Euroopa ravikindlustuskaarti ei tohi kasutada, kui ravikindlustus on lõppenud. Kui ravikindlustus ei kehti ja kaarti siiski kasutatakse, on haigekassal tulenevalt ravikindlustuse seadusest ja võlaõigusseadusest õigus nõuda tekitatud kahju sisse.*

(7b) ПАМЯТКА

- *Европейская карточка медицинского страхования действует только вместе с удостоверяющим личность документом с фотографией.*
- *Если Вы отправляетесь в другое государство-участник с целью получения лечения, то на основании Европейской запланированного карточки медицинского страхования расходы не компенсируются.*
- *Нельзя пользоваться Европейской карточкой медицинского страхования, если действие Вашей медицинской страховки прекращено. Если медицинская страховка прекращена и карточкой всё же пользуются, то, исходя из закона о медицинском страховании и закона о*

- Kui **reisite** väljapoole Euroopa Liitu, on soovitatav teha reisikindlustus. Haigekassa ei reguleeri seda valdkonda.
- Tulenevalt Euroopa Liidu seadusandlusest väljastab iga riik Euroopa ravikindlustuskaardi oma riigikeeles. Seega on info Eestis väljaantud ravikindlustuskaartidel eesti keeles.
- Hätta jäädes või info küsimiseks **helista** haigekassa infotelefonile. Välisriigist **helistades** on haigekassa infonumber +372 669 6630. Infot leiab ka haigekassa kodulehelt www.haigekassa.ee
- Если **Вы путешествуете** вне Европейского Союза, рекомендуется оформить частную туристическую страховку. Больничная касса не регулирует эту область.
- Исходя из законодательства Европейского Союза, каждое государство выдаёт Европейскую карточку медицинского страхования на своём государственном языке. Тем самым на выданных в Эстонии карточках медицинского страхования информация на эстонском языке.
- В случае проблемы или для получения информации **обращайтесь** пожалуйста на инфо-телефон больничной кассы. При звонке из-за границы номер информации больничной кассы +372 669 6630. Информацию можно найти также на домашней страничке больничной кассы www.haigekassa.ee

В этом тексте, как частично и в предыдущем, обращает на себя внимание добавление в переводе форм *Вы, Вам* к глаголам, которые по форме числа преимущественно совпадают с эстонскими. В то же время словоформа единственного числа *helista* ('звони') передается подчеркнуто вежливой русской фразой *обращайтесь пожалуйста* (хотя и без соблюдения пунктуационной нормы). Подобное расхождение, вероятно, можно было бы оценить как непринужденное обращение к потребителю в эстонском варианте, но с последующим переводом словоформы повелительного наклонения в соответствии с социокультурной традицией переводящего языка, однако не исключена и небрежность автора оригинала, если учесть, что повторяющаяся фраза *Kui reisite...* содержит множественное число глагола, который затем весьма удачно переводится разными, но адекватными по смыслу русскими лексемами в аналогичной оригиналу грамматической форме.

Как уже говорилось, в Эстонии активно представлены и разнообразные по жанру мультилингвальные параллельные тексты. Чаще всего наблюдаются переводы на два языка. Так оформляются тексты разных жанров, например, Карточка гостя в гостиницах:

(8a) Väljaregistreerimise aeg – 12:00
Sisenedes hotelli, **palun esitage** käesolev kaart. Enne väljumist hotellist, **jätke** toa võti administraatorile!

(8c) Check out – 12:00 am
Please, show this card when entering the hotel. We **kindly ask You** to leave the key at the Reception before Your departure!

(8b) Расчётный час 12:00
Предъявите, пожалуйста, эту карточку гостя при входе в гостиницу. Выезжая из гостиницы, **не забудьте оставить Ваши** ключ администратору отеля!

Kaotuse või varguse puhul, viivitamatult **palume Teid** teatada hotelli administraatorile ja **saate** uue võtme kätte.

If **Your** room key is lost or stolen, immediately report to the Reception Desk and a new room key will be issued for **You**.

Если ключ от **Вашего** номера был потерян или украден, незамедлительно просим **Вас** сообщить об этом администратору отеля. **Вам** будет выдан новый ключ.

В данной текстовой иллюстрации реализация категории вежливости в русскоязычном переводе приводит к избыточности языковых средств. Кроме того, как некорректный может быть оценен и порядок слов в словосочетании *незамедлительно просим Вас сообщить*, ибо слово *незамедлительно* по смыслу должно акцентировать значение инфинитива *сообщить*.

В виде трёх параллельных текстов нередко представлены и банковские документы, например, Заявление о прекращении договора о расчетном счете частного лица:

(9a) *Palun sulgeda ülaltoodud arvelduskonto ja lõpetada Arvelduskonto leping alljärgnevatel tingimustel*

(9c) *I would like to close the abovementioned current account and terminate the Current Account Agreement under the following terms and conditions*

(9b) *Прошу закрыть вышеприведенный расчетный счет и прекратить Договор о расчетном счете на нижеследующих условиях*

1. Pank võtab vastu 1 kuu jooksul arvates arvelduskonto sulgemisest kliendi kontole laekunud summad.

1. The bank shall accept sums accruing to the client's account within 1 month as of closing the account.

1. Банк принимает поступившие клиенту суммы **в течение 1 месяца с закрытия счета**.

2. Punktis 1 nimetatud summad kannab pank käesoleva avaldusega kliendi poolt määratud arvelduskontole või maksab kliendile välja sularahas. Pank ei kanna punktis 1 nimetatud

2. The bank shall transfer the sums specified in clause 1 of this application to the current account indicated by the client or disburse them to the client in cash. The bank shall not transfer the sums specified

2. Указанные в пункте 1 суммы банк перечисляет на расчетный счет, определенный настоящим заявлением, или выплачивает клиенту наличными. Банк не перечисляет указанные в

<i>summasid välispangas avatud kontole.</i>	<i>in clause 1 to the current account opened in a foreign bank.</i>	<i>пункте 1 суммы на счет, открытый в иностранном банке.</i>
<i>3. Ülekannete teostamise ja summade sularahas väljamaksmise eest arvestab pank kehtiva hinnakirja järgse teenustasu maha ülekantavast / välja- makstavast summast.</i>	<i>3. The bank shall deduct a service fee from the transferred / disbursed sum for making the transfers and disbursement of the sums in cash according to the effective price list of the bank.</i>	<i>3. За осуществление переводов и выплату сумм наличными банк вычитывает плату за обслуживание по действующему прейс- куранту из перечисляемой / выплачиваемой суммы.</i>
<i>4. Arvelduskonto mitte- määramisel teavitab pank klienti konto sulgemisest 1 kuu jooksul laekunud summadest. Teavituse saatmise kanali valib pank kliendi poolt pangale antud kontaktandmete hulgast.</i>	<i>4. In case a current account is not specified, the bank notifies the client of the sums accrued within 1 month as of the closure of the account. The bank will choose the notification channel from the contact information provided by the client</i>	<i>4. При неуказании другого расчетного счета банк уведомляет клиента о суммах, поступивших в течение 1 месяца с момента закрытия счета. Канал для отправления уведомления банк выбирает из представленных клиентом банку контактных данных.</i>
<i>5. Pank deponeerib laekunud summad kliendile väljamakse teostamiseni. Depo- neeritud summadele pank intressi ei arvesta.</i>	<i>5. The bank will deposit the accruals until their disbursement to the client. The bank shall pay no interest on the sums deposited.</i>	<i>5. Банк депонирует поступившие суммы до осуществления выплаты клиенту. На суммы депонированные банк проценты не начисляет.</i>
<i>6. Pank ei ole kohustatud klienti teavitama laekunud summadest, kui summa on väiksem kui 3.20 eurot või kui klient on määranud käesolevas avalduses, et laekunud summad kuuluvad ülekandmisele arvelduskontole.</i>	<i>6. The bank is not obliged to notify the client about the accrued sums if the sum is below 3.20 euros or if the client has indicated in the application that the accrued sums are subject to transfer to the current account.</i>	<i>6. Банк не обязан уведомлять клиента о суммах, если сумма составляет менее 3.20 евро или если клиент установил в настоящем заявлении, что поступившие суммы подлежат перечислению на расчетный счет.</i>

Данную текстовую иллюстрацию отличает от предыдущих наиболее полная реализация принципа параллелизма, а также достаточно высокий уровень грамотности перевода на русский язык, хотя и этот вторичный текст имеет отдельные языковые недочеты. Например, в предложение *Банк принимает поступившие клиенту суммы в течение 1 месяца с закрытия счета* необходимо добавить существительное *день*: *Банк принимает поступившие клиенту суммы в течение 1 месяца со дня закрытия счета*; в следующем

предложении нужно изменить порядок слов, вместо: *На суммы депонированные банк проценты не начисляет* использовать вариант: *На депонированные суммы банк проценты не начисляет*; предложение: *Банк не обязан уведомлять клиента о суммах, если сумма составляет менее 3.20 евро* следовало бы сократить: *Банк не обязан уведомлять клиента о суммах менее 3.20 евро* и т. д.

В трилингвальном варианте в Эстонии оформляются и *бланки штрафов* (см. пример № 26 в Приложении), в которых права и обязанности лица, в отношении которого ведется производство, представлены на эстонском, русском и английском языках.

Таким образом, в официально-деловой коммуникации Эстонии обычны параллельные тексты разных жанров, т. е. разнообразной тематики и разного предназначения. Это как государственные, так и коммерческие официально-деловые переводы социальных, юридических, финансовых сообщений. Переводы в виде параллельных текстов – типичное проявление современного положения дел в той области делового общения, которая социально ориентирована на самого обычного получателя информации. Параллельные тексты зеркальны по содержанию, стилю, прагматике, но различаются орфографическими, лексическими, грамматическими и стилистическими качествами, которые зависят от многих факторов, в том числе и от языковой компетенции переводчика. Отличаются тексты и по реализации социокультурных норм, однако соблюдение культурно-языковых традиций переводящего языка не может препятствовать признанию параллельности текстов, как и наличие отдельных языковых недочетов, не приводящих к искажению смысла и непониманию содержания.

Выводы

В данной главе обобщаются сведения об экстралингвистических и лингвистических особенностях делового общения в Эстонии. В параграфе 2.1. отмечается определенное сходство современной деловой среды с деловой коммуникацией предыдущих эпох. Преемственность прослеживается и в достаточной распространенности параллельных текстов, и в наличии в обиходе деловой рекламы. Однако существенны и различия с современным состоянием дел.

Очевидно, что деловая коммуникация на русском языке в современной Эстонии является преимущественно переводной. На русский язык переводятся разнообразные по содержанию и форме деловые тексты, фиксируемые как на бумажном, так и на электронном носителе. Посредством переводных текстов государственные учреждения, банки, страховые компании и т. п. стремятся донести до адресата социально и жизненно важную информацию разъясняющего, консультирующего, инструктирующего характера максимально быстро и часто используют для этого электронный канал общения. Многолетние наблюдения показывают, что подобной пе-

чатной и электронной продукции официально-деловой направленности, предназначенной различным группам населения, становится все больше, кроме того, во многих учреждениях работает и служба поддержки русскоговорящих клиентов.

Русский язык в Эстонии, с одной стороны, ориентирован на современный русский язык России, с другой стороны, находясь под влиянием эстонского языка, приобретает и собственные черты, которые не свойственны русскому языку в России. То есть названные варианты русского языка обладают как общими, так и различающимися языковыми единицами.

Специфика русского языка в условиях диаспоры наиболее ярко проявляется в виде наличия в русских переводах деловых текстов эстоноязычных вкраплений, регионализмов, характерных графических особенностей и др.

Деловой коммуникации в условиях диаспоры свойственно и широкое использование деловых – как бумажных, так и электронных – параллельных текстов. Для официально-деловой сферы Эстонии обычны параллельные тексты разных жанров, т. е. разнообразной тематики и разного предназначения. В виде параллельных функционируют тексты ряда законов, банковских документов, штрафов, официальных информационных, инструктирующих материалов и т. д. Примечательно, что в случае, если деловые тексты рассчитаны на основные группы постоянных жителей Эстонии, то они, как правило, двуязычны. Однако если информация направлена и на граждан других стран, то переводы мультилингвальны (обычно используется три языка: эстонский, русский и английский). Параллельные тексты зеркальны по содержанию, стилю, прагматике, но могут различаться орфографическими, лексическими, грамматическими и стилистическими качествами.

Итак, анализ делового общения на русском языке в условиях современной Эстонии свидетельствует о том, что 1) русский язык, не являющийся официальным языком делопроизводства, в деловой среде Эстонии используется достаточно широко; 2) язык русской диаспоры Эстонии обладает своими региональными особенностями и в деловой сфере; 3) русскоязычные деловые тексты, будучи преимущественно переводными, испытывают ощутимое влияние эстонского языка.

ГЛАВА 3.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭСТОНСКО-РУССКОГО ДЕЛОВОГО ПЕРЕВОДА

Междисциплинарная сущность перевода (и теории, и практики) указывает на то, что перевод является не чисто языковым, а очень сложным когнитивным явлением. Переводчик в процессе перевода использует не только свои языковые знания и способности, но и самые разнообразные фоновые, так называемые экстралингвистические знания – о ситуациях, в которых будет использоваться перевод, о потенциальных потребителях переводного текста, т. е. о самых разнообразных реалиях.

Напомним, что в данном исследовании объектом внимания были выбраны официально-деловые тексты с направлением перевода «эстонский-русский». Но результаты перевода сейчас изучаются и на материале художественных текстов, причем в другом направлении – «русский-эстонский», например, в диссертации С. Купп-Сазонов [Купп-Сазонов: 2015].

Принадлежность эстонского и русского языка к разным языковым группам затрудняет процесс перевода. Как известно, по происхождению русский язык принадлежит к восточнославянским, эстонский – к прибалтийско-финским языкам. С точки зрения типолого-морфологической классификации эстонский – агглютинативно-флективный, русский – флективно-фузионный язык. Различия названных языков проявляются в лексике, в фонетике, в морфологии и синтаксисе, т. е. на всех языковых уровнях [Кюльмоя и др. 2003: 3].

Языковые и содержательные качества переводов официальных текстов зависят не только от специфики сопоставляемых языковых систем и от языковой компетенции переводчика, но и от социальных предпочтений и частных целей перевода. При переводе одного и того же текста для разных целевых групп, возникает необходимость учитывать возможные расхождения между русским языком Эстонии и России, тем самым особенности переводческого процесса проявляются как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом планах.

В представленной диссертации не ставится задача исчерпывающе описать все важные аспекты переводоведения. Объектом рассмотрения стали наиболее значимые для эстонско-русского перевода аспекты. За рамками диссертации остались, например, теория непереводимости, аспекты художественного перевода и др. Анализируемые в работе тексты, во-первых, являются официально-деловыми и переводятся по прагматическим соображениям, во-вторых, обсуждаемые тексты уже переведены.

3.1. Общие проблемы и ключевые положения теории перевода

В связи с особой значимостью перевода как средства межкузыковой коммуникации в условиях диаспоры, остановимся на основных принципах процесса перевода.

Перевод является главной составляющей, основой межкультурного общения, поэтому его роль в жизни общества сложно переоценить. На разные языки переводятся книги, фильмы, документы и многое другое. Для перевода могут быть предложены художественная проза и научный трактат, служебная документация и текст закона и т. д. [Миньяр-Белоручев 1980: 8]. Перевод может осуществляться письменно и устно, с разным восприятием исходного текста, в разной обстановке.

Начало русской переводной письменности восходит еще ко времени Киевской Руси, которая поддерживала оживленные торговые, политические и культурные отношения со славянскими государствами, Византией, Германией, Францией. А. В. Федоров считает, что «высокий уровень русских переводов древнего периода является результатом влияния живого народного языка на язык письменности и высокой, выработавшей уже свою традицию, культуры старославянского языка, богатого в лексическом и стилистическом отношении. Эти факторы определили большую меру самостоятельности языка переводов по отношению к языку подлинника» [Федоров 1983: 36].

История перевода знакомит нас с существованием двух тенденций передачи иноязычного текста:

- 1) перевод, который основан на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала, часто в ущерб смыслу целого и языку, на который текст переводится;
- 2) перевод, который основан на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и соблюсти требования своего языка.

В качестве примера первого типа можно привести перевод Библии, а второго типа – перевод светской литературы [там же: 24–25].

Основы научной теории перевода стали разрабатываться лишь к середине двадцатого века, когда переводческая проблематика привлекла внимание лингвистов. Как указывает А. В. Паршин, до этого времени считалось, что перевод никоим образом не может включаться в круг вопросов, изучаемых лингвистической наукой [Паршин 1999: 1]. Далее наука перевода становится лишь одной стороной лингвистической науки [Найда 1970: 3], но еще не самостоятельной дисциплиной. Однако несмотря на «несамостоятельность» переводоведения, учеными разрабатываются различные подходы к переводу, предпринимаются попытки понять сам процесс перевода, проследить за ним. Например, Ю. А. Найда пишет о двух основных теоретических подходах:

- 1) методе прямого переключения, основанном на последовательности правил формального согласования;
- 2) методе непрямого переключения, включающем анализ, переключение и изменение структуры [там же: 6].

Поначалу часть специалистов несколько скептически отнеслась к задаче создания теории перевода, однако в 1960–1980 гг. вышел ряд трудов и учебных пособий, посвященных лингвистическому анализу проблем межкузыковой коммуникации [Нелюбин, Хухуни 2006: 332–333]. Сейчас, по мнению Н. К. Рябцевой, можно говорить о том, что за свою недолгую научную историю переводоведение накопило большой объем эмпирических и теоретических знаний и достигло поразительных результатов: разработаны общие теоретические положения и множество частных направлений, введено большое количество специализированных понятий, описаны особенности межкузыковых соответствий и несоответствий, созданы научные школы, предлагаются новые научные концепции и т. д. [Рябцева 2013: 11–12]. Однако нельзя говорить о том, что в современном переводоведении не осталось нерешенных вопросов. Напротив, актуальными проблемами для переводоведения становятся современные особенности жизни общества: распространение новых каналов общения и другие массовые изменения в различных сферах деятельности человека.

В современном мире теория перевода прочно утвердилась как научная дисциплина. Однако ряд принципиальных вопросов, ответ на которые во многом определяет статус теории перевода, до сих пор оставался и остается предметом споров [Швейцер 1988: 4]. А. В. Паршин считает, что в рамках теории перевода, помимо решения прочих задач, необходимо: 1) разработать основы классификации видов переводческой деятельности; 2) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода; 3) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков; 4) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода; 5) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов [Паршин 1999: 2].

Н. К. Рябцева высказывает мнение о том, что разные теории перевода нередко вводят свои собственные понятия, которые не всегда сопоставимы друг с другом, кроме того, разные авторы вкладывают в одни и те же термины разное содержание, т. е. понимают их по-своему. Терминология переводоведения пока что недостаточно последовательна и системна и потому не всегда эффективна на практике. «В целом в качестве очевидного недостатка переводоведческой терминологии выступает отсутствие комплексного целостного представления об устройстве языка и о межкузыковых соответствиях, что и должно составить систему «переводческих знаний», способствующих формированию творческого переводческого мышления». Таким образом, к основным проблемам переводческой

терминологии (в числе прочих) можно отнести и недостаточно точные дефиниции (например, *единица перевода*, *пословный перевод*), и отсутствие системы исходных понятий (в том числе и алгоритма их развертывания в производные понятия) [Рябцева 2013: 17–20].

Действительно, проблема выделения *единицы перевода* относится к одной из самых дискуссионных и сложных проблем современной теории перевода [Гарбовский 2004: 248]. Л. С. Бархударов пишет, что термин *единица перевода* понимается им как наименьшая языковая единица в тексте, которая имеет соответствие в переводящем языке. При этом Л. С. Бархударов уточняет, что *единицей перевода* может быть единица любого языкового уровня [Бархударов 2010: 174–175]. Отметим попутно, что и в терминологическом словаре-справочнике [Основные понятия переводоведения 2010] однозначного объяснения термина *единица перевода* нет.

Качественный перевод должен отвечать требованиям, которые предъявляются к переводному тексту и называются *нормой перевода*. Последняя складывается в результате взаимодействия ряда общих нормативных требований. Специалисты, например, В. Н. Комиссаров [Комиссаров 1990: 242–245] выделяют пять таких требований:

1. **Норма эквивалентности перевода** (требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу).
2. **Жанрово-стилистическая норма перевода** (требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю).
3. **Норма переводческой речи** (требования, которым должен удовлетворять язык перевода.)
4. **Прагматическая норма перевода** (требование обеспечить соответствие перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода).
5. **Конвенциональная норма перевода** (требования, которым должен отвечать перевод в связи с принятыми в данный период времени взглядами на задачи переводческой деятельности и способы ее реализации).

В качественных переводах обычно реализуются все перечисленные нормы. Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы. Ибо «если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели» – так пишет о качестве перевода А. Д. Швейцер [Швейцер 1973: 239].

Однако для практических целей необходима такая система критериев, которая прежде всего исходила бы из градации ошибок, основанной на степени искажения содержания оригинала при переводе. Для решения подобной задачи можно использовать различные классификации смыс-

ловых ошибок. Например, В. Н. Комиссаров [Комиссаров 1990: 242–245] выделяет четыре основных типа ошибок, играющих неодинаковую роль при последующей оценке качества перевода:

1. Ошибки, представляющие собой грубое искажение содержания оригинала. Такие ошибки приводят к тому, что перевод указывает на совсем другую ситуацию и фактически дезинформирует получателя информации. Подобные нарушения обычно возникают вследствие неправильного понимания переводчиком содержания данного отрезка оригинала.
2. Ошибки, приводящие к неточной передаче смысла оригинала, но не искажающие его полностью, как в предыдущем случае. В результате в переводе описывается та же ситуация, что и в оригинале, но ее отдельные детали указываются недостаточно точно.
3. Ошибки, не нарушающие общего смысла оригинала, но снижающие качество текста перевода вследствие отклонения от стилистических норм переводящего языка, использования малоупотребительных в данном типе текстов единиц, злоупотребления иноязычными заимствованиями или техническими жаргонизмами и т. д.
4. Нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о том, что переводчик недостаточно владеет данным языком или не умеет преодолевать влияние языка оригинала. Ошибки этого рода дают основания судить об общеязыковой культуре и грамотности переводчика.

Указанные выше способы оценки качества перевода характеризуют лишь общие принципы использования различных нормативных критериев. Более точные и детальные критерии оценок разрабатываются для различных видов переводческой деятельности. Поэтому разработка подобных систем оценки переводов составляет задачу специальных теорий перевода [там же].

3.2. Основные переводческие приемы эстонско-русского перевода

Перевод выполнял и продолжает выполнять важнейшую социальную функцию, обеспечивая межъязыковое общение людей. При этом, несмотря на попытки систематизировать и оптимизировать переводческую деятельность, перевод по сути своей остается в первую очередь субъективным родом занятия человека, т. к. зависит от языковой и коммуникативной компетентности, языковых вкусов и предпочтений переводящей личности. Именно она выбирает то или иное языковое средство для передачи содержания оригинала. С другой же стороны, «выбор того или иного способа перевода в значительной степени может оказаться вынужденным, про-

диктованным необходимостью выразить заданное содержание, не нарушая норм языка перевода» [Швейцер 1973: 48].

С точки зрения выбора альтернативных языковых средств, субъективизм наиболее ярко проявляется там, где эквивалентность иноязычных лексем размыта синонимией, которая может быть представлена как односторонняя (наблюдающаяся в одном из участвующих в процессе перевода языков), так и обоюдосторонняя (присутствующая одновременно в обоих языках-участниках переводческого процесса) [Чернышова 2010: 16]. Выбор одного из синонимов зависит не только от контекста, но и от особенностей характера языковой личности и степени знания ею переводного и переводящего языков, а также от наличия или отсутствия того или иного специального словаря и т. д. [там же]. Однако следует отметить, что возможность использования синонимов в официально-деловом стиле может быть существенно ограничена, а это, в свою очередь, сужает возможности выбора лексики, поиска точного лексического соответствия.

О лексических соответствиях Я. И. Рецкер [Рецкер 1981: 47–48] писал: «Необходимо различать полные и частичные, абсолютные и относительные эквиваленты. Под полным эквивалентом мы понимаем такое соответствие, которое полностью покрывает значение однозначного слова. В любом двуязычном словаре имеются соответствия двух категорий: эквиваленты и вариантные соответствия. Под эквивалентами (или моноэквивалентами) понимаются такие соответствия между словами двух языков, которые являются постоянными, равнозначными и, как правило, не зависящими от контекста. Поскольку эквивалентное соответствие всегда одно, у переводчика нет выбора: он должен использовать этот эквивалент. Всякий иной перевод будет ошибочным».

Вариантным соответствием обычно считается слово, для перевода которого на другой язык в словаре предлагается несколько словарных соответствий. Наличие вариантных соответствий позволяет переводчику сделать выбор в пользу того или иного варианта. Однако варианты не всегда являются словарными соответствиями, часто варианты появляются в результате деятельности переводчиков и закрепляются в различных текстах, что влечет за собой вариативность таких номинаций, перевод которых должен быть точным и не допускающим разночтений:

- *Majandustegevuse register* – *Регистр хозяйственной деятельности* / *Регистр экономической деятельности*;
- *Töötamise register* – *Регистр работы*¹⁹ / *Регистр работников* / *Регистр трудовой занятости*;
- *Tööinspeksioon* – *Инспекция труда* / *Трудовая инспекция* / *Инспекция по труду*.

¹⁹ Подробнее об ошибочном словосочетании *Регистр работы* см. в данном параграфе в рубрике «Калькирование».

Наличие таких вариантов существенно осложняет переводчикам выбор верного соответствия.

Для переводоведения значимо выделение следующих видов эквивалентности, которые в процессе работы квалифицированные переводчики учитывают одновременно [Нелюбин 2003: 29–30]:

- 1) денотативная, т. е. сохранение предметного содержания текста;
- 2) коннотативная – передача коннотаций текста, эмоциональных или оценочных языковых единиц;
- 3) текстуально-нормативная (стилистическая) – передача жанровых признаков текста, а также речевых и языковых норм;
- 4) прагматическая – сохранение определенной установки, воздействий на читателя;
- 5) формальная – передача художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализированных и др. признаков оригинала.

Соблюдение принципа эквивалентности, то есть учет реализации составляющих это понятие характеристик, позволяет на основе положений А. В. Паршина [Паршин 1999] и В. Н. Комиссарова [Комиссаров 1999: 19] выделить следующие виды перевода с точки зрения полноты передачи им содержания оригинала:

- 1) *полный* (сплошной) перевод: переводится весь текст оригинала;
- 2) *неполный* (фрагментарный) перевод: переводятся лишь отдельные фрагменты (отрывок или отрывки) оригинала, перевод передает смысловое содержание источника с пропусками и сокращениями;
- 3) *частичный* перевод: часть текста оригинала, не поддающаяся точному переводу на другой язык, переносится в текст перевода из-за непереводимости или же для придания переводу «местного колорита» [Комиссаров 1999: 19];
- 4) *вольный перевод* (перевод-пересказ): содержание оригинала передается в свободном изложении основной информации оригинала с добавлениями и пропусками;
- 5) *аспектный* (выборочный) перевод: переводятся отдельные части текста в соответствии с каким-либо заданным аспектом отбора;
- 6) *аннотационный* перевод: в переводе отражаются главная тема, предмет и назначение переводимого текста;
- 7) *реферативный* перевод: в переводе содержатся лишь сведения о реферируемом документе – его тематике, назначении, полученных результатах.

Очевидно, что только первые три типа можно считать собственно переводом, поскольку (в отличие от остальных) в них перевод содержания источника последовательно осуществляется по заданным правилам перехода от средств выражения одной языковой системы к средствам выражения

другой языковой системы. Разумеется, сложные вопросы о подходах к эквивалентности, соотношении видов эквивалентности и видов перевода заслуживают отдельного обсуждения. Однако очевидно, что в переводческом процессе в идеале должны быть учтены все перечисленные выше параметры эквивалентности, поскольку, как пишет В. Н. Комиссаров, в результате общения посредством перевода устанавливаются отношения коммуникативной равноценности оригинала и вторичного текста [там же: 41–44].

Перевод деловых текстов разной степени официальности – сложная и ответственная работа. Перед переводчиком стоит непростая задача передать не просто смысл текста, а в точности воспроизвести оригинальный текст на другом языке, поскольку, в отличие от художественных произведений, переводной деловой текст должен выполнять функцию полноценной замены оригинала. Тем самым требование точности для официально-деловой сферы особо значимо.

Специалисты подчеркивают, что «точный перевод – это перевод, в котором эквивалентно воспроизведена предметно-логическая часть содержания оригинала» [Комиссаров 1990: 250]. В то же время «всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст приводят если не к полной непонятности этого текста, то во всяком случае к тяжеловесности и неясности» [Федоров 1983: 131]. Таким образом, переводчику необходимо соблюдать баланс между стремлением к максимальной точности перевода и попытками достичь точности, но при этом избежать возможных разночтений из-за буквального перевода. Следует иметь в виду, что каждая из разновидностей переводимого материала отличается своими специфическими чертами и требованиями к переводу. То, что может быть признано точным и правильным при переводе делового или же научного текста, может оказаться неуместным и неверным при работе с произведениями художественной литературы. Перевод официального документа требует от переводчика соблюдения всех²⁰ аспектов нормы перевода.

Пользующиеся переводом, прежде всего, обращают внимание на прагматическую ценность перевода, а также на обеспечение языковой правильности, которая считается основным коммуникативным качеством речи, так как лежит в основе реализации других качеств, является их необходимым условием. Переводческая практика показывает, что далеко не всегда можно говорить о достаточно полном переводе текста. При переводе неизбежно что-то теряется или прибавляется. Это объясняется и целями конкретного перевода, и различиями в грамматических системах переводного и переводящего языков, и сложившимися навыками употребления языковых единиц.

Социальным запросом современного общества стали возросшие потребности в переводе разнообразных официально-деловых текстов. В связи с

²⁰ В данном случае речь идет о пяти различных видах нормативных требований, которые перечислены нами в параграфе 3.1.

распространением интернет-общения переводятся не только отдельные документы, но и целые официальные сайты, которые оказываются своего рода представителями учреждения, компании и т. д. в интернет-сети. Нередко именно сайт создает представление об организации, поэтому средствами переводящего языка необходимо целостно и точно не только передать содержание подлинника, но и сохранить его стилистические и экспрессивные особенности [Рецкер 2006: 10]. Важно то, что в реальной практике переводчик должен переводить не слова, а ряды семантических компонентов. В переводящем языке он может не найти определенного слова, эквивалентного тому или иному термину или понятию в исходном языке, но он всегда может выразить различные семантические компоненты переводимого отрезка в исходном языке. Другими словами, он может произвести дистрибуцию формальной структуры компонентов в исходном языке на различные лексические единицы в «конечном» языке [Найда 1970: 10–11].

Преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются *переводческими трансформациями*. По словам А. В. Паршина, в рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане, т. е. как отношения между единицами исходного языка и их словарными соответствиями в переводящем языке, а в плане динамическом как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста [Паршин 1999: 37]. Иными словами, основными причинами использования переводческих трансформаций являются различия в лексическом составе и грамматической системе языков, поскольку отличаются сочетаемость и порядок слов в предложении, структура самих предложений, их использование и виды. Все вышеперечисленное обязывает переводчика адаптировать исходный текст к нормам родного языка посредством использования трансформаций [Кулемина 2007: 146].

Хотя большинство ученых придерживается мнения о том, что переводческие трансформации делятся на лексические, грамматические и смешанные (или комплексные), само понятие *переводческой трансформации* неоспорно. В настоящее время существует целый ряд предложенных разными авторами классификаций переводческих трансформаций. При этом следует уточнить, что подобные описания относятся в первую очередь к англо-русскому и русско-английскому переводу, поскольку в русистике основы переводоведения в значительной степени разрабатывались именно на базе пары языков русский – английский, о чем свидетельствует переводоведческая литература. В какой степени возможно применение данных теоретических обобщений для эстонско-русского перевода, сейчас сказать сложно.

В рамках данной работы нет необходимости подробно останавливаться на каждой классификации, поэтому перечислим лишь некоторые из них.

Например, Л. К. Латышев выделяет четыре «фундаментальных» типа трансформаций, которые связаны с определенным уровнем языка (категориально-морфологические, синтаксические, лексические и глубинные) и «специфические» трансформации, которые встречаются достаточно редко [Латышев 2005: 280–284]. Л. С. Бархударов же называет такие типы переводческих трансформаций, как приемы перестановки, лексических добавлений, опущения и замены [Бархударов 2010: 190–230]. При этом и Л. К. Латышев, и Л. С. Бархударов подчеркивают, что любое подобное деление является в значительной мере приблизительным и условным. А. Д. Швейцер [Швейцер 1988] предлагает деление трансформаций на группы, отдельные для каждого уровня семантической эквивалентности (компонентного, прагматического, референциального, стилистического). Я. И. Рецкер [Рецкер 2006] делит переводческие трансформации на две большие группы: грамматические и лексические. Похожая, с некоторыми оговорками, классификация содержится и в работе А. В. Паршина [Паршин 1999]. Так, А. В. Паршин считает, что существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, преобразования в которых либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо в процессе трансформации осуществляется переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот [там же]. Тем самым подобные преобразования оказываются межуровневыми.

В ходе проведенного с опорой на работы Л. С. Бархударова [Бархударов 2010] и А. В. Паршина [Паршин 1999] анализа языковых фактов из эстонско-русских параллельных текстов (см. источники материала) были выявлены такие грамматические и лексические переводческие трансформации (приемы), которые наиболее часто используются в паре эстонский и русский языки.

1. Перестановка как вид грамматической переводческой трансформации – это изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Это основной, регулярный тип трансформации, который наблюдается в любом эстонско-русском переводе, ибо перестановка обусловлена существенными различиями порядка слов в эстонском и русском языках.

(10a) *Eraisiku arvelduskonto lepingu lõpetamise avaldus.*

(10b) *Заявление о прекращении договора о расчетном счете частного лица.*
(Заявление Swedbank)

(11a) *Kliendi ees- ja perekonnanimi.*

(11b) *Имя и фамилия клиента.*

В данных примерах в оригинале и переводе существенно изменено расположение лексем *заявление* и *клиента*. Перестановка как переводческий прием затрагивает и передачу на русский язык компонентов эстонских

сложных слов, но более детально вопрос о порядке частей сложных слов и слов в предложении в русском и эстонском языках будет рассмотрен в параграфе 3.5.

2. Прием лексических добавлений. При его использовании многие элементы смысла, остающиеся в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. Например, в примерах (12а, 12б) и (13а, 13б) перевод дополнен словами и словосочетаниями (*страхования, буклет о продуктах*), которых нет в оригинале, но они необходимы в переводном тексте для понимания смысла:

(12а) *Seesami eelised.*

(12б) *Преимущества **страхования** в Seesam.*
(Буклет страховой компании Seesam)

(13а) *Kodukindlustus.*

(13б) ***Буклет о продуктах** страхования жилья.*
(Буклет страховой компании Seesam)

(14а) *Karjääriinfotuba.*

(14б) *Инфо-комната **по вопросам планирования** карьеры.*
(Буклет Кассы по безработице)

Отметим, что в примере (14а, 14б) эстонское сложное слово превратилось в русском языке в достаточно громоздкую конструкцию, поскольку типичными соответствиями для эстонских сложных слов в русском языке являются сочетания автономных слов.

3. Прием опущения предполагает отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте, например:

(15а) *Trahvi tasumisel märkida **maksekorralduse** «viitenumbri» lahtrisse otsuse number (**vt. pöördel**).*

(15б) *При оплате штрафа занести в графу «Номер ссылки» Otsuse number.*
(Бланк штрафа)

В примере (15б) переводчик не отразил присутствующие в оригинале *maksekorraldus* – *платежное поручение* и *vt. pöördel* – *см. на обороте*. С одной стороны, опущение приведенных словосочетаний не должно вызвать проблем с пониманием смысла текста, т. к. данные понятия легко восстанавливаются в контексте. С другой же стороны, нельзя утверждать, что в данном случае опущение произошло по языковым причинам.

- (16a) *Kui auto edasi sõita ei saa, pukseeritakse see **lähimasse** remonditöökotta või **hoiukohta**.*
- (16b) *Если автомобиль не может передвигаться, его отбуксируют в мастерскую.*
(Флаер страховой компании Ergo)

Поскольку в примере (16b) речь идет о страховании Каско, то подразумевается, что пользователям данной услуги без дополнительных пояснений понятно, что автомобиль буксируется в ближайшую (*lähimasse*) мастерскую. Однако найти подходящее для данного контекста соответствие к лексеме *hoiukoht* не так просто, поскольку в словарях предлагаются семантически весьма отличающиеся варианты перевода, например, *склад* [Мультитран], *хранилище* [там же], *место хранения* [Eesti-vene 1997–2009; Tamm 2005: 90; Kalinin, Teemaa 2002: 125; Ottenson 2007: 92] и т. д. Однако в юридическом словаре О. Оттенсон для лексемы *hoiukoht* дается и вариант с пометой *sõiduki~* (= транспортное средство) и указывается такой вариант соответствия, как *стоянка* [Ottenson 2007: 92], что достаточно близко к обсуждаемому контексту. Тем самым одним из вариантов перевода примера (16a) мог бы быть следующий: *Если автомобиль не может передвигаться, его буксируют в ближайшую автомастерскую или на автостоянку для временного хранения.*

Попутно следует отметить, что прием опущения в проанализированном нами материале встречается относительно редко.

4. Прием замены – это один из наиболее распространенных и многообразных видов переводческой трансформации. Хотя использование этого приема обусловлено в первую очередь грамматическими причинами, в процессе перевода замене могут подвергаться как лексические, так и грамматические единицы, кроме того, существуют и т. н. комплексные лексико-грамматические замены. Например, в следующих предложениях переводчик использовал лексико-грамматическую замену – в примере (17b) личная конструкция с эстонским глаголом *быть* в форме первого лица единственного числа настоящего времени *olen* заменена безличной с местоимением *мне*, а в примере (18b) вместо эстонского *on* (буквально: *есть*) в русском тексте используется лексема *считается*:

- (17a) *Kinnitan, et olen teadlik arvelduskonto lepingu lõpetamise tingimustest.*
- (17b) *Подтверждаю, что мне известны условия прекращения договора расчетного счета.*
(Заявление Swedbank)
- (18a) *Koos hoonega on kindlustatud.*
- (18b) *Вместе со зданием **считается** застрахованным.*
(Буклет страховой компании Seesam)

Языковые иллюстрации (19a, 19b) и (20a, 20b) содержат замену глагольных форм единственного числа в тексте перевода глагольными формами множественного числа. В предложении (19b) оригинального текста используется форма повелительного наклонения единственного числа, а в переводной конструкции – форма повелительного наклонения множественного числа. В примере (20b) эстонскому глаголу 2-ого лица единственного числа соответствует русский глагол 2-ого лица множественного числа и местоимение *Вы*.

(19a) *Ehita targalt!*

(19b) *Споүйте с умом!*

(Флаер Трудовой инспекции)

(20a) *Kui hästi **tunned** töösuhteid?*

(20b) *Насколько хорошо **Вы знаете** трудовые отношения?*

(Флаер Трудовой инспекции)

Большие сложности вызывает перевод единиц языка оригинала, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, т. к. относятся к безэквивалентной лексике, которая обозначает специфические явления местной культуры и реалии. Однако некоторые исследователи, например, А. О. Иванов, считают, что, помимо названного, к безэквивалентным единицам необходимо отнести и термины, звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, междометия, обращения, отступления от литературной нормы [Иванов 2006: 80].

Существуют различные способы передачи безэквивалентной лексики, например: калькирование, транскрипция / транслитерация, аналоговый или ассоциативный перевод, описательный перевод или экспликация.

5. Калькирование можно считать одним из самых распространенных приемов перевода с эстонского языка на русский. Так, вопрос об активизации процессов калькирования (с опорой на материалы сайта Министерства социальных дел) рассматривался в студенческой работе [см. Сокол 2010]. В переводных деловых текстах встречаются как удачные, так и неудачные примеры калькирования.

К удачным калькам можно отнести давно укоренившиеся в условиях диаспоры сочетания:

- *digiretsept* – *дигитальный рецепт*;
- *parkimiskell* – *парковочные часы*;
- *perearst* – *семейный врач*.

Также удачной можно признать кальку с эстонского языка *posylочный автомат* – *pakiautomaat*. Интересно, что в русскоязычном сегменте деловой интернет-среды Латвии, Литвы и Украины используется для названия данного предмета лексема *пакомат* (на латышском языке *pakomāts*), а в

русском языке России появилось слово *почтомат*, которое, вероятно, является более коротким вариантом словосочетания *почтовый автомат*. Сравним:

- (21a) *Pakiautomaatide täitmise ja tühjendamise ajad.*
(https://www.omniva.ee/abi/automaatide_taitmise_ajad)
- (21b) *Часы заполнения **посылочных автоматов**.*
(https://www.omniva.ee/chastnyj/posylka/chasy_zagruzki_posylochnyh_avtomatov)
- (22b) *Доставка в **пакоматы** Post24 и терминалы PastaStacija в городах Латвии, терминалы LP Express в городах Литвы, терминалы SmartPost в городах Эстонии.*
(<http://ozonru.eu/help/delivery/>)
- (22d) *Post24 **pakomātu** tabulu Excel (CSV) formātā atradīsiet.*
(<https://www.post24.lv/pakomati>)
- (23b) *Logibox – сеть автоматических станций (**почтоматов**) по приему и вручению отправок из интернет-магазинов и компаний дистанционной торговли, расположенных по всей России. **Почтоматы** Logibox – легкий, удобный, быстрый и надежный способ получения покупок, заказанных в интернете и по каталогам.*
(<http://tsumpskov.com/nashi-magazny>)

Однако часто встречаются и неудачные примеры калькирования:

- *valguskivi* – *светокамень* (вместо *светодиодная брусчатка*);
- *Tööinspeksioon* – *Инспекция труда* (вместо *Трудовая инспекция*);
- *töötamise register* – *Регистр работы* (вместо более удачного варианта *Регистр трудовой занятости*).

К неудачным относится активно используемая в разных сферах словоформа *кандидировать* (эст. *kandideerima* – *баллотироваться, выдвигать свою кандидатуру, стать кандидатом* и т. д.) и ее дериваты.

Следующие переводческие приемы при переводе официально-деловых текстов с эстонского языка на русский используются не столь активно.

6. Транскрипция / транслитерация применяется преимущественно при передаче имен собственных, географических наименований, названий улиц, названий разного рода компаний, фирм, реалий и т. д. (*Riigikogu* – *Рийгикогу*, *Jõgeva* – *Йыгева*, *Jõhvi* – *Йыхви* и т. д.) [подробнее об этом см. Palikova, Karu 2009].

7. Прием аналогового или ассоциативного перевода заключается в том, чтобы совершить перевод путем подбора лексико-семантического аналога в языке перевода. Будучи лексической трансформацией, такой прием перевода осуществляется как лексико-семантическая замена, обусловленная несовпадением лексических систем языков первичного и вторичного текстов.

- (24a) *Lahendused äri kasvatamiseks.*
(24b) *Решения для развития бизнеса.*
(Буклет SEB банка)

У эстонской лексики *kasvatamine* имеются такие русские словарные соответствия, как *выращивание, воспитание, наращивание, разведение* [Мультигран; Eesti-vene 1997–2009; Tamm 2005: 151]. Однако их использование в данном случае невозможно. Для исходного делового контекста оправданным можно признать применение приема аналогового перевода и выбор в пользу понятия *развитие*.

В примере (25b) использована лексико-семантическая замена слова *töötuba* (буквально *мастерская*) на лексему *семинар*:

- (25a) *Tööotsingu töötuba.*
(25b) *Семинары по поиску работы.*
(Буклет Кассы по безработице)

8. Описательный перевод. При описательном переводе или экспликации переводчик раскрывает значение лексики при помощи развернутых словосочетаний, например, в предложении *Kui auto edasi sõita ei saa, pukseeritakse see lähimasse remonditöökotta või hoiukohta*, в таком переводческом приеме нуждается лексема *hoiukoht*, поскольку в данном контексте не может быть использовано словарное соответствие *склад, место хранения*. Описательный перевод *hoiukoht* как *автостоянка для временного хранения* будет более точным.

Разумеется, для выражения информации на другом языке могут использоваться сразу несколько способов перевода. Следует добавить, что для нашего текстового материала приемы опущения и аналогового перевода по сравнению с другими менее характерны.

Особым аспектом теории перевода является проблема передачи стилистических приемов на воспринимающем языке. Большое значение имеет понимание особенностей функциональных стилей. Правильный выбор стилистических средств, соблюдение верной «тональности» текста обеспечивает воссоздание стилистического эффекта оригинала в переводе. Однако перевод стилистических приемов часто вызывает затруднения у переводчиков. На первый взгляд, может показаться, что данная проблематика затрагивает художественный или поэтический текст, однако на практике трудности перевода стилистической составляющей актуальны и для официально-деловых текстов, например, для текстов социальной или деловой рекламы, коммерческих и инструктирующих писем, рекомендаций и т. д. Подобные тексты должны быть запоминающимися и способными вызвать коммерческий интерес. Так, для привлечения внимания адресата может использоваться большое количество оценочных имен прилагательных (*эксклюзивный, уникальный* и т. д.), оригинальное графическое оформление и т. д. [Карабань 2006: 9].

Общеизвестно, что в любом языке есть элементы, которые не поддаются передаче средствами другого языка, поэтому очевидна необходимость компенсировать эту потерю при переводе. Подобные элементы могут быть и смыслового, и стилистического характера, причем для каждого стиля характерен свой набор средств языкового выражения. Л. С. Бархударов называет принадлежность слова к тому или иному «набору» стилистической характеристикой слова и определяет ее как некоторую ограниченность использования, т. е. закреплённость языковой единицы за определенными речевыми жанрами. Им выделяются следующие стилистические характеристики слов [Бархударов 2010: 108]:

- 1) нейтральная (ядро словарного состава, используемое во всех жанрах и типах речи);
- 2) обиходно-разговорная (устная, неофициальная речь);
- 3) книжная (письменная и устно-официальная);
- 4) поэтическая;
- 5) терминологическая (официально-научный жанр, терминология и специальные слова).

Кроме того, в любом языке существуют слова и выражения, несущие некоторую эмоциональную окраску или положительную / отрицательную коннотацию, которая может не совпадать у слов переводного и переводящего языков. Коннотации отражают связанные со словом представления, традиции и типичную практику использования языковых средств [Апресян 1995: 67]. При этом в словарях отражаются только уже устоявшиеся в употреблении добавочные значения. Но язык развивается, оценки общества меняются, поэтому к коннотативным проявлениям следует относить и такие явления речи, которые обычно не фиксируются в словарях, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе общения, что влияет на процесс перевода.

Например, для передачи на русский язык словосочетания *elukestev õpe* предлагается вариант *пожизненное обучение*. Прилагательное *пожизненный*, не имеющее в словарях стилистической пометы, в речи носителей языка ассоциируется с активно используемыми в наше время устойчивыми выражениями *пожизненное заключение*, *пожизненный срок*, *пожизненное лишение свободы* и потому невольно получило отрицательную речевую коннотацию. Активное использование перечисленных словосочетаний подтверждается и данными из Национального корпуса русского языка²¹. В эстонском же языке прилагательное *elukestev* является нейтральным и достаточно новым, поскольку не отражается в толковом словаре эстонского языка²² 2009 года, однако фиксируется в эстонском ортологическом

²¹ (<http://www.ruscorpora.ru/index.html>)

²² Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. (<http://www.eki.ee/dict/ekss>)

словаре²³ 2013 года и имеет помету «педагогика». Напомним, что прямым соответствием русскому прилагательному *пожизненный* является эстонская лексема *eluaegne*, которая также имеет негативный оттенок. Таким образом, выражение *elukestev õpe* и его перевод *пожизненное обучение* оказываются носителями разного коннотативного смысла. Думается, что использование соответствия *непрерывное образование* стилистически было бы более уместным и целесообразным.

На основе лингвистической классификации функциональных стилей выделяют отдельные виды перевода – художественный, официально-деловой, научный, научно-технический. Жанрово-стилистическая классификация обусловлена тем, что принадлежность текста к определенному жанру определяет доминантную функцию текста, передача которой требует использования определенной переводческой стратегии. Понимание жанра и стиля текста – это также и понимание социальной роли и функциональной сущности текста. В переводе же понимание жанра и стиля направлено на сохранение формы текста, который должен быть воспроизведен на языке перевода.

Несмотря на попытки систематизировать и оптимизировать переводческую деятельность, перевод в определенной степени остается субъективным родом занятия человека, т. к. зависит от языковой и коммуникативной компетентности, языковых вкусов и предпочтений переводящей личности, которая, реализуя свои знания и вкусы в условиях контекста и / или ситуации, выбирает наиболее удачное, точное лексическое соответствие для передачи содержания оригинала. При этом выбор наиболее подходящей языковой единицы в значительной степени может оказаться вынужденным, продиктованным необходимостью выразить заданное содержание и при этом не нарушить норм языка перевода [Швейцер 1973: 48]. Тем самым для достижения качественного результата в процессе перевода приходится учитывать целый комплекс лингвистических и экстралингвистических факторов.

3.3. Лексические особенности официально-делового перевода в диаспоре

Представителям диаспоры приходится одновременно ориентироваться не только на социолингвистические особенности официально-деловой коммуникации в России, литературные нормы и нововведения русского языка России, но и на социолингвистическую специфику общения в стране проживания и на жизненно важные языковые единицы, появляющиеся в государственном – эстонском – языке. При этом следует учитывать, что инновации в письменной речи в условиях диаспоры обусловлены влиянием и

²³ Eesti õigekeelsussõnaraamat ÕS 2013. (<http://portaal.eki.ee/dict/qs/>)

английского (опосредованно), и эстонского языка [Щаднева, Вельман-Омелина 2012: 339].

Деловая речь в сегодняшней Эстонии фиксируется не только на государственном языке, но и на английском как основном языке делопроизводства Европейского союза. Особый статус английского на фоне других официальных языков Европейского союза доказывает тот факт, что, например, в Эстонии государственные и коммерческие инстанции предоставляют информацию, как правило, в виде параллельных текстов на эстонском, русском и английском языках или же только на эстонском и английском языках (например, на сайте *e-riik*, так называемого *электронного государства*, на сайтах министерств и департаментов).

Следствием этого стала масштабная англо-американская языковая экспансия, осуществляемая не только через переводные газетные и научные статьи, но и через деловые тексты, поскольку глобализация затрагивает и сферу официально-деловых отношений. Иными словами, для некоторых областей жизни английский язык стал едва ли не обязательным. Как уже упоминалось ранее, в языке русской диаспоры англо-американское влияние отражается двояко: а) посредством переводов с эстонского языка на русский; б) через тексты, создаваемые в России. Все это заметно осложняет процесс эстонско-русского перевода [Щаднева, Вельман-Омелина 2013: 56].

Поскольку все изменения, происходящие в жизни общества, отражаются прежде всего именно в лексике, то лексическая сторона в процессе перевода обращает на себя внимание в первую очередь. Сложности для перевода представляют целые тематические группы слов²⁴. Сравним передачу английских понятий в эстонском и русском языках в следующих рядах слов:

- *sponsor* – *toetaja* – спонсор;
- *developer* – *arendaja* – девелопер
- *sales manager* – *müügijuht* – менеджер по продажам;
- *importer* – *maaletooja* – импортер;
- *webmaster* – *veebihaldur* – вебмастер(веб-мастер).

Приведенный список наглядно свидетельствует о том, что в русском языке весьма регулярно используются прямые лексические заимствования, т. е. из языка-донора русский перенимает и формы, и значения слов (разумеется, с сопутствующей фонетической и грамматической адаптацией). В то же время эстонский язык отдает предпочтение или подбору эстонского

²⁴ При определении понятия тематической группы слов, мы опираемся на данные Словаря лингвистических терминов [Жеребило: 2005], в котором данное понятие раскрывается как Группа слов, включающая: 1) слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности; 2) слова других частей речи, необходимые для раскрытия той или иной темы.

соответствия (*sponsor – toetaja, developer – arendaja*), или мягкому способу освоения иноязычных номинаций путем калькирования, т. е. посредством буквального поморфемного перевода иноязычной номинации. Примечательно, что в специализированном словаре²⁵ слову *maaletooja*, калькированному с финского *maahantuoja*, приводится и ряд синонимов иного типа: *sissetooja, sissevedaja, importija*. Заметим попутно, что вопросу о заимствованиях в эстонском языке посвящена обстоятельная статья М. Раадик и М. Туулик, в которой авторы рассматривают новые лексемы из разных частных сфер общения. Хотя слов официально-деловой сферы в публикации приводится немного, для нас важно то, что значительная часть упомянутых языковых единиц представлена кальками [Raadik, Tuulik 2018].

Небезынтересная ситуация возникла с лексемами *девелопмент* и *девелопер*. В Эстонии в деловом русском часто встречаются и заимствование *девелопмент*, и его перевод с английского словосочетаниями *развитие недвижимости* или *развитие проектов*. Однако для названия представителей этой профессии используется слово *маклер по недвижимости / риэлтор*, а не *девелопер*, как в русском языке в России.

Как результат перевода с эстонского языка, в условиях диаспоры используются и такие слова, которые могут показаться чуждыми представителям России. Например, вместе с уже в той или иной степени привычными для русскоязычных жителей Эстонии словами *инфочас – infotund, инфотелефон / инфо-телефон – infotelefon, инфостол – infolaud* вводится в употребление и понятие *инфо-комната по вопросам планирования карьеры*²⁶ – *karjääriinfotuba*.

Отметим, что отдельные тематические группы слов более или менее активно пополняются новыми словами и словосочетаниями. Например, многочисленной стала группа названий новых видов документов, удостоверяющих личность человека и предоставляющих ему право пользования какой-либо услугой или клиентской поддержкой. Данная тематическая группа языковых единиц с разными опорными словами (*карта / карточка, билет, парковка*) имеет следующие лексические реализации, которые частично являются общими для русского языка и России, и Эстонии.

²⁵ Ametniku soovitusõnastik 2013. (<http://www.eki.ee/dict/ametnik/ametnik.html>)

²⁶ Данный пример обнаружен нами в текстах Кассы по безработице. Это комната, которая есть во всех филиалах Кассы по безработице, там можно ознакомиться с возможностями трудоустройства и обучения, найти образцы документов, воспользоваться компьютером и т. д.

Названия, представленные и в России, и в Эстонии:

- *kliendikaart* – клиентская карта / клиентская карточка или карта клиента / карточка клиента;
- *püsikliendikaart* – карта постоянного клиента / карточка постоянного клиента;
- *partnerkaart* – партнерская карта / партнерская карточка;
- *kinkekaart* – подарочная карта / подарочная карточка;
- *magnetkaart* – магнитная карта / магнитная карточка / карта с магнитной полосой;
- *ühistranspordi kaart* – единая проездная карта / единая проездная карточка;
- *klubikaart* – клубная карта / клубная карточка;
- *euroopa ravikindlustuskaart* – европейская карта медицинского страхования / европейская карточка медицинского страхования;
- *külalise kaart* – карта гостя / карточка гостя;
- *elektrooniline pilet* / *e-pilet* – электронный билет / э-билет / е-билет.

Названия, представленные только в Эстонии:

- *piudega isiku kaart* – карта лица с ограниченными возможностями здоровья;
- *sooduskaart* – льготная карта / льготная карточка;
- *mobiilne parkimine* / *m-parkimine* – мобильная парковка / м-парковка / т-парковка;
- *e-valijakaart* / *elektrooniline valijakaart* – э-карта избирателя / электронная карта избирателя (= карта избирателя, которая используется в процессе электронного голосования);
- *registrikaart (b-kaart)* – регистрационная карта / б-карта (= документ, подтверждающий регистрацию коммерческого объединения).

Повторим, что подобные названия представлены и в России, и в Эстонии, но в язык диаспоры они входят в первую очередь через посредство эстонского языка – как результат калькирования, поэтому в целом активность употребления отдельных языковых единиц в региональных вариантах русского языка несколько различается. Например, вместо словосочетания *дисконтная карта* представителями диаспоры используются словосочетания *карта клиента* / *карточка клиента* или *льготная карта* / *льготная карточка*. Для русского языка в Эстонии характерны и такие составные номинации, как *э-карта избирателя* / *электронная карта избирателя*, *регистрационная карта* / *б-карта* и т. д. Отдельно стоит сказать о словосочетании *roheline kaart* – *зеленая карта* / «зеленая карта». Примечательно, что «зеленая карта» на российских интернет-ресурсах встречается преимущественно в написании с кавычками. Думается, это происходит с

целью отличить определенный вид страхового полиса (зеленую карту) от зеленой карты (или грин-карты / гринкарты²⁷).

В качестве отдельной подгруппы можно отметить названия документов, электронных программ и различных вспомогательных средств, которые образованы с помощью заимствованной из английского языка аббревиатуры *ID* (от англ. *identification data* – идентификационные данные). В язык диаспоры данные лексемы также вошли через эстонский язык. В Эстонии уже давно и весьма активно используются такие языковые единицы, как:

- *ID-kaart* – *ID-карта* / *ID-карточка* / *ИД-карта* (= удостоверение личности, заменяющее паспорт);
- *ID-pilet* – *ID-билет* (= электронный билет для проезда в общественном транспорте);
- *Mobiil-ID* – *мобильный ИД* (= способ идентификации пользователя через мобильный телефон; с помощью такой аутентификации можно осуществлять разные деловые операции);
- *Digi-ID* – *Диги-ID* (= дигитальное удостоверение личности, с помощью которого можно удостоверять свою личность в электронной среде и давать дигитальную подпись);
- *Smart-ID* – *Smart-ID* (= способ подтверждения персональных данных в интернете).

Небольшую подгруппу в группе названий документов, а также подгруппу отдельных терминов составляют такие сложные слова и словосочетания, которые образованы с помощью опорного слова *дигитальный* (дигитальная) или усеченной части *диги-*. Данные названия документов и терминов связаны с использованием электронных возможностей делового общения:

- *digiretsept* – *дигирецепт* / *дигитальный рецепт*;
- *digisaatekiri* – *цифровое направление* / *дигитальное направление* / *дигитальный направительный лист* (= дигитальное направление к врачу-специалисту, которое выдает семейный врач);
- *digitaalne meditsiiniseadme kaart* – *дигитальная карта медицинского устройства* (= карта, на основании которой можно покупать медицинские устройства со льготой больничной кассы);
- *digitaalne sertifikaat* – *дигитальный сертификат*;
- *digitaalallkiri* – *дигитальная подпись* / *цифровая подпись*;
- *digitaalne identiteet* – *дигитальная личность*.

²⁷ Green Card – идентификационная карта, которая подтверждает наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином США, но постоянно проживающего на территории США.

В текстах диаспоры присутствует и вариант перевода прилагательного *digitaalne* как *цифровой*. Делая выбор между прилагательными *цифровой* и *дигитальный*, которые используются для перевода эстонских единиц *digi-*, *digitaalne*, переводчики раньше явно отдавали предпочтение лексеме *дигитальный*. В настоящее время все чаще встречается прилагательное *цифровой*. Так, на домашней странице Министерства образования и науки²⁸, сообщающей о важности инфотехнологии в повседневной жизни, примечательно, что в данном тексте используются такие понятия, как:

- *digipädevus* – *цифровая компетентность*;
- *digitehnoloogia* – *цифровая технология*;
- *digitaalne õppevara* – *цифровые учебные материалы*.

Отметим, что в русском языке России также активно используются словосочетания *цифровая компетентность*, *цифровая технология*, *цифровая культура*, *цифровые учебные материалы*, *цифровые средства* и т. д.

Отдельную тематическую группу составляют названия виртуальных представительств реальных государственных учреждений или названия официальных только виртуальных образований (систем), в номинациях которых есть указание на электронную среду функционирования (e-... / e...). Названные виртуальные учреждения могут быть как полноценными электронными представительствами какого-либо департамента, ведомства или организации, так и электронной средой, предоставляющей неполный (или какой-либо конкретный) спектр услуг. Приведем некоторые номинации:

- *e-riik* – *э-государство*;
- *e-toimik* (буквально: *э-дело*);
- *eStat* (буквально: *э-статистика*);
- *e-äriregister* (буквально: *э-коммерческий регистр*);
- *e-maksuamet* / *e-toll* (буквально: *э-налоговый департамент* / *э-таможня*);
- *eKool* (буквально: *эШкола*);
- *ePatsient* (буквально: *эПациент*);
- *e-tervis* (буквально: *э-здоровье*).

Данные слова и словосочетания представляют одну из наиболее активно развивающихся тематических групп, поскольку учреждений, с которыми можно работать виртуально, становится все больше. В этой тематической группе лишь незначительная часть названий переведена на русский язык. Даже в тексте на русском языке, который приводится, например, на сайте Налогово-таможенного департамента, используется оригинальное название

²⁸ (<https://www.hm.ee/et/tegevused/digipoore>)

электронной системы на эстонском языке *e-maksuamet* / *e-toll*. Перечисленные электронные системы, т. е. само их текстовое наполнение, обычно не имеют перевода на русский язык. Вероятно, в таком переводе нет необходимости, потому что в соответствии с Законом о языке оформлять различные документы, посылать запросы и т. д. в подобных официальных электронных системах следует на эстонском языке. Попутно отметим, что эстонское название не всегда можно удачно перевести на русский язык. Сравним примеры *e-toimik* (буквально: э-дело) и *ePatsient* (буквально: эПациент). Так, русское потенциальное название *эПациент* в такой же степени понятно и информативно, как и эстонский оригинал *ePatsient*. Однако перевод названия *e-toimik* проблематичен, поскольку значение русского слова *дело* существенно шире эстонского *toimik*. В данном случае речь идет об электронной системе, с помощью которой можно представлять в суд дигитально подписанные документы.

Трудности эстонско-русского перевода начинаются со словарей, которые не успевают за языковой динамикой и потому создают пользователям отдельные проблемы. Даже тематически специализированные словари могут не отражать некоторые актуальные понятия, отражать их неправильно или же не сразу, а лишь со временем. Специалисты отмечают, что развитие науки, техники и информационных технологий постоянно порождает новые явления, которые изначально получают название на языке страны происхождения. При переводе на другие языки возникают вполне понятные трудности. Появляется необходимость поиска эквивалентов, которые смогли бы отражать абсолютно новые жизненные реалии. Понятие «временно безэквивалентные термины» достаточно точно отражает суть данной ситуации, т. к. указывает на причину безэквивалентности – не постоянное, а временное отставание одного из языков в формировании системы понятий в той или иной сфере деятельности [Герасименко и др. 2014: 104]. Иными словами, лексикографическая обработка слов иноязычного происхождения может значительно отставать от процесса заимствования иноязычной лексики, поэтому многие единицы, активно используемые в языке, могут на время, иногда весьма продолжительное, оставаться за пределами различных словарей [Камалетдинова 2002].

Таким образом, переводчику в процессе перевода приходится ориентироваться исключительно на собственные знания, т. к. и в русском языке России не всегда можно обнаружить нужный эквивалент. Например, лексема *tootmisohje*, которая является одним из ключевых понятий для определенного стандарта Европейского союза (действует в Эстонии с марта 2015 года), оказалась весьма сложной для перевода на русский язык. Пытаясь перевести данную номинацию, автор диссертации обращался к различным словарям и справочникам, однако помогло в переводе только обращение к российскому ГОСТу, который составлен с учетом упомянутого стандарта и по большей части пересекается с ним. Вариант, используемый в ГОСТе – *контроль производственного процесса*. Попутно отметим, что полезным для уяснения сути эстонской номинации оказался и

словарь Мультитран²⁹, в котором отсутствует лексема *tootmisohje*, однако указано, что *ohje* в значении *juhtnõõr* ('указание'), *juhend* ('инструкция') заимствовано из финского языка.

Однако, говоря об отсутствии некоторых лексем в словарях, мы имеем в виду не только новые слова, но и такие привычные, значимые для общения лексемы, как *klienditeenindaja* (= работник, который обслуживает клиентов), *letiteenindaja* (= работник, который обслуживает клиентов за прилавком), *huvijuht* (= руководитель деятельности по интересам) и т. д. Например, в толковом словаре³⁰ эстонского языка *klienditeenindaja* объясняется как название должности, за которой, по сути дела, может скрываться кассир, продавец, администратор или иной работник, обслуживающий клиентов. Так, на одном из эстонских интернет-порталов, который специализируется на трудовом посредничестве, в качестве соответствия английскому *customer service officer* (буквально: *начальник отдела обслуживания / сервисного отдела*) приводится эстонское слово *klienditeenindaja*. То есть можно говорить об очень широком значении и использовании данной лексемы. Тем самым к этому актуальному слову можно подобрать русский аналог, только учитывая контекст.

Рассмотрим еще ряд сложных для перевода слов. Флаер³¹ одного из сетевых магазинов предлагает забавную для носителя русского языка вакансию *продавца развесных прилавков*. Это «изобретение» неквалифицированного переводчика, которое может быть расценено как ошибка, соответствует лексеме *letiteenindaja* эстонского оригинала. В эстонско-русском словаре³² имеется слово *letitöötaja*, которое в том же словаре переводится как *работник прилавка*. В русском языке данную номинацию можно использовать для обозначения продавца конкретного отдела (например, продавца развесных салатов, продавца развесного мороженого и т. д.).

Проблемой является и наличие в двуязычных словарях неточных, семантически недостаточных словарных соответствий. Например, лексемы *tarnija* и *hankija* в различных³³ эстонско-русских и в русско-эстонских словарях представлены как соответствия русскому *поставщик*, а в одном из словарей даже отмечены как синонимы. В то же время в Законе о

²⁹ Электронный словарь Мультитран.
(<https://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=26&l2=2&CL=1&a=0>)

³⁰ Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. (<http://www.eki.ee/dict/ekss>)

³¹ В тексте флаера содержится информация о приеме на работу.

³² Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь I–V 1997–2009.
(<http://www.eki.ee/dict/evs/evs.html>)

³³ Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь I–V 1997–2009.
(<http://www.eki.ee/dict/evs/evs.html>)

Vissak H., Vissak, J. Suur eesti-vene ja vene-eesti õigussõnaraamat. Большой эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь. Tallinn, 2008.
Ottenson, O. Uus eesti-vene õigussõnaraamat. Новый эстонско-русский юридический словарь. Tallinn, 2007.

госпоставках и документах, связанных с госпоставками (условия конкурса, ценовые предложения, различные справки в рамках конкурса и т. д.), у слова *hankija* появляется совсем другое значение, а именно: сторона, которая запрашивает услугу. То есть в том случае, когда госпоставка подразумевает какую-либо закупку (например, компьютеров), *tarnija* и *hankija* будут разными сторонами одного договора, а не словами-синонимами. Об этой проблеме в своей магистерской диссертации пишет М. Тамбельт [Tambelt 2013: 23]³⁴. Из приведенной цитаты следует, что *hankija* и *tarnija*, с точки зрения Закона о госпоставках, являются разными понятиями. Слово *hankija* означает предприятие, подразделение или лицо, которое желает что-либо приобрести. *Tarnija* представляет предприятие, подразделение или лицо, которое, выиграв конкурс на госпоставку и заключив с *hankija* договор, поставляет / доставляет товар или оказывает услугу. Отдельным термином является и *pakkuja*: это предприятие, подразделение или лицо, которое участвует в конкурсе на госпоставку путем предоставления своего предложения.

Таким образом, переводчик должен ориентироваться не только на наличие в словарях словарных соответствий, но и знать и принимать во внимание контекстуальные значения слов. Особенно важным это становится во время устного перевода или т. н. «перевода с листа», когда у переводчика нет возможности уточнить спорное слово или прибегнуть к помощи консультанта.

Несложная, на первый взгляд, лексема *tellingud* тоже не совсем корректно отражается как в переводных текстах, так и в некоторых словарях. Например, в тексте-инструкции по безопасному использованию строительного инвентаря, *tellingud* переводится как *мостки* (вместо *строительные леса*). Такой перевод в деловом тексте может остаться непонятным носителю русского языка – вне зависимости от места проживания адресата текста. В техническом эстонско-русском словаре [Kalinin, Teemaa 2002: 578] есть два соответствия слову *tellingud* – (строительные) *леса* и *подмости* (последний вариант отмечается как народно-разговорный³⁵), в эстонско-русском словаре [Tamm 2005: 555] только (строительные) *леса*, а в интернет-варианте эстонско-русского словаря [Eesti-vene 1997–2009] и *леса*, и *мостки*, и *подмости*. С точки зрения точности, наиболее удачный вариант – это (строительные) *леса*. Кроме того, в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2005: 367], *мостки* – это (помимо прочего) площадка на лесах у стены строящегося или ремон-

³⁴ «Hankija ja tarnija on riigihangete mõistes kaks eri asja. Hankija tähistab ettevõtet, isikut või üksust, kes soovib midagi hankida. Tarnija on ettevõtte, isik või üksus kes, olles võitnud hankemenetluse ning sõlminud hankijaga hankelepingu, tarnib hankijale toodet või teenust. Eraldi termin on veel pakkuja, mis tähistab isikut, ettevõtet või üksust, kes osaleb hankemenetluses oma pakumusega hankijale (Riigihangete seadus 2007)».

³⁵ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. Кузнецов С. А. Публикуется в авторской редакции 2014 года (<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>).

тируемого здания, *подмости* – настил, рабочая площадка на строительных лесах, т. е. и *мостики*, и *подмости* являются частью строительных лесов. Думается, что из-за использования переводчиком неточного соответствия может оказаться недостигнутой цель составителя текста-инструкции – повысить уровень знаний о безопасной эксплуатации строительного инвентаря.

Структурно-смысловая и языковая организация русского переводного текста формируется в рамках не только конкуренции языковых сознаний и противостояния систем русского и эстонского языков, но и, как уже упоминалось, влияния английского языка [Щаднева 2009: 226, 236–238]. Степень данного влияния на эстонский и русский языки разная, как и отношение к заимствованиям в России и Эстонии [Щаднева, Кудрявцев 2011: 256–257]. Современный эстонский язык обычно отказывается от заимствований: в эстонском слова (в том числе и деловые термины, специальные понятия) как правило не заимствуются, а создаются из элементов своего языка посредством подбора подходящего для перевода слова или семантико-структурного калькирования английских лексем и словосочетаний. Более высокая степень иммунитета к прямым заимствованиям, косвенно отражается и на русском языке в Эстонии, ибо в диаспоре свойственного России увлечения англицизмами не наблюдается, кроме ряда частных сфер (компьютерной техники, инфотехнологий и т. п.) [Щаднева 2013].

Кстати, отношение эстонского языка к заимствованиям наглядно иллюстрирует перевод названия фильма *Maleficent*. В эстонском варианте фильм получил название *Pahatar*³⁶ (такое же название используется и в финском прокате), несмотря на то, что *Maleficent* – это имя главной героини. Разумеется, перевод произведений киноискусства позволяет переводчику пользоваться несколько большей свободой в выборе языковых средств, однако данный пример наилучшим образом демонстрирует попытки избежать заимствований из английского языка.

В. П. Щаднева и Е. М. Вельман-Омелина в своей статье [Щаднева, Вельман-Омелина 2013: 59] обращали внимание на то, что даже интернационализмы подвергались замене, например, вместо *integratsioon* – *интеграция* в эстонском языке предпочтение отдавалось слову *lõimumine*, вследствие чего и на русскоязычных страницах правительственного сайта *lõimumine* передавалось не только посредством лексемы *интеграция*, но и слова *привлечение*, что нельзя признать удачным и информативным в силу абстрактности, неполноты семантики последнего, ибо слово *привлечение* нуждается в распространителе (привлечение к сотрудничеству кого-то с кем-то). Однако в современном оформлении сайта правительства Эстонской Республики и в оригинальном эстонском варианте, и в переводном русском используется лексема *integratsioon* – *интеграция*, т. е. при обнов-

³⁶ Буквально: *Злодейка*

лении сайта эстонская лексема *lõitumine* и ее русское соответствие *привлечение* были устранены.

Добавим, что многие слова и выражения, которые на более ранних этапах исследования были маркированы автором как ошибочные, сегодня проникли и в русский язык России. К таким выражениям относятся, например, *повреждение здоровья, ограниченные возможности здоровья, нарушение здоровья* др. Лексема *видение* (эст. *visioon*), получившая в наши дни распространение в русском языке и России, и Эстонии, в переводах с эстонского языка на русский, скорее всего, была бы заменена такими словами, как *философия, кредо* или *концепция*. Сейчас же понятие *видение* (обычно в паре со словом *миссия*) достаточно распространено в деловых текстах и в Эстонии, и в России, например: «*Видение – это описание того, чем организация собирается стать в будущем, создается высшим менеджментом и используется как инструмент влияния на культуру и стратегическое планирование*»³⁷. Таким образом, особенности официально-делового перевода в диаспоре зависят от изменений, которые постоянно происходят в обоих вариантах русского языка.

3.4. Морфологические средства речевого этикета в эстонско-русских официально-деловых переводах

Социальные изменения в обществе затронули не только лексику, отражающую новые реалии, но и речевой этикет как средство выражения словесной вежливости. Коммуникативная категория вежливости обеспечивает гармоничное общение, что весьма актуально для официально-деловых отношений. Поскольку идея вежливости проявляется весьма разнообразно и в экстралингвистическом, и в лингвистическом планах, ее обсуждение было ограничено в работе лишь одним значимым для темы аспектом речевого этикета.

Речевой этикет, объединенный общностью содержания – выражением вежливости, понимается как совокупность языковых единиц разных уровней: лексических, морфологических, синтаксических. На морфологическом уровне главными компонентами модели вежливости являются личные и притяжательные местоимения множественного числа, а также формы множественного числа глаголов при обращении к одному лицу. Перечисленные формы, выступая в текстах как единое целое, становятся неотъемлемым элементом вежливости.

В рамках темы диссертации особое внимание было уделено именно морфологическим средствам речевого этикета, т. к. современные тенденции в официально-деловом общении то расширяют, то сужают способы пере-

³⁷ Словарь терминов ITIL версия 1.0. На русском языке. 2011.
(https://www.exin.jp/assets/exin/frameworks/108/glossaries/russian_glossary_v1.0_201404.pdf)

вода этикетных морфологических форм. Иные языковые средства рассматриваются попутно.

В последние десятилетия вежливость изучается в рамках разных гуманитарных дисциплин: в межкультурной коммуникации, социолингвистике, психолингвистике, психологии, прикладной лингвистике, прагматике [Lin 2013: 151]. Теория вежливости стала активно разрабатываться после публикации П. Браун и С. Левинсона в 1978 году [Brown, Levinson 1978]. Однако на сегодняшний день общепринятого определения термина *вежливость* не существует, исследователи предлагают разные подходы к представлению ее сути. Но в целом гуманитарные науки XX века подошли к пониманию вежливости как такого вербального и невербального поведения, которое направлено на создание благоприятной тональности общения и предотвращения конфликтов [Власян 2011: 38]. Лингвисты обычно используют понятие *вежливость* для обозначения способов минимизации и предотвращения конфликтов в общении, налаживания и поддержания гармоничных межличностных отношений, а также для обозначения социально целесообразного, уместного поведения коммуникантов [Lin 2013: 151].

На основе известной концепции П. Браун и С. Левинсона Р. Ратмайр предлагает такие понятия как вежливость дистанции для негативной вежливости и вежливость солидарности для позитивной вежливости. По П. Браун и С. Левинсону, для западных культур характерна именно негативная вежливость, при которой говорящий учитывает потребность партнера в личной сфере, в автономии и самостоятельности, и которая ассоциируется с вежливостью как таковой. Как считает Р. Ратмайр, в русской культуре имеют место оба типа вежливости и применяются либо спонтанно, либо целенаправленно для достижения целей на уровне межличностных отношений. При этом в официальных и формальных отношениях стратегии вежливости дистанции более важны. В частном общении на первый план выходит вежливость солидарности, которая в целом более свойственна русской культуре [Ратмайр 2013: 144–147].

В деловом общении вежливость означает не только отсутствие сниженных разговорных или грубых слов, но и корректность оформления текстов, поскольку в деловой сфере, где стороны общения выступают в формальных (официальных) статусах [Узерина 2004: 7], важно не только содержание документа, но и соблюдение текстовых, языковых и этикетных норм, воплощаемых, в том числе, и в формулах вежливости.

Вопрос об использовании формул вежливости в паре языков эстонский – русский уже поднимался эстонскими лингвистами, но большая часть проведенных ими исследований [Keevallik 1998; Pajusalu 2010 jt.] базируется на материале социолингвистических опросов и затрагивает проблему выбора *ты* / *Вы* форм преимущественно в устном общении (для достижения быстроты восприятия мы используем написания *ты* (*Ты*) / *Вы* для русского языка и *sina* (*Sina*) / *Teie* для эстонского языка).

Выбор между *ты* и *Вы* формами в рамках делового общения обычно регулируется различными правилами: нормами делового и речевого этикета, определенными требованиями к реквизитам разных документов, изначально заданным уровнем официальности (формальности) и т. п. При переводе с одного языка на другой необходимо учитывать не только особенности содержания и формы оригинального текста, но и языковые и культурные традиции переводящего языка.

Вы-формы, берущие начало, как считается по одной из гипотез, в эпоху распада Римской империи (престол в Риме и Константинополе занимали два императора), заимствованы русским языком из западноевропейских в XVII–XVIII вв. В русском языке местоимение *Вы* в качестве вежливой формы обращения появилось во внутренней деловой переписке Петра I в конце XVII века под влиянием, прежде всего, немецкого, хотя к Петру I обращались и на *ты*, ибо язык еще продолжал хранить зафиксированную в личном местоимении традицию древнего родового общества равных. Тем самым при обращении к одному человеку исконными для русских являются *ты*-формы – как и для эстонцев *sina-vormid*. Приведем наглядный пример из текста³⁸ челобитной 16 века:

*Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом холоп твой государев, приехавший из Литвы, Ивашка, сын Семена, Пересветов. Привез я тебе, государь, из многих королевств изречения, а также и Петра, воеводы молдавского, и бумаги, касающиеся твоего царства. Изречения эти и бумаги положены, государь, в твоей государевой казне, а меня, твоего холопа, велел ты, государь, за эти бумаги и изречения хорошо наградить. Но изречения эти и бумаги до сих пор, государь, к тебе не поступали. Так что, государь, это копия перед тобой, государь, а бумаги твои, государь, у меня по службе моей (Большая челобитная Ивана Пересветова)*³⁹.

В современном употреблении адресатные местоимения *ты* и *Вы* выполняют разные функции. В целом же системность *ты*- / *Вы*-форм в русском языке вообще, и в речевом этикете в частности, заставляет говорить о том, что практика употребления, как отмечает Н. И. Формановская, выработала и закрепила в системе языка сложный механизм включения и переключения отношений официальности (формальности) / неофициальности (неформальности), сдержанности / доверительности и т. п. [Формановская 1982: 69].

Следует отметить, что в современном социальном контексте сфера использования формы *ты* в европейских языках расширяется. В русском

³⁸ Текст приводится в переводе на современный русский язык.

³⁹ Большая челобитная Ивана Пересветова 1540-е гг. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова. Библиотека литературы Древней Руси, Т 9: Конец XIV–первая половина XVI века. Санкт-Петербург, 2000.
(<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5115>)

языке отмечена связь этикетного поведения с корпоративной культурой, например, сотрудники университетов в России часто используют этикетные средства официальной тональности, а участники разговоров в частных компаниях – средства, свойственные обыденной речи [Рисинзон 2010: 206].

Во многих учреждениях в России стиль общения на русском языке регламентируется правилами корпоративной этики. При этом сфера деятельности часто определяет то, какая форма является универсальной при общении между сотрудниками: «В госструктурах обращение друг к другу по имени-отчеству и на *вы* сохраняется неизменно, потому что эти структуры устроены по очень четким иерархическим законам. В медийном бизнесе или креативных агентствах, как правило, начальство и подчиненные общаются друг с другом на *ты*, такое же обращение может быть и к клиентам или ньюсмейкерам. Дело в том, что эти сферы строятся в большей части на личностных отношениях, и чем меньше дистанция между людьми, тем, возможно, успешнее их сотрудничество» [Власть 2007]. В то же время по отношению к клиентам основной формой остается вежливое *Вы*, которое в определенных ситуациях коррелирует с обращением по имени и отчеству.

Сказанное об особенностях нового корпоративного речевого этикета подтверждается проведенным А. Вяль в бакалаврской работе [Вяль 2012] анализом электронной деловой переписки. Примечательно, однако, что в нацеленном на выявление новшеств исследовании автор всё-таки отмечает следующее: представляющие в России интернациональные компании носители русского языка в общении с внешними партнерами всегда используют форму *Вы* [там же: 39], что свидетельствует о сохранении традиций вежливости, несмотря на сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского. Практика показывает, что в Эстонии при общении между русскоговорящими разных национальностей также превалирует обращение на *Вы*, но без использования отчества.

Следует сказать и о том, что в начале XXI века получила широкое распространение такая тенденция, которая отмечается Р. Ратмайр как «новая русская вежливость». Это такие формы благодарности, просьбы, извинения, предложения как «*Спасибо за покупку!*», «*Чем Вам помочь?*», «*Приносим извинения за причиненные неудобства*» и т. д., которые заимствованы из европейской (или американской) культуры. Сфера употребления т. н. «новой русской вежливости» – это преимущественно сфера бизнеса, рыночных отношений, обслуживания клиентов [Ратмайр 2013: 190–193].

Одной из особенностей, наблюдаемых в наши дни в процессе коммуникации, является снижение формальности. Данный факт объясняется современными социальными процессами, в первую очередь процессом демократизации общества. Эта тенденция наблюдается в разных странах, однако, как пишет Т. В. Ларина, наиболее ярко проявляется в английской коммуникативной культуре [Ларина 2006: 193]. Попутно отметим, что на российском телевидении и радио уже много лет копируется американская манера общения в фамильярно-дружеской тональности: известных не-

молодых людей порой называют на *ты* и только по имени. Однако в официальной (формальной) обстановке – даже в недельном устном общении – более уместным всё-таки признается национальное обращение по имени-отчеству в сочетании с *Вы*, что доказывает практика общения.

В целом речевой этикет реализуется посредством 1) форм личных местоимений; 2) форм глаголов-сказуемых, согласуемых с местоимениями по числу; 3) этикетных существительных-обращений (*Господин – Härra, Госпожа – Proua*); 4) в русском языке категория вежливости может быть реализована – и в устной, и в письменной речи – путем выбора соответствующей словообразовательной модели имени собственного: *Татьяна Петровна, Татьяна, Таня, Танечка, Танюша, Танька*. Элементы целостного русского текста в России обычно выдерживаются в *ты*- или *Вы*-формах: в этикетной ситуации сугубо официальное обращение *Господин + фамилия* всегда требует *Вы*-форм. Обращение же по имени-отчеству, как правило, тоже сочетается с *Вы*-формами – по крайней мере, на начальном этапе знакомства.

В то же время в письменном и устном деловом общении представителей русской диаспоры – в силу прагматических причин – традиционная вежливая форма обращения по имени и отчеству используется реже, чем в России. Такое обращение к адресату частично заменяется использованием полного имени в сочетании с местоимением *Вы*: *Наталья, в случае несогласия с нашим решением Вы имеете право обратиться к юристу*⁴⁰. Однако в детских садах и школах с русским языком общения и обучения, в отдельных рабочих коллективах, в русском академическом сообществе в основном сохраняются устоявшиеся традиционные нормы речевого этикета, ибо они соответствуют русскому менталитету. Сказанное подтверждает и сопоставительный анализ деловых текстов на двух контактирующих языках.

Особого внимания заслуживает такое модное в интернет-переписке, но редкое в письменном бумажном общении явление последних лет, как написание *Ты* с прописной буквы. Если раньше подобное написание встречалось в религиозных и поэтических текстах, то сейчас оно активно входит и в повседневную коммуникацию, но в основном представлено в интернет-общении. Написание неформального местоимения второго лица единственного числа с прописной буквы наблюдается в целом ряде европейских языков: немецком, польском, чешском. Однако в деловом письменном общении на русском языке эта форма отмечена сравнительно недавно и встречается довольно редко [Горицкая 2009].

И в устной, и в письменной речи обращение только по имени – без отчества, но в полной паспортной форме (*Елена, Александр*) – влечет за собой преимущественно *Вы*-общение. Обращение в сокращенной форме (*Лена, Саша*) – преимущественно реализуется в *ты*-общении или же в суффиксальных положительно или отрицательно окрашенных производных

⁴⁰ Пример из личной практики общения.

(Леночка, Ленка). В то же время в интеллигентной среде с равными по возрасту и положению и младшими (при давнем и хорошем знакомстве) возможно обращение по имени (в паспортной или производной форме, но без отчества), однако с *Вы*-формами: *Леночка, Вы подготовили отчет? Прошу выслать его не позднее понедельника*⁴¹.

Основные функции *Ты* (с прописной буквы) в неформальной письменной коммуникации следующие: 1) выражение уважения к адресату и 2) выделение адресата. Прагматическая нагрузка формы *Ты* обусловлена особой функцией прописной буквы, которая выделяет слово или свидетельствует о значимости объекта и о его положительной оценке. Написание *Ты* с прописной буквы – сигнал вежливости и уважения без демонстрации социальной дистанции [Горицкая 2009], а написание *вы* со строчной – указание на социальную дистанцию без выражения личного отношения адресанта к адресату. Тем самым современные изменения означают не только кажущееся упрощение, но и определенное усложнение системы речевого этикета, в том числе и в официальной, деловой сфере. Но несмотря на определенный сдвиг в деловом этикете русских и в России, и в Эстонии, основной нормативной вежливой формой обращения к незнакомому лицу в обоих вариантах русского языка остается форма *Вы*.

В текстах переводов на русский язык обнаружены три варианта передачи эстонского оригинала с *Teie*. Первый представлен точным эквивалентом формы самого местоимения (26b). Во втором случае вежливое эстонское обращение посредством только глагольных форм в переводе дублируется формами множественного числа и местоимения, и глагола (27b) (кстати, такие языковые факты, с точки зрения эстонского языка, можно рассматривать и как обращение ко множеству неопределенных лиц). И, наконец, совпадение русского перевода с эстонским оригиналом охватывает формы местоимений и глаголов одновременно (28b):

(26a) *Rahavoogude juhtimisel tagab **Teie** paindlikkuse arvelduslaen.*

(26b) *Расчетный кредит обеспечит **Вам** гибкость при управлении денежными потоками.*
(Брошюра SEB банка)

(27a) *Laenu taotlemiseks interneti teel **tüütke** taotlusvorm aadressil www.seb.ee ning **komplekteerige** vajalikud dokumendid, mille loetelu **leiate** samuti meie kodulehelt.*

(27b) *Для ходатайства о кредите через интернет **заполните** форму ходатайства на www.seb.ee и **подготовьте** необходимые документы, перечень которых **Вы** также **найдете** на нашем сайте.*
(Брошюра SEB банка)

(28a) *Kui **Teil** on soov ja huvi töötoas osaleda, **andke** sellest teada oma konsultandile, kes **Teid** töötuppa registreerib.*

⁴¹ Пример из личной практики общения.

- (28b) Если у **Вас** есть желание принять участие в семинаре, **сообщите** об этом своему консультанту, который **Вас** зарегистрирует.
(Буклет Кассы по безработице)

В эстонском языке, как и в русском, появление и распространение *Teievorm*, как и заимствованных из немецкого языка уважительных обращений *Härra*, *Proua* объясняется иноязычным влиянием. В первую очередь можно говорить о влиянии на эстонский язык немецкого и русского языков [Keevallik 1998: 542]. Однако речевой этикет, сложившийся в предшествующие века и уже укоренившийся, сейчас – под воздействием американского варианта английского и языков северных стран – подвергается преобразованиям, в результате чего наблюдаются колебания в употреблении форм. Поскольку в информационных сообщениях, например, в текстах *Tööinspektsioon* (Трудовой инспекции) можно встретить фразы типа *Ehita targalt!* (буквально: *Строй с умом!*); *Helista juristi infotelefonile* (буквально: *Позвони на инфотелефон юриста*) и т. п., то, хотя здесь и отсутствуют местоимения, всё-таки создается впечатление, что современный эстонский деловой этикет допускает использование глагольных форм единственного числа, а также обращений *Sina / sina* в качестве этикетных.

Эстонские специалисты отмечают нестабильность и вариативность нормы в данной сфере, вследствие чего возникают противоречивые представления об эстонском этикете [Кокшарова, Фогельберг: 2009: 61]. Так, еще в 1998 году было замечено, что в эстонском языке появилась тенденция к сокращению употребления вежливой формы *teie* [Keevallik 1998: 552]. Между тем Р. Паюсалу в своей статье, по сути дела, указывает на ненормативность употребления формы единственного числа и утверждает, что в эстонском обществе принято обращаться к чужим людям используя форму *teie* [Pajusalu 2010: 5]. В то же время, по мнению эстонских лингвистов, форма *Teie* может быть не всегда положительно воспринята собеседником-эстонцем. Результатом исследований, которые были проведены эстонскими специалистами, стал вывод о том, что использование форм вежливости в эстонском и русском языке различается. В целом обращение на *Вы* для русских всегда уважительно и позитивно, в то время для эстонцев это может быть и средством отстранения⁴² [Pajusalu и др. 2010: 209]. При этом в русском языке форма *вы / teie* используется больше и имеет большую связь с возрастной дистанцией [Pajusalu 2014: 253]. Однако последнее утверждение о возрасте не учитывает всего положения дел. Например, в русском устном и письменном речевом этикете порой наблюдается ситуация, при которой обиженный человек посредством вежливого *Вы* сознательно дистанцируется от своего обидчика – близко знакомого любого возраста.

⁴² Перевод на русский язык цитаты «on venelase jaoks alati austav ja positiivne, samas kui eestlase jaoks võib see olla ka tõrjumise vahend» выполнен автором диссертации.

В эстонских текстах деловой направленности сейчас встречаются обращения *Sina* и, соответственно, *Ты* в переводном варианте текста, которые в совокупности с другими языковыми средствами снижают степень официальности и эстонского оригинала, и русского перевода. В свою очередь, написания местоимений *sina* и *ты* с прописной буквы в эстонских и русских деловых текстах не обнаружены. Сказанное означает, что написания *Sina – Ты* вводятся в современное деловое общение для того, чтобы уменьшить социальную дистанцию между коммуникантами:

(29a) *Leiame alati **Sinule** sobivaima lahenduse.*

(29b) Мы всегда найдем подходящее **для Тебя** решение.
(Флаер Liisi järelmaks)

Выбор между *ты – sina* и *Вы – Teie* формами в рамках делового общения обычно регулируется различными правилами: нормами речевого этикета, определенными требованиями к реквизитам разных документов, изначально заданным уровнем официальности (формальности) и т. п. В процессе перевода безусловно необходимо учитывать и языковые и культурные традиции переводящего языка. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что переводчики все чаще прибегают к замене эстонской формы *Sina* формой *Вы*. Это утверждение касается и глагольных форм:

(30a) *Vaata lähemalt. Tutvu uue 5-eurose pangatähega.*

(30b) **Присмотритесь. Знакомьтесь** с новой 5-евровой банкнотой.
(Буклет Европейского центрального банка)

(31a) *Enne tööle asumist **lepi** tööandjaga kokku, kui palju töö eest tasu **saad**, kuidas töötasu arvutatakse ja makstakse ning millal on palgapäev.*

(31b) *Перед тем как приступить к работе, **договоритесь** с работодателем о размере **Вашей** заработной платы о том, как она будет рассчитываться и выплачиваться, и о том, в какой день **Вы** будете ее получать.*
(Буклет Министрства социальных дел)

(32a) *Kadunud autovõtmete korral viiakse **Sind** asendusvõtmete järele.*

(32b) *При пропаже ключей отвезут **Вас** запасными ключами.*
(Флаер страховой компании ERGO)

В русском переводе значение вежливости может усиливаться и одновременным использованием личного местоимения в форме множественного числа:

(33a) *Enne tööle asumist **lepi** tööandjaga kokku, kui palju töö eest tasu **saad**, kuidas töötasu arvutatakse ja makstakse ning millal on palgapäev.*

(33b) *Перед тем как приступить к работе, **договоритесь** с работодателем о размере **Вашей** заработной платы о том, как она будет рассчитываться и выплачиваться, и о том, в какой день **Вы** будете ее получать.*
(Буклет Министерства Социальных дел)

- (34a) *Ainult ERGO kaskokindlustusega **saad** kaasa tasuta üleeuroopaõise autoabi. **Helista** ja oleme juba teel!*
- (34b) *Только с каско ERGO **Вы получаете** общеевропейскую бесплатную авто-помощь. **Позвони** и мы уже в пути!*
(Флаер страховой компании ERGO)

Обратим внимание на то, что в двух находящихся рядом предложениях примера (34b) одновременно используется и перевод глагола *saad* как *Вы получаете* (две формы множественного числа), и прямое соответствие эстонскому *helista* – *позвони* (форма единственного числа).

В некоторых случаях переводчик и вовсе отказывается или от местоимения, или отличной формы глагола в роли вежливой формы, хотя их отсутствие нельзя объяснить расхождением языковых систем или же различиями в речевом этикете. В таких русских переводах информация дается в объективной обезличенной форме:

- (35a) *Ostu planeerimisel aitab **Sind** juuresolev kuumaksete näidistabel.*
- (35b) *Спланировать покупку поможет данная таблица ежемесячных платежей.*
(Буклет Liisi järelmaks)
- (36a) *Teiste riikide pädevate asutuste kontaktandmed ning kõik taotluste ja avalduste vormid **leiate** haigekassa koduleheküljelt.*
- (36b) *Контактные данные компетентных учреждений других стран Европейского Союза, а также все бланки заявлений и ходатайств помещены на веб-странице Больничной кассы Эстонии.*
(Буклет Больничной кассы)

Обращает на себя внимание тот факт, что при наличии в эстонском тексте повелительного наклонения перевод числовых форм глаголов нередко совпадает с текстом оригинала, как в примерах (37a, 37b), (38a, 38b):

- (37a) ***Otsusta** ja **kandideeri**!*
- (37b) ***Прими** решение и **кандидируй**⁴³!*
(Флаер-объявление Maxima)
- (38a) ***Asetage** pakk kappi ja **sulgege** uks.*
- (38b) ***Поместите** посылку в шкаф и **закройте** дверь.*
(Буклет Itella smartpost)

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что оба сопоставляемых языка подвержены новым веяниям, поэтому употребление средств речевого этикета, и в частности, использование форм *sina* / *ты* и *Teie* / *Вы* в наше время оказывается отчасти вариативным в практике обоих языков, что, безусловно, должно учитываться переводчиком в процессе перевода.

⁴³ О форме *кандидируй* см. в параграфе 3.2.

При рассмотрении формул вежливости официально-делового текста необходимо принимать во внимание их национальную специфику и культурную коннотацию, поскольку система единиц официально-делового языка связана как с материальной, так и с социальной и духовной культурой языковой общности и является отражением ее культурно-национального опыта. В процессе эффективной коммуникации имеет место не только межкультурная коммуникация, которая является обязательным условием успешности общения с помощью перевода, ибо причиной неправильного перевода нередко является именно расхождение культур, но и межъязыковая коммуникация [Казанцев 2002: 18, 61].

3.5. Особенности эстонского и русского словообразования и их отражение в процессе эстонско-русского перевода

Эстонское и русское словообразование различаются предпочтением аффиксации разного типа: если в эстонском обычны суффиксы, то в русском – и суффиксы, и префиксы. Однако в аспекте эстонско-русского перевода отдельную проблему представляет передача на русский язык эстонских сложных слов, т. к. характерная для эстонского словообразования склонность к склеиванию корневых морфем неизбежно отражается в процессе перевода эстонских сложных слов, которые могут быть многокорневыми [подробнее об этом см. Вельман-Омелина, Щаднева 2013]. Поэтому в докторской диссертации внимание было уделено не аффиксации, а словосложению. Попутно отметим, что предпочтением словосложения отличается и финский язык. Примечательно, что Е. Протасова отмечает в речи представителей русской диаспоры Финляндии попытку создать сложные слова в русском языке по аналогии с финскими, например, *железнодорога* – *rautatie* [Протасова 2006: 243]. Аналогичная ситуация наблюдается и в эстонско-русских переводных текстах, например, *школообязанный* – *koolikohustuslik*⁴⁴ и т. д. Однако наблюдается и определенная системная нормативная передача: *infosüsteem* – *инфосистема*, *tuleohutus* – *пожаробезопасность*, *tuleoht* – *пожароопасность* и т. д.

Напомним, что по грамматическому строю русский язык является преимущественно *флексивным* языком *синтетического* строя, но при этом обнаруживает и отдельные черты изолирующего и агглютинативного типа. Эстонский же, как и другие финно-угорские языки, согласно морфолого-типологической классификации, в первую очередь относится к языкам *агглютинативного* строя (лат. *agglutinatio* – приклеивание, склеивание) [Языкознание: 1998: 17], хотя обладает и флексивными элементами. В таких языках словоизменятельные морфемы как бы приклеиваются одна к

⁴⁴ (<http://www.soldino.edu.ee/index0.php?page=30413>)

другой – в линейном порядке. Однако сложение нескольких морфем свойственно не только грамматической, но и словообразовательной системе эстонского языка. Эта характерная для эстонского словообразования особенность гораздо менее свойственна русскому языку, в целом предпочитающему аффиксальный способ образования слов, а не словосложение. Отметим, что ранее словосложение рассматривалось (в числе других способов словообразования) и на материале эстонско-русского перевода институционального жанра *кодекса*: в бакалаврской работе А. Коркин сгруппированы слова, называющие действия (процессы), деятелей, документы [Коркин 2007].

Обычно словосложение в эстонском языке осуществляется путем присоединения каждого последующего компонента производного слова к генитивной форме существительного, однако в качестве присоединяемой используется и номинативная форма имени [ЕКГ 1995: 457–464]. Приведем примеры перевода эстонских производных сложносоставных лексем:

- 1) **однокорневое слово – однокорневое слово**: *telliija* – заказчик; *tehing* – сделка; *näitaja* – показатель; *leping* – договор;
- 2) **двукорневое слово – однокорневое слово**: *leppetrahv* – неустойка; *tööndaja* – подрядчик; *enampakkumine* – аукцион; *võlausaldaja* – кредитор;
- 3) **двукорневое слово – двукорневое слово**: *asjaajamine* – делопроизводство; *tööandja* – работодатель; *kaubakäive* – товарооборот;
- 4) **двукорневое слово – словосочетание из относительного прилагательного и существительного**: *esindustegevus* – представительская деятельность; *ametijuhend* – должностная инструкция, *elamuehitus* – жилищное строительство; *riigilõiv* – государственная пошлина; *aktsiaselts* – акционерное общество; *perekonnadigus* – семейное право; *korterühistu* – квартирное товарищество; *laenu raha* – кредитные деньги; *võlakiri* – долговая расписка;
- 5) **двукорневое слово – словосочетание из двух существительных**: *juhiabi* – ассистент руководителя; *perekonnaliige* – член семьи; *valuutavahetus* – обмен валюты; *hooldusnõukogu* – совет по опеке; *konfidentsiaalsusnõue* / *konfidentsiaalsusenõue* – требование конфиденциальности; *majutussektor* – сектор размещения; *usaldusühing* – товарищество на вере / командитное товарищество; *kohtuotsus* – решение суда / судебное решение; *kindlustusleping* – договор страхования / страховой договор;
- 6) **трехкорневое слово – словосочетание из двух существительных**: *töövõtuleping* – договор подряда; *väärteoprotokoll* – протокол о проступке;
- 7) **трехкорневое слово – словосочетание из инициального прилагательного и двух существительных**: *põhitöökoht* – основное место работы;

- 8) **трехкорневое слово – словосочетание из существительных или их комбинации с прилагательными:** *kinnisvarahindaja* – *оценщик недвижимости / оценщик недвижимого имущества*; *tuletõrjendused* – *требования (противо)пожарной безопасности / противопожарные требования*;
- 9) **трехкорневое слово – словосочетание из трех существительных:** *korrakaitsebüroo* – *бюро охраны порядка*;
- 10) **четырёхкорневое слово – словосочетание из двух существительных:** *vaherahuläbirääkimised* – *переговоры о перемирии*;
- 11) **четырёхкорневое слово – словосочетание из трех существительных и одного прилагательного:** *liiklusjärelvalvelitus* – *отдел по надзору за дорожным движением*.

Уже этот небольшой перечень языковых фактов, представляющих разные словообразовательные и синтаксические структуры, свидетельствует о том, что наиболее типичными соответствиями эстонским сложным словам являются не русские сложные слова, а русские сочетания автономных слов. Такие базовые именные атрибутивные словосочетания-эквиваленты могут состоять из: 1) прилагательного и существительного или 2) двух существительных. При переводе эстонского сложного слова русским словосочетанием из прилагательного и существительного воспроизводится порядок корней эстонского исходного слова. В случае же перевода сложного слова субстантивным генитивным словосочетанием из двух или нескольких существительных исходный порядок корней не воспроизводится, поскольку на уровне словосочетания наблюдаются существенные различия в порядке слов эстонского и русского языков [Щаднева, Веллеару 2002: 42–47].

При переводе эстонского сложного слова действуют те же закономерности, что и при переводе эстонских именных словосочетаний. Сопоставляемые языки отличаются направлением линейной зависимости: если в русском языке каждый новый компонент генитивного словосочетания присоединяется к стержневому слову справа, то в эстонском для большинства семантических моделей словосочетания – слева от главного слова. Некоторым исключением из основного правила эстонского языка являются синтаксические единицы с семантическими отношениями меры и количества. В этом случае в обоих языках наблюдается одинаковый порядок слов [там же: 43–44]. Тем самым в процессе переводческого калькирования семантической структуры эстонских сложных лексем в правильном русском соответствии наблюдается такой же порядок слов, как и при переводе эстонских синтаксических единиц в форме именных словосочетаний. Сказанное можно проиллюстрировать двумя схемами, которые с языковым наполнением иных стилей были опубликованы в соавторских статьях [Щаднева, Веллеару 2002] и [Štšadneva, Vellearu 2002]:

эстонский язык		русский язык
$N_2 + N_1$		$N_1 + N_2$
1) <i>inspektori hoia</i> tus	→	<i>предупреждение</i> инспектора
2) <i>arvete raha</i> stamine	→	<i>финансирование</i> счетов
3) <i>juhatuse liige</i>	→	<i>член</i> правления
4) <i>võlatunnistus</i>	→	<i>признание</i> долга
5) <i>juhiabi</i>	→	<i>ассистент</i> руководителя
6) <i>liisingese</i>	→	<i>предмет</i> лизинга

Схема № 1. Перевод двукомпонентного эстонского словосочетания и сложного слова

эстонский язык		русский язык
$N_3 + N_2 + N_1$		$N_1 + N_2 + N_3$
1) <i>juhatuse liikme volitused</i>	→	<i>полномочия</i> члена правления
2) <i>juhatuse koosoleku protokoll</i>	→	<i>протокол</i> собрания правления
3) <i>korra</i> kaitsebüroo	→	<i>бюро</i> охраны порядка
4) <i>kaitsepolitsei</i> amet	→	<i>департамент</i> полиции безопасности
5) <i>tarbijakäendusleping</i>	→	<i>договор</i> поручительства потребителя

Схема № 2. Перевод трехкомпонентного эстонского словосочетания и сложного слова

Кроме цепочек существительных с зависимым родительным падежом при переводе сложных слов наблюдаются и другие предложно-падежные формы:

- *väärteoprotokoll* – *протокол о проступке*;
- *liiklusjärelvalvetalitus* – *отдел по надзору* за дорожным движением;
- *hooldusnõukogu* – *совет по опеке*;
- *kaubaveotasu* – *фрахт / плата за перевозку / плата за провоз*;
- *huvijuht* – *организатор / руководитель по интересам*.

Перевод эстонских сложных слов может осуществляться не только генитивными формами и их цепочками, но и формами других падежей – в соответствии с устоявшимися в языке перевода нормами. Однако, с точки зрения типичности, отмеченный ранее основной способ перевода посредством словоформ зависимого родительного падежа явно преобладает. Следует подчеркнуть, что указанные различия двух сопоставляемых

языков свойственны языковым системам в целом и в официально-деловом стиле специфика языков проявляется в полной мере.

Выводы

Коммуникация посредством перевода, являющегося основой межкультурного общения, имеет свои существенные особенности, поэтому в данной главе были описаны такие важные для эстонско-русского перевода теоретические положения переводоведения, как проблемы переводоведческой терминологии и оценки качества перевода, норма перевода, а также ключевые особенности делового перевода в условиях глобализации.

В современном деловом общении – как в России, так и в Эстонии – произошли изменения, которые в анализируемых вариантах русского языка могут не совпадать. Поэтому в условиях диаспоры переводчику приходится не только принимать во внимание то, что структурно-смысловая и языковая организация русского переводного текста формируется в условиях противостояния систем русского и эстонского языков, но и учитывать вынужденную необходимость отражать в переводе различия в реалиях у языковых сообществ разных стран.

На основе анализа языкового материала и имеющихся в научной литературе по переводоведению теоретико-практических разработок автором диссертации был составлен перечень переводческих трансформаций (приемов), которые типичны для эстонско-русского перевода. Проведенный анализ разных переводных текстов свидетельствует о том, что в изученном языковом материале менее регулярными оказались приемы опущения и аналогового перевода.

Особым аспектом теории перевода является проблема передачи стилистических приемов, которая, на первый взгляд, не касается официально-делового перевода. Однако на практике трудности перевода стилистической составляющей актуальны и для официально-деловых текстов, например, для текстов деловой или социальной рекламы, коммерческих и инструктирующих писем, рекомендаций и т. д. Подобные тексты призваны быть запоминающимися и способными привлечь внимание адресата, именно поэтому в них может использоваться большое количество оценочных имен прилагательных, оригинальное графическое оформление и т. д.

В Эстонии официально-деловая коммуникация все больше подвергается документной «электронизации». Различные документы составляются, подписываются и хранятся при помощи электронных систем, общение между юридическими и физическими лицами кажется невозможным без использования интернет-среды. Данное обстоятельство повлекло за собой большое количество новой лексики, которая появляется в русском языке диаспоры целыми тематическими группами, например, можно отметить такие тематические группы, как названия документов и электронных программ, которые образованы с помощью аббревиатуры *ID* (*ID-карта*,

ID-билет, мобильный ИД и т. д.); термины, которые образованы с помощью опорного слова *дигитальный* (дигитальная) или его усеченной части *диги-* (*дигирецпт, дигитальное направление, дигитальная подпись* и т. д.); названия виртуальных представительств государственных учреждений или названия официальных виртуальных систем, указывающих на электронную среду функционирования (*э-государство* и т. д.).

Определенные изменения произошли и в процессе перевода формул вежливости, поскольку сами средства речевого этикета, принятые в деловом общении на эстонском и русском языках приобрели некоторую вариативность. Выбор между *ты – sina* и *Вы – Teie* формами в рамках делового общения регулируется нормами речевого этикета, определенными требованиями к реквизитам разных документов, изначально заданным уровнем официальности и т. д. Изучение параллельных текстов свидетельствует о том, что переводчики все чаще прибегают к передаче распространенной в деловом общении на эстонском языке эстонской формы *Sina* 'Ты' формой *Вы*. Это утверждение актуально и для числовых глагольных форм.

Осложняет процесс перевода и различие языковых систем эстонского и русского языков, в частности, в области эстонских сложных существительных и именных словосочетаний. Наш анализ показал, что для эстонских сложных слов, в том числе и многокорневых, наиболее типичными соответствиями являются не русские сложные слова, а словосочетания.

ГЛАВА 4.

ЭСТОНСКО-РУССКИЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Специалисты подчеркивают, что «точный перевод – это перевод, в котором эквивалентно воспроизведена предметно-логическая часть содержания оригинала» [Комиссаров 1990: 250]. В тоже время пользующиеся переводом обращают внимание и на прагматическую ценность перевода, а также на обеспечение языковой правильности, которая считается основным коммуникативным качеством речи, так как лежит в основе реализации других качеств, таких, как точность, логичность, уместность и др., и является их необходимым условием. Б. Н. Головин пишет, что «прежде всего правильностью речи обеспечиваются ее взаимопонимаемость, ее единство. Нет правильности – не могут сработать другие коммуникативные качества» [Головин 1980: 40]. Правильность определяют как соответствие языковой структуры принятым в данное время литературным нормам [Плещенко и др. 2001].

Проблемы нормы языка в настоящее время являются весьма актуальными. Несмотря на то, что норма – это одно из центральных лингвистических понятий, не все лингвисты толкуют его одинаково. При этом термин «норма» используется лингвистами в двух смыслах – широком и узком. Для нашего исследования актуально понимание нормы в узком смысле, поэтому иные трактовки мы сознательно опускаем. «Чаще всего этот термин употребляется в сочетании «литературная норма» и применяется к тем разновидностям языка, которые используются в средствах массовой информации, в науке и образовании, в дипломатии, законодательстве и в деловом и судебном производстве и других сферах «социально важного», преимущественно публичного общения» – пишет Л. Крысин [Крысин 2005]. В узком смысле норма – это результат кодификации языка, т. е. целенаправленного упорядочивания языковых средств. Результаты данного процесса находят отражение в нормативных словарях и грамматиках [там же]. По мнению О. В. Загоровской, в соответствии с современными научными взглядами, норма литературного языка «есть та или иная совокупность кодифицированных языковых факторов, т. е. закрепленных в словарях и грамматиках в качестве образцовых» [Загоровская 2013: 131].

Норма русского литературного языка подразделяется на норму грамматическую и норму лексическую. Грамматическая норма является совокупностью правил функционирования всех элементов грамматической системы. Все уровни языковой системы – морфологический, синтаксический, словообразовательный – взаимосвязаны, и их функционирование взаимобусловлено. Лексическая норма регулирует формирование словарного

запаса литературного языка, диктует использование книжной лексики в текстах определенных стилей [Культура русской речи: 2003: 359–360]. В отличие от грамматического, лексический уровень с точки зрения теории нормативности является проблемным, что отражается и в осмыслении практического материала нашего исследования. Сложности в определении нормативности того или иного языкового факта связаны, в частности, с появлением в русском языке новейшего периода большого числа лексических инноваций, неологизмов, заимствованных из других языков или образованных из собственных языковых ресурсов. Подобные словесные единицы, ещё недостаточно освоенные русским языком, могут вообще не иметь фиксации в нормативных словарях общеупотребительной лексики [Загоровская 2013: 131–132].

Стоит упомянуть и о проблеме массового отступления от норм литературного языка вследствие его огрубления, о разрушении границы между литературным языком и его нелитературными формами. Именно такие, вызывающие беспокойство тенденции современного русского языка, отмечают специалисты [там же: 23–24]. По их мнению, единой оптимальной классификации речевых ошибок нет, но большинство исследователей выделяет речевые ошибки на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях (с дальнейшей их дифференциацией). Однако все допускаемые в речи неправильности, естественно, невозможно отразить ни в какой классификации. По мнению Т. П. Плещенко, главное – это общие принципы классифицирования [Плещенко и др. 2001]. Важно отметить, что нарушение литературной нормы на любом уровне автоматически приводит и к нарушению нормы перевода.

Как неоднократно подчеркивалось ранее, перевод деловых документов требует от переводчика особого внимания потому, что в таком переводе очень важно сохранить как содержание документа, так и его форму, т. е. текстовые и языковые особенности, ибо некорректно выполненный вторичный текст не может в полной мере выполнять функцию замены оригинала и, таким образом, текст, в котором присутствуют разного рода нарушения, погрешности, недочеты, может потерять свою значимость и прагматическую ценность.

Прежде, чем перейти к анализу лексических и грамматических нарушений в переводных русскоязычных официально-деловых текстах, стоит еще раз напомнить, что языковой материал, включенный в настоящее исследование, собирался в течение долгого времени, первые примеры относятся к 2010 году. Данное обстоятельство привело к тому, что часть примеров может не открываться по ссылкам, причиной этого является изменчивость интернет-среды. Датировку примеров можно отследить по статьям автора.

4.1. Лексические проблемы перевода и лексические нарушения литературной нормы

Развитие русского языка в последние десятилетия XX – начала XXI вв. характеризуется многочисленностью новых языковых феноменов на разных уровнях языковой системы. Но на лексическом уровне процесс обновления отличается особой динамикой и интенсивностью появления языковых новшеств [Загоровская 2013: 66], поскольку существенной особенностью лексики, по сравнению с другими сторонами языка, является ее непосредственная обращенность к реальной действительности. Именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в жизни общества: появление новых предметов быта, способов производства, средств коммуникации, возникновение новых понятий и т. п. Все это влечет за собой создание современных наименований или изменение семантики уже привычных слов [Шмелёв 1977: 9].

Напомним, что лексические инновации представляют собой либо прямые иноязычные заимствования, либо новообразования, которые являются результатом перевода иноязычных слов. Такой перевод осуществляется элементами языка, принимающего новую реалию, и обычно представляет собой калькирование структуры и семантики исходного слова.

Наиболее проницаемыми областями общественной жизни для проникновения лексических нововведений являются не только новые технологии, политика, образование, но и официально-деловая коммуникация [Егорова, Никитин 2011: 137–138]. Вполне очевидно, что сегодня, в период интенсивного расширения экономических, политических, культурных и деловых связей между народами, основным «поставщиком» лексических инноваций стал английский язык.

Лексические нововведения особенно сложны для процесса перевода, что подтверждает и проанализированный нами материал официально-деловых переводных текстов, связанный с письменным деловым общением в Эстонии. Обычно такие лексемы еще не адаптированы основным и / или региональным вариантами русского языка и могут иметь не только разное написание, но и неустоявшееся значение, поэтому они далеко не сразу находят отражение в словарях. Например, новыми и для русского (основного и регионального вариантов), и для эстонского языков являются словосочетания с опорным словом *дивизион* (из латинского – *отдел, отделение, подразделение*):

- *müügi divisjon (müügidivisjon)* – *дивизион продаж*;
- *divisjoni direktor* – *директор дивизиона*.

Дивизион – термин, который закрепился в первую очередь в военном деле и означает *войсковое подразделение в ракетных и артиллерийских частях*⁴⁵. Однако в толковом словаре эстонского языка⁴⁶, помимо сходного военного значения, для лексемы *дивизион* указана и экономическая сфера использования в значении *отдел*. В английском языке активно используется словосочетание *sales division manager – менеджер отдела продаж*, таким образом можно предположить, что использование в эстонском языке лексемы *divisjon* в значении *отдел* заимствовано из английского языка. Проверка словосочетания *дивизион продаж* по поисковым системам показывает, что это словосочетание уже получило распространение в русскоязычном как российском, так и эстонском сегменте Интернета. Отметим, что результат поиска слова *дивизион* в Национальном корпусе русского языка⁴⁷, говорит об использовании данного слова и в области спорта: *Первый дивизион – соревнование необычное*; и в сфере экономики и финансов: *В нынешнем году дивизион «Автобусы» доведёт объём продаж до 410 миллионов долларов*. Однако об активном использовании лексемы *дивизион* в новых значениях, в данный момент говорить рано. Проблемная лексика с еще не устоявшимися значениями провоцирует ошибки.

Рассмотренные нами тексты официально-делового стиля свидетельствуют о том, что большая часть языковых нарушений наблюдается именно на лексическом уровне. Следует напомнить, что ряд лексических особенностей языка диаспоры вызван прагматическими причинами, поэтому некоторые региональные нюансы могут быть оправданными (об этом более подробно шла речь в параграфе 2.2.1.). В остальных случаях лексическая нормативность обеспечивается знанием лексических значений с учетом системных отношений в лексике и соблюдением правил словарной сочетаемости [Хакимова 2010: 74].

Лексические ошибки почти всегда влияют на семантику фразы, приводя к несообразности и двусмысленности [Мурашов 2004: 159]. Поскольку общепринятой классификации ошибок (в том числе и лексических) нет, приведем далее те типы нарушений, которые наиболее часто относят к лексическим [Бутакова 1998; Балыхина и др. 2002; Мурашов 2004; и др.]. В сводном перечне, объединяющем разные типы нарушений лексических норм, обобщаются точки зрения разных авторов:

- 1) употребление слова в несвойственном ему значении;
- 2) неразличение семантических и / или стилистических оттенков слов (в том числе и синонимов);
- 3) смешение паронимов;
- 4) употребление анахронизмов;

⁴⁵ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. Кузнецов С. А. Публикуется в авторской редакции 2014 года. (<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>)

⁴⁶ Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. (<http://www.eki.ee/dict/ekss>)

⁴⁷ Национальный корпус русского языка. (<http://www.ruscorpora.ru/index.html>)

- 5) нарушение норм лексической сочетаемости;
- 6) нарушение норм лексико-стилистической сочетаемости;
- 7) плеоназм;
- 8) тавтология;
- 9) неуместное употребление заимствованного слова;
- 10) неверное употребление фразеологических оборотов;
- 11) смешение лингвокультурологических реалий.

С точки зрения делового перевода, данный список, с одной стороны, является избыточным, поскольку далеко не все упомянутые авторами типы лексических нарушений наблюдаются в проанализированных нами текстах. С другой стороны, этот перечень является недостаточным, поскольку выбор лексем без учета семантических и / или стилистических нюансов может оказаться не просто лексической ошибкой, а ошибкой комплексной, которая проявляется, например, и в некорректной лексической сочетаемости. Важно особо подчеркнуть, что в проанализированных нами переводных текстах, связанных с деловым общением, комплексные ошибки типичны, многообразны и затрагивают морфологический и синтаксический уровни, семантику и стилистику. Отклонением от норм стилистической сочетаемости является употребление слов, грамматических форм и синтаксических конструкций без учета их стилистической окраски: функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной [Влавацкая 2014: 69]. Семантическая сочетаемость определяется смысловой, содержательной стороной слова. Нарушение семантической сочетаемости приводит к логическим ошибкам. Таким образом, виды лексической сочетаемости – явление не только лексическое, но и лексико-стилистическое, а в сочетании с нарушениями морфологической или синтаксической сочетаемости – и лексико-грамматическое.

Проблемными, потенциально ошибочными, как показывают эстонско-русские переводные тексты, оказываются переводы целых тематических групп слов, в ходе передачи которых на русский язык наблюдаются не только лексические, но и грамматические нарушения. Одной из таких тематических групп является блок сложных эстонских лексем с опорным компонентом *juht*. Сама эстонская лексема *juht* имеет несколько значений, например, *руководитель, глава* [Eesti-vene 1997–2009; Ottenson 2007: 107], реже *менеджер* [Мультитран]. Приведем ряд производных сложных слов, обнаруженных нами в текстовом материале:

- *tootearenduskeskuse disainijuht*⁴⁸ – *руководитель дизайна*;
- *paigaldusjuht* – *руководитель установки*;
- *teenuste arendusjuht* – *руководитель по развитию услуг*;
- *makselahenduste teenusejuht* – *руководитель услуг платежных решений*;

⁴⁸

Все приведенные примеры представлены в перечне в таком виде, в каком они были зафиксированы в текстах эстонских оригиналов и их русских переводов.

- *kommunikatsioonijuht* – *руководитель по коммуникации*;
- *kodu-, aia- ja hooajakaupade teemajuht* – *руководитель сезонных (дом, сад) товаров*.

В первом словосочетании обращает на себя внимание отсутствие перевода имеющегося в эстонском оригинале сложного слова *tootearenduskeskus*. Здесь переведена только вторая часть словосочетания: *disainijuht* – *руководитель дизайнера*. Сложно предположить, по какой причине переводчик принял решение передать смысл лишь части названия должности, возможно это вызвано сложностями, которые обычно возникают при переводе эстонских сложных слов и / или при поиске нужного эквивалента в русском языке. В качестве соответствия эстонской сложной лексеме *tootearenduskeskus* можно предложить такие варианты, как *центр развития продукции, центр разработки и совершенствования продукции*, таким образом, полный перевод словосочетания *tootearenduskeskuse disainijuht* может быть, например, таким: *руководитель отдела дизайна центра развития продукции*. Стоит отметить, что пропуск языковых компонентов при переводе может объясняться не только невнимательностью переводчика, но и попыткой избежать потенциальной громоздкости переведенной конструкции.

Представленная тематическая группа примеров позволяет говорить о том, что в ряде случаев можно было бы избежать неудачного перевода посредством использования приема лексических добавлений, например, путем включения в переводной вариант слова *отдел*, например, *руководитель отдела дизайна, руководитель отдела по развитию услуг*.

М. В. Влавацкая обращает внимание на то, что основным источником ошибок в области лексической сочетаемости является пословный перевод [Влавацкая 2014: 68]. Данное утверждение применимо и к паре языков эстонский-русский. Так, в примерах (42b), (48b) нарушения лексической сочетаемости скорее всего вызваны именно применением пословного перевода.

В проанализированном языковом материале эстонско-русских переводов деловых текстов ошибки, связанные с нарушением различных норм лексической сочетаемости, весьма распространены. Например, в языковой иллюстрации (39b) к нарушению лексической сочетаемости приводит неудачное использование паронима (*практичный* – *практический*):

(39a) *Siia on koondatud ministeeriumi erinevate valdkondade **praktiline** ja kasulik informatsioon.*

(<http://www.sm.ee/aktuaalne/euro.html>)

(39b) *Здесь находится вся **практичная** и полезная **информация** из разных сфер деятельности министерства.*

(<http://www.sm.ee/rus/aktualno/euro.html>)

В примере (40a, 40b) наблюдается ряд неправильностей: нарушение лексической сочетаемости, лексическая ошибка (неправильный выбор лексемы):

(40a) *Kui sulle pakutakse ebaõiglast või alaväärset teenust, müüitud toode ei vasta tingimustele või sattusid ebameeldiva situatsiooni osaliseks ning arvate, et otsese märkuse tegemine ei ole piisav parandamaks seisukorda siis esita kaebus siin, nii detailselt kui võimalik.*

(<http://www.kaebus.ee/>)

(40b) *Если Вам предлагают несправедливую или неполноценную услугу, проданный товар не отвечает условиям или Вы стали соучастником неприятной ситуации и считаете, что прямого замечания не хватит для того, чтобы исправить ситуацию, то представьте жалобу тут, как можно подробнее.*

(<http://www.kaebus.ee/>)

Переводчик для передачи смысла прилагательного *ebaõiglane* выбрал лексему *несправедливый*, которая представляет собой словарное соответствие, однако в данном контексте был бы уместен перевод *ebaõiglane teenus* словосочетанием *некачественная услуга*, поскольку прилагательное *несправедливый* в силу своей семантики ('противоречащий требованиям справедливости') не сочетается с лексемой *услуга*. А русское *некачественный* означает, что услуга не соответствует существующим требованиям, и тем самым она плохая, низкого / плохого качества. Попутно отметим, что использование в тексте оригинала прилагательного *ebaõiglane* также вызывает сомнения, поскольку в толковом словаре эстонского языка⁴⁹ лексема *ebaõiglane* отражается в словосочетаниях *ebaõiglane karistus* (= несправедливое наказание), *ebaõiglane kohtuotsus* (= несправедливое судебное решение), *ebaõiglane suhtumine* (= несправедливое отношение) и т. д. В данных словосочетаниях *ebaõiglane* отражает семантику, схожую с русским соответствием *несправедливый*.

Кроме того, вместо *Вы стали соучастником неприятной ситуации* следовало бы использовать вариант *Вы стали участником неприятной ситуации* / *Вы оказались в неприятной ситуации*, т. к. лексема *соучастник* обладает отрицательной коннотацией, ограничивающей ее сочетаемость.

Примечательно, что в тексте оригинала личное местоимение и глаголы стоят в форме единственного числа, однако глагол *arvate* имеет форму множественного числа, что, скорее всего, является опечаткой. В переводном же тексте, напротив, используется обращение на *Вы*.

Неправильный выбор лексемы имеет место и в следующей паре примеров:

⁴⁹ Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. (<http://www.eki.ee/dict/ekss>)

- (41a) *Võlaõigusliku lepingu alusel töö- või **teenistustasusid** saavad inimesed.*
(<https://www.haigekassa.ee/inimesele/kindlustus/tooandja-kindlustatud>)
- (41b) *Лица, получающие платы за работу или **услуги** на основании обязательства-правового договора.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/celoveku/strahovka/zastrahovannye-rabotodatelem>)

Эстонская лексема *teenistus* может иметь разные соответствия в русском языке, однако основное значение – *служба*. Контекст обсуждаемого фрагмента текста позволяет утверждать, что в данном случае в качестве соответствия сложному эстонскому слову *teenistustasu* можно предложить словосочетание *зароботная плата за исполнение служебных обязанностей* или *плата за службу*. Предположительно, схожесть лексем *teenistus* и *teenus* ввела переводчика в заблуждение. Словарным соответствием русскому слову *услуга*, которое используется в тексте примера, является эстонское *teenus*.

В следующей языковой иллюстрации наблюдаются и лексические, и грамматические нарушения:

- (42a) *Lepingupartneriks nimetame tervishoiuteenuse osutajaid, kellega on haigekassa sõlminud ravi rahastamise lepingu ehk kellelt haigekassa oma klientide jaoks **raviteenust** ostab.*
(<https://www.haigekassa.ee/et/inimesele>)
- (42b) *Договорным партнёром называем оказывающих услуги здравоохранения, с которыми больничная касса заключила договор о финансировании лечения, или от которых больничная касса покупает **лечебную услугу** для своих клиентов.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/cheloveku>)

Здесь налицо неудачный выбор переводчиком прилагательного *лечебная* – вместо уместного в данном контексте слова *медицинская*, что приводит к неправильной сочетаемости слов. Аналогичен и следующий случай:

- (43a) *Kaitsta ja hoida Eesti elanike tervist, toetada tervisliku **elukeskonna** kujundamist ja tervisesüsteemi toimimist.*
(<http://www.terviseamet.ee/et/info/terviseametist.html>)
- (43b) *Беречь и защищать здоровье жителей Эстонии, поддерживать создание благополучной для здоровья человека **среды обитания** и системы общественного здоровья.*
(<http://www.terviseamet.ee/ru/informacija/o-nas.html>)

Словосочетание *среда обитания* в русском языке употребляется⁵⁰ преимущественно по отношению к животному миру. Словесная формула *среда обитания человека* является термином⁵¹ и используется в специализиро-

⁵⁰ [Ожегов, Шведова. 2005: 428, 759]

⁵¹ Словарь терминов и определений по охране окружающей среды, природопользованию и экологической безопасности. (<http://ecoportal.ru/dict.php>)

ванных изданиях. В качестве соответствия эстонскому *elukeskkond* возможно использование другого терминологизированного выражения: *окружающая среда*.

В текстах используется такой неудачный перевод с эстонского, как *предел бедности*:

- (44a) *Toimetulekupiiri suuruse kehtestab Riigikogu riigieelarves.*
(<http://www.sm.ee/tegevus/sotsiaalhoolekanne/toimetulekutoetus.html>)
- (44b) *Предел бедности определяет Рийгикогу в госбюджете.*
(<http://www.sm.ee/rus/dejatelnost/socialnoe-obespechenie/posobie-po-bednosti.html>)

В подобной ошибочной сочетаемости проявляется незнание того, что в русском языке существует термин *черта бедности*⁵², используется и оборот *порог бедности*, однако в любом случае фраза *предел бедности* не соответствует принятой норме. Вместе с тем правильный вариант перевода лексемы *toimetulekupiir* – *черта бедности* указан и в эстонско-русском словаре⁵³.

К нарушению устойчивой сочетаемости слов может привести искажение (разрушение) устойчивого выражения:

- (45a) *Keskkonnaministeeriumi saab pidada sõna otseses mõttes Eesti kõige looduslähedasemaks ministeeriumiks.*
(<http://www.envir.ee/61526>)
- (45b) *Министерство окружающей среды в прямом смысле этого названия можно считать самым близким к природе министерством Эстонии.*
(<http://www.envir.ee/1101060>)

Во-первых, в словосочетании *в прямом смысле этого названия* наблюдается разрушение исконной структуры устойчивого наречного оборота *в прямом смысле слова*. Точнее, здесь можно усмотреть контаминацию компонентов свободного словосочетания *смысл этого названия* и состоящего из нескольких слов составного наречия с постоянной структурой *в прямом смысле слова*. Во-вторых, употребление в данном предложении даже правильного соответствия *в прямом смысле слова* всё равно перегружает конструкцию и является избыточным для официально-делового стиля. Более корректным, соответствующим требованиям стиля был бы перевод: *Министерство окружающей среды можно считать самым близким к природе министерством Эстонии*. Однако вполне допустимо и введение в это предложение составного наречия *в прямом смысле слова*, поскольку в этом случае сохраняется заложенная в эстонской конструкции коннотация усилительного значения.

⁵² Современный экономический словарь 2007. (<http://slovari.yandex.ru/>)

⁵³ Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь I–V 1997–2009. Tallin.
(<http://www.eki.ee/dict/evs/evs.html>)

Ошибки при переводе эстонских языковых единиц составными русскими терминами нередки. Так, словесное выражение *природа государства* в переводном тексте может оказаться двусмысленным, поскольку, согласно словарю сочетаемости слов русского языка⁵⁴, лексема *природа* имеет три значения: 1) все существующее во вселенной, органический и неорганический мир; 2) совокупность естественных условий на Земле или в ее части, включающая рельеф, растительный и животный мир, климат; 3) основное свойство, сущность (например, *природа вещей, явлений, болезней* и т. д.). Термин *природа* как совокупность естественных условий жизни на Земле или в ее части требует конкретизации, например, в словосочетании *природа Эстонии*. По этой причине сочетаемость слов в следующем предложении должна рассматриваться как неправильная:

- (46a) *Keskkonnaministeeriumi valitsemisalas on: riigi keskkonna- ja looduskaitse korraldamine...*
(<http://www.envir.ee/61526>)
- (46b) В ведении Министерства окружающей среды находятся: организация охраны окружающей среды и **природы государства**...
(<http://www.envir.ee/1101060>)

При сопоставлении эстонского оригинала и вторичного текста наблюдаются случаи их неполного содержательного совпадения. В переводном варианте таких неточных частично нетождественных параллельных текстов отдельные фрагменты исходной информации или элиминируются, или, наоборот, добавляются. Кроме явной лексической ошибки в примере (47b), наблюдается целый ряд несоответствий первичного и вторичного текста (см. об этом подробнее в параграфе 4.3.):

- (47a) *Kindlustus ei peatu poolte kokkuleppel antava tasustamata puhkuse korral, kui inimene eest makstakse sotsiaalmaksu vähemalt kehtiva kuumäära ulatuses. 2018. aastal on sotsiaalmaksu kuumäär 470 eurot ja seega minimaalne sotsiaalmaksu summa 155,10 eurot kuus.*
(<https://www.haigekassa.ee/inimesele/kindlustus/tooandja-kindlustatud>)
- (47b) Медицинская страховка не приостанавливается в случае предоставления неоплачиваемого отпуска по соглашению сторон, если за **лицо** платят социальный налог в соответствии с законом о социальном налоге.
(<https://www.haigekassa.ee/ru/celoveku/strahovka/zastrahovannye-rabotodatelem>)

В данном примере в качестве соответствия лексеме *inimene* (= человек) приведено слово *лицо*, что в данном контексте привело к комическому эффекту. Во-первых, слово *лицо* употребляется в контекстах определенной тематики, во-вторых, *лицо* обычно требует распространения, например, *лицо, в отношении которого ведется производство, юридическое лицо, физическое лицо, доверенное лицо, лицо без гражданства* и т. д. В обсуж-

⁵⁴ Денисов П. Н., Морковкин В. В. Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 2002

даемом примере более верным был бы буквальный перевод *inimene* – человек или же *частное лицо*.

Переводчики, опираясь на особенности словообразовательной системы эстонского языка, часто предпочитают калькирование. Однако данный способ перевода ошибочно считать простым, ибо при калькировании семантики частей эстонских сложных слов, которые на русский язык приходится переводить словосочетаниями, появляются многочисленные ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости [Щаднева, Кудрявцев 2010].

Неудачное буквальное калькирование в примере (48b) привело к использованию переводчиком неверного в данном контексте словосочетания *система здоровья*:

(48a) *Eesti tervisesüsteemi korraldamise eest üldiselt vastutab Sotsiaalministeerium.*
(<https://www.haigekassa.ee/et/inimesele>)

(48b) *За организацию системы здоровья Эстонии в основном отвечает Министерство социальных дел.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/cheloveku>)

Разумеется, в данном случае речь должна идти не о *системе здоровья*, а о *системе здравоохранения*. Отметим, что словосочетание *система здоровья* активно используется в отношении различных оздоровительных методик, принципов ведения здорового образа жизни: *Система здоровья Ниши*; «Моя система здоровья» (название брошюры Н. М. Амосова); *Система здоровья и процветания – бесплатный семинар* и др. Тем самым словосочетание *система здоровья* встречается и в России, и в Эстонии в текстах научно-популярной сферы. Однако в рассмотренном нами деловом тексте обсуждается *Eesti tervisesüsteem* как *система здравоохранения Эстонии*. То есть в данном случае речь идет об официально-деловой устойчивой единице, которая относится к социальной сфере. Эстонская лексема *tervisesüsteem* в словарях не отмечается (например, [Eesti-vene 1997–2009; Eesti keele 2009; Tamm 2005; Eesti õigekeelsussõnaraamat ÕS 2013] и т. д.). Однако в перечисленных лексикографических источниках содержится понятие *tervishoid* (= здравоохранение), что дает основание считать лексему *tervisesüsteem* в значении *система здравоохранения* новым языковым явлением.

В русскоязычном примере (49b), который не имеет параллельного аналога на языке оригинала, речь идет об учреждении нового государственного регистра, в который необходимо будет вносить данные о работе всех физических лиц вне зависимости от формы договора. Несмотря на то, что в эстонском источнике соответствующий отрывок текста не содержится, из широкого контекста очевидно, что имеется в виду *Töötamise register*. Данная номинация имеет несколько вариантов перевода, однако наиболее часто используется самый неудачный вариант – *Регистр работы*:

- (49b) *Начиная с 1 июля 2014 г. в силу вступило изменение закона о налогообложении, которым в Эстонии создан **регистр работы**.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/rabotodatelu>)

Думается, это вызвано тем, что на сайте Налогово-таможенного департамента Эстонии, в ведомстве которого и находится данный регистр, используется именно этот вариант. Верным соответствием *Töötamise register* является *Регистр трудовой занятости*.

В деловых переводах встречается и тавтология в виде однокоренного повтора:

- (50a) *Igal **lapsel** on õigus **lapsetoetusele** kuni 16-aastaseks saamiseni.*
(<http://www.ensib.ee/peretoetuste-maksmine-16aastasele-ja-vanematele-oppuritele>)
(50b) *Каждый **ребенок** имеет право на выплату ему **пособия на ребенка** до достижения им 16-ти лет.*
(<http://www.ensib.ee/16/>)

В данном случае замена словосочетания *пособия на ребенка* на *детское пособие* могла бы исправить ситуацию: *Каждый ребенок до 16-ти лет имеет право на выплату ему детского пособия*.

Приведем еще один подобный случай:

- (51a) *Ettevõtluse alustamise toetus **on** rahaline abi (praegu kuni 4474 eurot), mille eesmärk **on** motiveerida ja toetada **ettevõtlusega** alustamist.*
(<https://www.tootukassa.ee/content/teenused>)
(51b) *Пособие на начало предпринимательства **является** денежной помощью (в настоящее время до 4474 евро), целью которой **является** мотивирование и поддержка начала предпринимательства.*
(<https://www.tootukassa.ee/content/teenused>)

В первой части предложения следует заменить повторяющуюся глагольную форму *является* местоимением *это*: *Пособие на начало предпринимательства – это денежная помощь (в настоящее время до 4474 евро), целью которой является мотивирование и поддержка начала предпринимательства*.

Тавтология входит и в комплекс ошибок, которые допущены в следующем примере:

- (52a) *Avanenud aknas tuleb **seejärel täita tühjad väljad**: lepingunumber, summa ja maksehäire algus.*
(http://www.krediidiinfo.ee/index.php?m=184&ss_max=10&ss=&lang=E)
(52b) *В открывающемся окошке нужно **затем заполнить незаполненные поля**: номер договора, сумму, и дату начала задолженности.*
(<http://www.krediidiinfo.ee/index.php?m=184&lang=R>)

Во-первых, здесь следует устранить тавтологию (*заполнить незаполненные поля*) посредством сочетания *заполнить пустые поля*; во-вторых,

предложение носит характер инструкции, поэтому наречие *затем* уместно было бы поставить в начало предложения: *Затем в открывающемся окошке...*

В приведенных ниже случаях (53b), (54b) и (55b) грубые лексические нарушения отсутствуют, однако допущены отдельные языковые небрежности.

(53a) *Sisustuslaen aitab teha kodu hubasemaks.*

(<https://www.lhv.ee/et/sisustuslaen>)

(53b) *Кредит на обстановку жилья поможет Вам сделать жилье более уютным.*

(<https://www.lhv.ee/ru/kreditnaobstanovku>)

В случае с примером (53b) при переводе эстонского сложного слова *sisustuslaen*, по всей видимости, корректнее было бы использовать существительное *обустройство* вместо *обстановка*, т. к. этот кредит предназначен не только на меблировку, но и на покупку бытовой техники. В отношении же тавтологии *жилья – жилье* можно предположить, что она вызвана отсутствием возможности подобрать синоним, который бы включал в себя столь же широкое значение, хотя здесь вполне можно было бы прибегнуть к буквальному переводу – *дом*.

В деловых текстах вместо прилагательного *прошлогодний*, которое пригодно, скорее, для бытовых контекстов, предпочтительнее было бы использовать стилистически более подходящее словосочетание *за прошлый / предыдущий год*:

(54a) *Tööinspeksioon teeb täna Riigikogus ülevaate eelmise aasta töökeskkonnast Eestis. Eelmisel aastal toimus 5184 tööõnnetust ehk 14 tööõnnetust päevas. Oma elu kaotas tööpostil üheksa inimest.*

(http://www.ti.ee/est/koik-uudised/uudised-de-tailne/?tx_news_pi1%5Bnews%5D=502&cHash=970daebfd672462979990c436614cfa6)

(54b) *Сегодня Инспекция труда представит Рийгикогу обзор прошлогодней трудовой среды в Эстонии. В минувшем году произошло 5184 несчастных случая на рабочем месте, то есть 14 в день. Девять человек лишились жизни на работе.*

(http://www.ti.ee/ru/all-news/detail-news/?tx_news_pi1%5Bnews%5D=503&cHash=40a20a298fc8b32b77dff75372fefb3)

В примере из медицинской сферы вместо *продаваемых по рецепту лекарственных препаратов* (правильного, но объемного языкового выражения) можно было бы воспользоваться более простым словосочетанием *рецептурных препаратов* и тем самым избежать стилистического утяжеления конструкции:

- (55a) *Piiriülene tervishoiuteenus on kindlustatud isikule teises Euroopa Liidu liikmesriigis määratud või osutatud tervishoiuteenus ning selle raames **retseptiravimite ja meditsiiniseadmete väljakirjutamine ning väljastamine**.*
(<https://www.haigekassa.ee/kontaktpunkt/riiklik-kontaktpunkt>)
- (55b) *Трансграничная медицинская услуга – это медицинская услуга, назначенная или оказанная лицу, застрахованному в другой стране-члене Европейского Союза, а также выписывание и выдача в ее рамках **продаваемых по рецепту лекарственных препаратов** и медицинских устройств.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/kontaktpunkt/gosudarstvennyi-kontaktnyi-punkt>)

Анализ некорректных выражений в переводных текстах показывает, что самыми распространенными типами лексических нарушений в рассмотренных нами параллельных текстах являются различные ошибки, связанные с лексической сочетаемостью слов, неправильный выбор лексем, тавтология и т. д. Нередко нарушения лексических норм вызваны тем, что переводчики недооценивают важность учета фоновых знаний о предмете перевода, о чем говорилось ранее. Безусловно, переводчик должен владеть переводным и переводящим языками, однако выбрать из нескольких лексических соответствий наиболее удачный вариант, который будет понятен конечному адресату, возможно лишь в случае, если переводчик ориентируется в нюансах возможных соответствий.

В то же время, нельзя игнорировать тот факт, что вследствие оторванности от деловой среды России, переводчикам, работающим в области эстонско-русского перевода, не хватает как комплексных теоретических обобщений, так и практического отражения удачно подобранных и закрепившихся в русском языке соответствий, которые пока или не представлены в словарях, или представлены в них не совсем корректно.

4.2. Грамматические нарушения литературной нормы

Грамматическая система по сравнению с лексической обладает, как известно, относительно большей устойчивостью и более слабой восприимчивостью к влиянию социальных факторов. В первую очередь сказанное относится к морфологии как к формально-строеному уровню. Литературные нормы на грамматическом уровне, по сравнению с нормами на других уровнях языковой системы, легче поддаются регламентации; они обстоятельно изучены и кодифицированы [Плещенко 2001 и др.].

Так, типичным нарушением морфологических норм является употребление слова в несуществующей или несоответствующей контексту форме, например, *получать платы*. Нарушение норм синтаксической сочетаемости материализуется в неправильном построении основных синтаксических единиц – словосочетаний и предложений, например, *руководитель не провел никакой инструктаж*. Подобные случаи имеют место и в российской языковой практике [Влавацкая 2014: 68]. В собранном нами материале обнаружены и словообразовательные, и морфологические, и синтак-

сические ошибки, однако наличие комплексных ошибок не позволяет дифференцировать иллюстративный материал по языковым уровням.

Как было отмечено ранее, проблемными могут быть целые тематические группы слов, однако не только с точки зрения лексических нарушений (об этом речь шла в параграфе 4.1), но и с точки зрения грамматики. Например, перевод эстонских слов с опорным словом *juht* часто осуществляется при помощи предлога *no*. При переводе прослеживается аналогия с активно используемой конструкцией *менеджер no продажам*. Сравним – *tüügijuht* – менеджер **no** продажам и *tüügijuht* – руководитель **no** продажам, т. е. копируется падежное управление. Приведем еще несколько подобных случаев:

- *kommunikatsioonijuht* – руководитель **no** коммуникации;
- *teenuste arendusjuht* – руководитель **no** развитию услуг.

В настоящее время выражение *руководитель no коммуникации* используется в языке диаспоры – в эстонском сегменте Интернета, в России же предпочитают развернутые обороты типа *руководитель подразделения по вопросам коммуникации*. Однако в перспективе возможно, что под действием закона аналогии предложное управление *руководитель no* ... станет нормативным и в российском варианте русского языка, тем более, что словосочетание *менеджер no коммуникациям* весьма распространено в российской деловой интернет-среде.

Проблемными в переводах порой оказываются и сами падежные формы (падежные окончания):

(56a) *Vanem on kohustatud ülalpidama oma alaealist last.*

(<http://www.sm.ee/sinule/perele/elatisabi.html>)

(56b) *Родитель должен выполнять обязанностей по содержанию своего несовершеннолетнего ребенка.*

(<http://www.sm.ee/rus/dlja-tebja/semi/prozhitochnoe-posobie.html>)

В примерах (56b) и (57b) необходимо было использовать форму винительного падежа: *должен выполнять (что?) обязанности по содержанию*.

Разумеется, встречаются и случаи комплексного нарушения языковых норм. В следующем переводе содержится сразу три ошибки, которые связаны с формами рода и двух падежей:

(57a) *Elatisabi on riigi makstav lühiajaline toetus lapsele, kelle vanem ei täida ülalpidamiskohustust.*

(<http://www.sm.ee/sinule/perele/elatisabi.html>)

(57b) *Выплачиваемое государством прожиточное пособие предназначено кратковременному выплату ребенку, родитель которого не выполняет обязанностей по его содержанию.*

(<http://www.sm.ee/rus/dlja-tebja/semi/prozhitochnoe-posobie.html>)

Во-первых, существительное *выплата* – женского рода. Во-вторых, слово-форма *предназначено* управляет формами предложного родительного (для чего?) и беспредложного дательного (кому?), поэтому правильной будет фраза *пособие предназначено для кратковременной выплаты ребенку*. Кроме того, в примерах (56b) и (57b) следует отметить стилиевой нюанс, связанный с глаголом *выполняет*. Целесообразнее было бы заменить глагол *выполняет* на *исполняет*, поскольку в отличие от русской приставки *вы-* книжная приставка старославянского происхождения *ис-* в большей степени соответствует официально-деловому стилю.

С точки зрения глагольного управления, а значит, и выбора падежной формы, немалые трудности вызывает использование слова *фирма*, которое сравнительно недавно вошло в активное употребление и еще имеет колебания в употреблении при нем предлогов *на / в фирме*. Сказанное касается и русского языка, и языка диаспоры. Так, в ответах на многочисленные вопросы о том, какая форма правильная, справочная службы русского языка сайта «Граммота.ру»⁵⁵ утверждает, что *на фирме* и *в фирме* – это равноправные варианты. Однако с этим трудно согласиться, что подтверждается речевой практикой: эти конкурирующие варианты предложного управления используются дифференцированно, и они явно связаны с семантикой управляющих глаголов.

Известно, что когда говорится о работе, в русской речи издавна употребляются такие предложные сочетания с существительным, как *работать на заводе, на фабрике, на почте*. Употребление предлога *на* объясняется тем, что раньше *почта, завод, фабрика* не были связаны с представлением об определенном помещении / здании и могли находиться под открытым небом [Розенталь 1989: 274]. В современной же речи в случае действия *работать* правомернее говорить *в фирме (работать в частной фирме, как и в частной клинике; зарплата в частной фирме)*, т. к. *фирма* – это прежде всего определенное здание, внутри которого находится данное учреждение. В иных же контекстах (с иными падежами или значениями глаголов) корректным оказывается предлог *на*: *На фирму наложен штраф. Многие предпочитают работать на государство, а не на частную фирму*. Значимым для выбора предлога является не только внутренний контекст самого предложения, но и внешний контекст, как в примере (58b):

(58a) *Pakume ka firmasisest koolitust.*
(<http://www.docendo.ee/>)

(58b) *Мы проводим курсы также на фирме.*
(<http://www.docendo.ee/rus/>)

Здесь в исходном тексте имеется в виду проведение учебных курсов в самих организациях, то есть в их помещениях. В переводном тексте эта информация утрачена, но в любом случае заложенный в эстонском ориги-

⁵⁵ (<http://gramota.ru/>)

нале смысл требует его передачи формой родительного падежа множественного числа с предлогом *для*: *для фирм*.

В примере (59b) переводчик проигнорировал типичное управление при глаголе *покупать* и допустил ошибку при выборе предлога: **от** *которых* вместо правильного *у которых* *больничная касса покупает*.

(59a) *Lepingupartneriks nimetame tervishoiuteenuse osutajaid, kellega on haigekassa sõlminud ravi rahastamise lepingu ehk kellelt haigekassa oma klientide jaoks raviteenust ostab.*

(<https://www.haigekassa.ee/et/inimesele>)

(59b) *Договорным партнёром называем оказывающих услуги здравоохранения, с которыми больничная касса заключила договор о финансировании лечения, или от которых больничная касса покупает* лечебную услугу для своих клиентов.

(<https://www.haigekassa.ee/ru/cheloveku>)

Ошибка, связанная с выбором предлога, допущена и в примере (60b), который представляет собой добавленный в русский перевод фрагмент, отсутствующий в тексте эстонского оригинала:

(60b) *Начиная с 1 июля 2014 г. в силу вступило изменение закона о налогообложении, которым в Эстонии создан регистр* работы.

(<https://www.haigekassa.ee/ru/rabotodatelu>)

В данном случае пропущен предлог *в соответствии с*. Кроме того, при написании слова *регистр* как названия должна быть использована прописная (заглавная) буква. С учетом исправления всех нарушений (в том числе и лексических), можно предложить следующий вариант переводного текста: *Начиная с 1 июля 2014 г. в силу вступило изменение закона о налогообложении, в соответствии с которым в Эстонии создан Регистр трудовой занятости*.

Распространенной ошибкой является выбор падежной формы и при слове *обучение*:

(61a) **keeleõpe**

(<http://www.curriculum.ee/?lang=est>)

(61b) **обучение языков**

(<http://www.curriculum.ee/?lang=rus>)

Форму родительного падежа здесь необходимо заменить в силу того, что слово *обучение* управляет дательным падежом: *обучение языкам*.

Разного рода нарушения провоцируются как осуществлением буквального перевода, так и неоправданным его игнорированием. Так, в следующем примере допущен комплекс ошибок: тавтология, нарушение лексической сочетаемости, языковая недостаточность, нарушение порядка слов:

- (62a) *Avanenud aknas tuleb seejärel täita tühjad väljad: lepingunumber, summa ja maksehäire algus.*
(http://www.krediidiinfo.ee/index.php?m=184&ss_max=10&ss=&lang=E)
- (62b) *В открывающемся окошке нужно затем заполнить незаполненные поля: номер договора, сумму, и дату начала задолженности.*
(<http://www.krediidiinfo.ee/index.php?m=184&lang=R>)

Во-первых, неуместного лексического повтора можно было бы легко избежать путем точного буквального перевода *tühjad väljad* – *пустые места*. Во-вторых, в переводной текст необходимо было добавить деепричастие *указав*, которое в данном контексте является необходимым второстепенным членом предложения, ибо вследствие языковой недостаточности оказывается нарушенной и лексическая сочетаемость (*заполнить номер договора, сумму и дату*). В-третьих, предложение носит характер инструкции, поэтому наречие *затем* уместно было бы поставить в начало предложения: *Затем в открывающемся окошке...* Корректный перевод мог бы выглядеть так: *Затем в открывающемся окошке нужно заполнить пустые места, указав номер договора, сумму и дату начала задолженности.*

Случаев нарушения порядка слов (как и глагольно-видовых ошибок) в проанализированных текстах оказалось не так много, как можно было бы ожидать. Отметим, что в русском языке порядок слов, точнее, порядок членов предложения считается относительно свободным, т. е. в предложении нет строго закреплённого за каждым членом предложения места. Однако определенные закономерности прямого и обратного порядка слов всё-таки существуют [Розенталь 1989: 232–233]. В наших примерах нарушения порядка слов проявляются в комплексе с другими ошибками:

- (63a) *Arengu visiooni kohaselt on Maksu- ja Tolliamet aastal 2012 Eesti avaliku sektori parim organisatsioon.*
(<http://www.emta.ee/index.php?id=618>)
- (63b) *Согласно видению будущего развития будет Налогово-таможенный департамент в 2012 году самой лучшей организацией публичного сектора.*
(<http://www.emta.ee/index.php?id=26357>)

Согласно правилу, указанному в «Справочнике по правописанию и стилистике» [Розенталь 1997: 264], подлежащее обычно предшествует сказуемому. Напомним, что отличительной языковой чертой синтаксиса официально-делового стиля является именно прямой порядок слов, поэтому правильным будет предложение: *Согласно видению будущего развития, Налогово-таможенный департамент в 2012 году станет самой лучшей организацией публичного сектора.*

Приведем еще один пример с недостаточно корректным порядком слов, утяжеляющим конструкцию:

- (64a) *Muinsuskaitseamet on Kultuuriministeeriumi valitsemisalas tegutsev valitsemis-asutus, kes esindab oma ülesannete täitmisel riiki.*
(http://www.muinas.ee/index.aw/set_lang_id=1)
- (64b) *Департамент охраны исторических памятников – представляющая в своей деятельности государство и действующая под руководством Министерства культуры государственная организация.*
(http://www.muinas.ee/index.aw/set_lang_id=3)

Понятной фразой является: *Департамент охраны исторических памятников – государственная организация, представляющая в своей деятельности государство и действующая под руководством Министерства культуры.*

В переводах встречаются и случаи неудачного выбора залогово-временной формы:

- (65a) *Kui auto edasi sõita ei saa, **pukseeritakse** see lähimasse remonditöökotta või hoiukohta.*
- (65b) *Если автомобиль не может передвигаться, его **отбуксируют** в мастерскую.*
(Флаер страховой компании Ergo)

Здесь возможны следующие варианты исправления перевода: 1) *Если автомобиль не может передвигаться, он **буксируется** в мастерскую.* 2) *Если автомобиль не может передвигаться, его **буксируют** в мастерскую.*

В некоторых случаях однозначно утверждать, допущена ли грамматическая ошибка или же имеет место опечатка, бывает сложно:

- (66a) *Vabandame hooldustööde ajal **tekkinud** ebameeldivuste pärast!*
(<https://eteenindus.mnt.ee/main.jsf>)
- (66b) *Приносим свои извинения за доставленные неудобства, **связанными** с ремонтными работами.*
(<https://eteenindus.mnt.ee/main.jsf>)

В данном случае грамматически правильной падежной формой согласуемого причастия является винительный падеж: *за... неудобства, связанные с...* Попутно отметим, что во вторичном тексте восклицательный знак заменен на точку, что также свидетельствует хотя и о незначительной, но неточности переводчика.

В примере (67b) переводчик не учел принадлежности слова *плата* к Singulariatantum и ошибочно сохранил множественное число исходной словоформы *tasud* – *платы*:

- (67a) *Võlaõigusliku lepingu alusel töö- või teenistustasusid saavad inimesed.*
(<https://www.haigekassa.ee/inimesele/kindlustus/tooandja-kindlustatud>)
- (67b) *Лица, получающие **платы** за работу или услуги на основании обязательно-правового договора.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/celoveku/strahovka/zastrahovannye-rabotodatelem>)

Анализ качества переводных текстов показывает, что в них наблюдаются разнообразные недочеты, однако нарушения в сфере грамматики встречается значительно меньше, чем на уровне лексики. Судя по собранному переводному материалу, наиболее распространенными являются ошибки в формообразовании имен существительных, а также в сфере глагольного и именного управления.

4.3.Нарушения норм перевода и их сочетание с уровнево-языковыми ошибками

Напомним, что к нарушениям норм перевода относятся нарушение нормы эквивалентности, жанрово-стилистической нормы перевода, прагматической нормы перевода и т. д. (более подробно о нормах перевода см. в параграфе 3.1.). Так, по нашим наблюдениям, тексты отдельных деловых переводов с лексическими и / или грамматическими ошибками могут быть представлены неполными или неточными переводами, т. е. текстами, которые не отвечают в полной мере требованиям к переводам официально-деловой информации. В таких случаях не соблюдаются а) норма эквивалентности перевода, б) жанрово-стилевая и в) прагматическая нормы официально-делового перевода. Подобное явление наблюдается как в текстах с лексическими и / или грамматическими нарушениями, так и в текстах без языковых недочетов.

В современном переводоведении не существует общей точки зрения относительно переводческих ошибок. Большинство специалистов определяют переводческую ошибку как немотивированное несоблюдение нормы эквивалентности – как в части содержания, так и формы.

По мнению Т. А. Зиновьевой и Н. Ю. Никулиной, «в переводческой практике обычно наблюдается два основных типа переводческих ошибок: 1) ошибки, возникающие под влиянием родного языка, 2) ошибки, причины которых коренятся в структуре самого иностранного языка <...>. Однако, говоря о видах ошибок, стоит также выделять ошибки логического, лексического, стилистического характера, т. е. связывать вид ошибки с тем уровнем, к которому относится явление, при переводе которого ошибка допущена». В обоих случаях имеет место интерференция – в первом случае межъязыковая, во втором случае внутриязыковая интерференция [Зиновьева, Никулина 2013].

В данном параграфе представлены примеры переводных деловых текстов, в которых содержатся нарушения разных типов, например, в переводном тексте представлена неполная информация или включена дополнительная информация, перевод выполнен при помощи электронного переводчика и др. Объединяет все представленные переводные тексты тот факт, что они не могут считаться полноценной заменой оригинального текста официально-делового стиля.

В следующих блоках примеров наблюдается ряд содержательных отличий переводного текста от оригинала:

- (68a) *Tartu Kaubamaja peasissekäigu juures, Riia 1, Tartu.*
(<https://www.haigekassa.ee/et/inimesele/haiguste-ennetamine/vahi-soeluurigud-nais-tele/liikuvate-mammograafiabusside-ajakava>)
- (68b) “*Tartu Kaubamaja*”, ***Puza 1, Tapmy.***
(<https://www.haigekassa.ee/ru/cheloveku/profilaktika-bolezney/obsledovaniya-po-vyyavleniyu-raka-dlya-zhenshchin/raspisanie>)

Во-первых, в тексте на русском языке отсутствует соответствие такому существенному с информативной точки зрения компоненту первичного текста, как *peasissekäigu* – *возле главного входа*. Передача смысла эстонского слова *peasissekäigu* важна для людей, которые плохо ориентируются в городе, поскольку *Tartu Kaubamaja* – это торговый центр, в исходном же тексте речь идет о местонахождении маммографического автобуса. Во-вторых, переводу подвергся и адрес *Riia 1, Tartu*. Перевод *Riia* – *Рига* действительно возможен, однако лишь в тех случаях, когда переводится название города. Для перевода же названий улиц, в случае такой необходимости, обычно используется транслитерация.

В свою очередь, в примере (69b) без передачи на русский язык остались лексемы *lähimasse* – *в ближайшую* и *hoiukoht* – *место хранения*:

- (69a) *Kui auto edasi sõita ei saa, pukseeritakse see lähimasse remonditöökotta või hoiukohta.*
- (69b) *Если автомобиль не может передвигаться, его отбуксируют в мастерскую.*
(Флаер страховой компании Ergo)

Если передача на русский язык лексемы *lähimasse* не вызывает никаких трудностей, то поиск удачного соответствия для эстонского сложного слова *hoiukoht* в рамках данного контекста оказывается проблемным. Адекватный перевод эстонского оригинала возможен при описательном переводе с использованием приема лексических добавлений (подробнее о данном примере см. в параграфе 3.2.).

Аналогична с предыдущими и языковая иллюстрация (70a, 70b):

- (70a) *Kindlustus ei peatu poolte kokkuleppel antava tasustamata puhkuse korral, kui inimese eest makstakse sotsiaalmaksu vähemalt kehtiva kuumäära ulatuses. 2018. aastal on sotsiaalmaksu kuumäär 470 eurot ja seega minimaalne sotsiaalmaksu summa 155,10 eurot kuus.*
(<https://www.haigekassa.ee/inimesele/kindlustus/tooandja-kindlustatud>)
- (70b) *Медицинская страховка не приостанавливается в случае предоставления неоплачиваемого отпуска по соглашению сторон, если за лицо платят социальный налог в соответствии с законом о социальном налоге.*
(<https://www.haigekassa.ee/ru/celoveku/strahovka/zastrahovannye-rabotodatelem>)

В приведенном вторичном тексте при переводе лексемы *kindlustus* (= страховка) переводчик использовал прием лексических добавлений и уточнил русское соответствие. Однако вторая часть текста по непонятной причине не имеет перевода на русский язык, несмотря на то, что содержит в себе важную информацию: *В 2018 году месячная ставка социального налога составляет 470 евро, таким образом, минимальная сумма социального налога составляет 155,10 евро в месяц*⁵⁶. Кроме того, с точки зрения жанрово-стилевой нормы перевода, неопределенно-личному *plaatjad*, выбранному в качестве соответствия словоформе *makstakse*, в официально-деловом переводе следовало бы предпочесть словоформу страдательного залога *выплачивается*.

В следующем примере из той же социальной сферы, помимо имеющихся в переводе лексических и грамматических нарушений, во вторичном тексте отражается не вся информация из текста оригинала, нарушена текстовая норма – рубрикация оригинала и перевода не соответствуют друг другу – и введена добавочная информация о сроке договора и выплатах взносов:

- (71a) *Kindlustatud inimene on lepingu sõlmimisele eelneval kalendriaastal enda eest maksnud või tema eest on makstud sotsiaalmaksu. Sotsiaalmaksu peab olema makstud vähemalt kaheteistkümnerekordset sotsiaalmaksu minimaalselt kuumääralt arvutatuna. 2017. aastal oli sotsiaalmaksu kuumäär 430 eurot ja igakuine minimaalne sotsiaalmaksukohustus seega 141,90 eurot. See tähendab, et kui soovite 2018. aastal sõlmida vabatahtliku kindlustuslepingu, peab 2017. aastal olema Teie eest sotsiaalmaksu laekunud vähemalt 12 x 141,90 eurot ehk kokku 1702,80 eurot.*

Vabatahtlik kindlustusleping on võimalik sõlmida ka inimesel, kes saab välisriigist pensioni (kui välislepingutega ei ole ette nähtud teisiti).

(<https://www.haigekassa.ee/inimesele/kindlustus/vabatahtlik-kindlustus>)

- (71b) *Лица, получающие пенсию из зарубежного государства, если международными договорами не предусмотрено иначе. Лицо, получающее пенсию из зарубежного государства, не должно быть заранее медицински застраховано.*

Вышеупомянутые люди могут заключать договор как для страхования самих себя или они могут заключать договор в пользу третьего лица. Срок договора не менее года и страховые взносы нужно платить на основании выданного больничной кассой счёта за период по 3 месяца или за 1 год.

(<https://www.haigekassa.ee/ru/celoveku/strahovka/dobrovolnoe-strahovanie>)

Прежде, чем приступить к описанию лексических и грамматических нарушений, приведем перевод оригинального текста, выполненный автором диссертации, чтобы наглядно показать различия между оригиналом и переводом:

⁵⁶ Перевод автора диссертации.

Застрахованным лицом или за застрахованное лицо за год, предшествующий заключению договора, был выплачен социальный налог. Социальный налог должен быть заплачен не менее 12 раз от минимальной месячной ставки социального налога. В 2017 году месячная ставка социального налога составляла 430 евро, а ежемесячная минимальная сумма обязательств по социальному налогу – 141,90 евро. Это означает, что если Вы желаете заключить договор добровольного страхования в 2018 году, то в 2017 году за Вас должен быть перечислен социальный налог в размере не менее 12 x 141,90 евро, то есть всего 1702,80 евро.

Договор добровольного страхования могут заключать и лица, получающие пенсию зарубежного государства (если международными договорами не предусмотрено иначе).

В приведенной текстовой иллюстрации (71b) лексико-грамматические ошибки настолько взаимосвязаны, что обсуждать их можно только комплексно. Во-первых, неправильное сочетание слов в первой части текста *не должно быть заранее медицински застраховано* следует заменить на *не обязано иметь медицинской страховки*. Во-вторых, в последнем предложении текста лишним оказались слово *период* и предлог *по*. В-третьих, во второй части переводного текста без второго обязательного компонента остался парный союз *как ... так и*. Кроме того, в предложении необходимо устранить повтор словосочетания *могут заключать договор*: *Вышеупомянутые люди могут заключать договор как для страхования самих себя, так и в пользу третьего лица*. В-четвертых, во фразе *лица, получающие пенсию из зарубежного государства* лишним является предлог *из*, верный же вариант – *лица, получающие пенсию зарубежного государства*. Данную грамматическую ошибку можно объяснить языковой интерференцией, поскольку в эстонском варианте существительное *välisriigist* находится в форме исходного падежа (элатив) и отвечает на вопрос *kust?* (= откуда?).

Возвращаясь к проблеме несоответствия оригинала и перевода, стоит кратко пояснить, что обсуждаемый пример содержится в рубрике *Добровольное страхование* на сайте Больничной кассы. Сайт оформлен на трех языках – эстонском, английском и русском и позволяет переключение языков в процессе изучения материалов, т. е. тексты можно считать параллельными. Необходимо отметить, что если между оригинальным текстом и его русским переводом сохраняется внешняя схожесть текстового оформления, то между эстонским и английским текстами⁵⁷ она заметна в меньшей степени. Невозможно однозначно утверждать, по какой причине русскоязычный вторичный текст приводится на сайте Больничной кассы именно в таком виде, это может быть вызвано некоторыми прагматическими причинами (например, недостающая информация содержится в текстах других рубрик и т. п.), техническими неполадками, однако отсутствие во вторичном тексте сведений о налоговых ставках ставит под

⁵⁷ Судить о качестве англоязычного перевода не представляется возможным.

сомнение как прагматическую ценность, так и целесообразность использования подобного перевода.

Все приведенные выше примеры, в которых отсутствует часть текста оригинала, нельзя признать содержательно эквивалентными первичному тексту, тем самым можно говорить о нарушении нормы эквивалентности официально-делового перевода и прагматической нормы перевода, т. е. требования обеспечить соответствие перевода тем задачам, для решения которых он был осуществлен.

Нарушением нормы эквивалентности официально-делового перевода является не только опущение части информации, но и введение порой весьма объемных дополнительных сведений (как в примере выше). В конструкции (72b) содержится добавочная информация *самым предпочтительным и успешным предприятием розничной торговли в Эстонии на рынке строительных и отделочных материалов, а также товаров для сада*:

(72a) *Visioon – saada uue, inspireeriva kaubanduskultuuri eestvedajaks.*
(<https://www.bauhof.ee/missioon-visioon>)

(72b) *Видение Bauhof – быть новатором творческой культуры покупателей и самым предпочтительным и успешным предприятием розничной торговли в Эстонии на рынке строительных и отделочных материалов, а также товаров для сада.*
(<http://www.bauhof.ee/>)

Кроме того, развернутое словосочетание *быть новатором творческой культуры покупателей* нельзя признать правильным по причине некорректной сочетаемости лексем (*новатором культуры, творческой культуры покупателей*), затемняющей смысл текста оригинала. Думается, что более удачным был бы следующий русский вариант: *Видение Bauhof – стать инновационным лидером, способствующим развитию культуры торговли...* Далее в переводном тексте дается добавочная информация, которая отсутствует в первичном тексте: *... и самым предпочтительным и успешным предприятием розничной торговли в Эстонии на рынке строительных и отделочных материалов, а также товаров для сада.*

Следующий вторичный текст нуждается в пояснении, т. к. интересующее нас словосочетание и его перевод не удалось обнаружить в сугубо деловых текстах, однако его представленность на веб-странице Министерства социальных дел и в газетных статьях, касающихся вопросов заработной платы, заставляет предположить, что прототипом здесь стало англоязычное выражение из сферы делового общения, а, значит, налицо типичное калькирование с английского языка: англ. *pay gap speedometer / wage gap speedometer* > эст. *palgalõhe spidomeeter*. Однако в примере (73a, 73b) последовательного точного калькирования на русский язык не наблюдается, ибо эстонская калька *palgalõhe spidomeeter* в русском варианте

отражена как *спидометр зарплаты*. В толковом словаре⁵⁸ приведено лишь техническое значение слова *спидометр*: это прибор в транспортной машине, указывающий скорость движения и пройденное расстояние. В российском сегменте Интернета у слова *спидометр* также не удалось обнаружить значения, близкого к примеру (73b), т. е. можно говорить о том, что мы имеем дело с региональным новшеством.

(73a) *Loodav palgalõhe spidomeeter annab informatsiooni soolise palgalõhe osas ka erasektori tööandjatele.*

(<http://tooeu.ee/et/uudised/1929/riik-asub-vahendama-soolist-palgalohet-avalikus-sektoris>)

(73b) *Создаваемый спидометр зарплаты даст информацию о гендерном разрыве в зарплатах и работодателям из частного сектора.*

(<http://tooeu.ee/ru/Novosti/1930/v-estonii-dlja-sokraschenija-raznicy-v-zarplatah-muzhchin-i-zhenschin-izmenjat-zakon>)

Следует уточнить, что лексемы *palgalõhe* и *зарплата* не эквивалентны, т. к. лексеме *palgalõhe* соответствует русское словосочетание *разрыв в зарплатах*. Таким образом, в русском тексте не воспроизводится важный семантический компонент, коль скоро речь идет о создании *спидометра разрыва в зарплатах*. Необходимо добавить, что как словосочетание *palgalõhe spidomeeter*, так и *спидометр разрыва в зарплатах* без должного пояснения и / или контекста могут остаться непонятными для адресата. Уместно напомнить, что словосочетание *palgalõhe spidomeeter* в корпусе эстонского языка etTenTen⁵⁹ пока еще не отражается.

Говоря о нарушениях в сфере перевода, нельзя не коснуться такого явления, как машинный перевод, хотя в рассмотренных нами деловых текстах такой способ передачи текста оригинала встречается достаточно редко. Далее приводятся два текста, при переводе которых, вероятно, был использован машинный перевод. На это указывает наличие такого количества разнообразных лексических и грамматических нарушений, что выделять их в примере мы посчитали нецелесообразным. Отметим только, что в оригинале и переводе не совпадают даже названия стран. Упомянутые параллельные тексты были опубликованы на сайте интернет-магазина строительных материалов. В настоящий момент сайт полностью изменен, в том числе и текстовое наполнение, и более не имеет русскоязычной версии.

Текстовая иллюстрация (74b) знакомит потенциального потребителя с предприятием:

⁵⁸ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. Кузнецов С. А. Публикуется в авторской редакции 2014 года. (<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>)

⁵⁹ (<http://www.keeleeveeb.ee/dict/corpus/ettenten/>)

(74a) *Firmast*

Ehituskaubandus Grupp OÜ on ehitusmaterjalide müügiga tegelev ettevõte. Pakume ehitusmaterjale nii jae kui ka hulgi-klientidele. Teeme koostööd enamike Eesti tootjate ja maaletoojatega, tänu millele saame pakkuda soodsaid hindasid kõiki-dele oma klientidele. Meie kodulehelt on võimalik tellida kaupu ilma arvuti tagant lahkumata. Saatke meile oma ostusoovid ja vajadusel toome kauba teile koju kätte.
(<http://www.ehituskaubad.com/firmast>)

(74b) *O нас*

Ehituskaubandus Grupp OÜ является компания занимается продажей строи-тельных материалов. Мы представ-ляем строительные материалы как для розничных и оптовых покупателей. Мы работаем с большинством Ирлан-дии с импортеров и производителей, что позволяет нам предлагать вы-годные цены для всех своих клиентов. На нашем сайте Вы можете заказать товары не отходя от компьютера. Присылайте нам свои запросы и потребности донести до вас товар.
(<http://www.ehituskaubad.com/ru/>)

Текст в примере (75b) призван разъяснить покупателю как правильно вос-пользоваться услугами интернет-магазина и совершить покупку:

(75a) *Kuidas osta?*

Selleks, et osta kaupu meie lehelt võite saata e-maili oma soovidega aadressile@.....com või saatke teade kodulehe üleväl oleva lingi "küsi pakkumist!" kaudu. Teine ja mugavam võimalus on lisada endale meelepärased tooted ostu-krovi ja saata meile tellimus. Saadame teile vastu arve ja juhised kuidas kaubad kätte saate. Tasuda saab nii pangauile-kandega kui ka sularahas kauba kätte saamisel. Kaubad asuvad Tallinnas kuid on võimalik saata ka osakoormatena üle Eesti. Kui teile pakub huvi mõni toode mida meil kodulehel ei ole siis saatke selle kohta hinnapäring kas e-maili või kontaktivormi kaudu.
(<http://www.ehituskaubad.com/kuidas-osta/>)

(75b) *Как купить?*

Для того чтобы приобрести товары с нашего сайта, вы можете отправить адрес электронной почты@.....com ваши пожелания или отправить со-общение в верхней части линии домаш-ней страницы "Спроси предложение!" до конца. Второй и более удобный спо-соб, чтобы добавить товар в вашем любимом ostukrovi и пришлите нам ваш заказ. Мы вышлем вам счет-фак-туру и инструкции о том, как получить поступления материала. Вы можете оплатить банковским переводом, а также наложенным платежом. Пунк-ты находятся в Таллинне, но и может послать частичные грузы по всей Африке. Если вы заинтересованы в продукте, который мы не имеем сайта отправ-те запрос цен от того, электронной почты или контактную форму.
(<http://www.ehituskaubad.com/ru/>)

Об использовании электронного переводчика здесь свидетельствуют такие неграмотные и бессмысленные фразы как *добавить товар в вашем лю-бимом ostukrovi; при составлении персонализированный цитату; обеспе-*

чить транспортную ван, грузовик или автомобиль без крана окна автомобиля; присылайте нам свои запросы и потребности донести до вас товар и т. д. В этих текстах – в числе прочих нарушений – имеются и такие парадоксальные «переводческие соответствия», как *Eesti – Ирландия* (ср. *enamike Eesti tootjate – Мы работаем с большинством Ирландии с импортеров*) (в предыдущем примере) и *Eesti – Африка* (ср. *osakoormatena üle Eesti – частичные грузы по всей Африке*) (в последнем примере).

При сопоставлении оригинального и переводного текстов в примерах (74a, 74b) и (75a, 75b) обращает на себя внимание и стилевое несоответствие русскоязычного текста сфере делового общения. Напомним, что официально-деловой текст требует точности, логичности и, что особенно важно, правильности изложения. Очевидно, что при таком количестве разнообразных нарушений норм русского языка реализация прагматической функции – предоставление информации и побуждение к действию – в данных деловых текстах на русском языке реализована быть не может, иными словами, некачественность вторичного текста препятствуют осуществлению коммуникативного акта.

Вопрос о достижении прагматической цели перевода возникает и в следующем примере:

(76a) *Noorele ja alaealisele.*

(<http://tooelu.ee/>)

(76b) *Входящему на рынке труда.*

(<http://tooelu.ee/ru>)

Поясним, что в данном случае речь идет о названии рубрик на официальной веб-странице, посвященной трудовым отношениям и всему, что с ними связано (отношения работодателя и работника, безопасность труда, действующее законодательство и т. д.). Рубрика *Noorele ja alaealisele* призвана информировать читателя о возможностях рынка труда для молодежи, об их правах и обязанностях. Разумеется, исправление грамматической ошибки *Входящему на рынке...* на фразу с правильным глагольным управлением *Входящему на рынок...* улучшило бы ситуацию, однако думается, что более удачным был бы вариант описательного перевода: *Начинающим трудовую деятельность* – поскольку пословный перевод эстонского оригинала здесь невозможен.

Серьезность переводческой ошибки обусловлена различными факторами, например, языковой компетенцией переводчика, влиянием таких экстралингвистических факторов, как юридические и профессиональные нормы, директивная политика в сфере перевода и др. [Новицкая, Вакалова 2016: 788].

Выводы

Исследование особенностей русскоязычных деловых текстов предполагает изучение не только положительного, образцового, но и отрицательного материала. Специалисты отмечают, что избежать ошибок в процессе перевода практически невозможно, однако можно приложить усилия и свести наличие недочетов к минимуму [Зиновьева, Никулина 2013].

Разумеется, приведенный в четвертой главе отрицательный языковой материал не дает полной картины речевой практики диаспоры в сферах коммуникации, т. к. нами ставилась задача охватить лишь такие виды ошибок и языковые факты, которые с точки зрения нормы, языковой корректности / некорректности характеризуют разные текстовые проявления только в деловом общении. Нарушения в области различных языковых норм и норм перевода отмечаются в текстах, относящихся к разным областям деловой жизни, которая отражается и в печатных материалах, и на сайтах министерств и ведомств, торговых организаций, страховых компаний и т. д.

Многолетние наблюдения автора диссертации над материалом деловой речи показывают, что количество грамматических нарушений становится меньше, в то время как количество лексических нарушений растет. При этом в переводах обычны комплексные нарушения, охватывающие одновременно разные уровни языка и текстово-содержательные недочеты. Причины ошибок в переводных текстах разнообразны, как и сами ошибки и их типы. Общей причиной неточностей, неправильностей можно считать интерференцию: отрицательное воздействие языка оригинала на язык перевода. Хотя результаты калькирования могут быть вполне удачными, при поверхностном переводе, опирающемся в первую очередь на калькирование языковых единиц первичного текста, возникают и ошибочные переводные выражения. Несмотря на это, переводчики продолжают использовать калькирование в качестве наиболее предпочтительного и привычного способа перевода и не высказывают готовности к применению, например, описательного перевода.

Отдельно стоит отметить то, что возможности преодоления лексических трудностей ограничены различающимися в разных языках способами словообразования и способами языковой адаптации заимствований. Однако языковые и содержательные качества переводов официальных текстов зависят не только от специфики сопоставляемых языковых систем и от языковой компетенции переводчика, но и от социальных предпочтений и частных целей перевода. Тем самым особенности переводческого процесса проявляются как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом планах. Степень композиционно-содержательного подобия эстонского оригинала и вторичного русского текста, степень точности воспроизведения структурно-смыслового единства исходного текста имеет границы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевод является главной составляющей межкультурного общения и играет важную роль в жизни общества в целом и каждого человека в частности. В условиях современной Эстонии, где государственным является эстонский язык, на котором осуществляется делопроизводство, деловая коммуникация на русском языке носит преимущественно переводной характер. При этом наличие возможности использовать адекватный переводной текст, полноценно заменяющий оригинал, сложно переоценить.

Перевод текстов официально-делового стиля является весьма сложным процессом, поскольку вторичный текст должен максимально соответствовать оригиналу и исключать любую возможность разночтения или двусмысленного понимания. Любой перевод, выполняемый в сфере официально-деловых отношений, должен быть произведен максимально точно и корректно.

Объектом исследовательского интереса стали лингвистические и экстралингвистические особенности переводных русскоязычных деловых текстов. В диссертации была поставлена цель провести теоретико-практическое изучение результатов эстонско-русского перевода деловых текстов разных жанров и выяснить, претерпело ли русскоязычное деловое общение заметные изменения под влиянием иноязычной культуры или осталось непроницаемым и неизменным по сравнению с временем первой Эстонской Республики и советским периодом.

Для достижения поставленной цели в диссертации 1) дается обзор особенностей сферы современной деловой коммуникации; 2) сопоставляются языковые факты, зафиксированные в эстонских оригиналах, с теми русскими соответствиями (корректными или некорректными в языковом отношении), которые предлагаются переводчиками; 3) оценивается качество анализируемых переводных деловых текстов с точки зрения соблюдения литературных норм и нормы перевода; 4) рассматриваются наиболее типичные для эстонско-русского перевода ошибочные употребления, нарушающие литературные нормы русского языка.

Работа с текстами официально-делового стиля была начата диссертантом еще в 2007 году. Осмысление фактического языкового материала осуществлялось в бакалаврском [Вельман-Омелина 2008], а затем в магистерском [Вельман-Омелина 2011] исследованиях.

Языковой материал отбирался автором из открытых и доступных автору источников, в которых зафиксированы параллельные тексты как в виде печатной продукции, так и в электронной форме. Основную массу материала составили деловые тексты разных жанров информирующего, разъясняющего, регламентирующего и инструктирующего характера. Для анализа были выбраны нацеленные на широкого адресата разножанровые бумажные и электронные параллельные тексты, в которых отражаются современные тенденции развития и официально-деловой коммуникации, и функциональной стилистики как научной отрасли.

Получившая широкое распространение электронная деловая коммуникация, как правило, представляет собой совокупность связанных между собой взаимными ссылками документов, что превращает прежний жестко фиксированный деловой текст в гипертекст, потенциально готовый к необходимым техническим и содержательным трансформациям. Следствием этого становится мобильность и изменчивость самих деловых электронных текстов, в том числе и текстов переводов, которые также подвергаются изменениям: они правятся, дополняются, заменяются или исчезают совсем. Подобные факты приводятся и в языковом материале диссертации.

В данной работе не рассматривались официально-деловые переводные тексты институциональных жанров: законов, кодексов, юридических документов, регулирующих жизнь государства в целом. Почти не представлены и такие жанры, которые оказались для автора диссертации малодоступными: деловая переписка, личные деловые бумаги и т. д. Кроме того, за рамками данного исследования остались и устные жанры деловой коммуникации: деловые переговоры, собеседования, допросы в государственных учреждениях. Хотя в процессе переводческой деятельности у автора диссертации частично имелся доступ к подобному вербальному материалу строго конфиденциального характера, использовать его в качестве примеров, даже без соотнесения с конкретными личностями, было невозможно.

Автор диссертации сосредоточил свое внимание на периферийных деловых текстах, которые создаются исполнительной властью и разными частными структурами для регулирования и регламентирования действий человека, его информирования с целью направить на оптимальное поведение в деловом общении. Таким образом, в диссертации анализировались многочисленные пограничные виды текстов: методические и информационные материалы, инструкции-рекомендации, инструкции-тесты, внутренние распорядительные инструкции, сообщения потребителю-клиенту, счета за услуги, деловая реклама, коммерческие предложения и др.

Теоретической основой исследования послужили труды по функциональной стилистике, теории и практике перевода, а также по языку диаспоры. Анализ потребовал привлечения ряда эмпирических методов исследования: наблюдения, сопоставления, описания. Поскольку сопоставительный анализ оригинала и перевода позволяет сравнивать их качества с точки зрения и текстовых, и языковых особенностей, метод сопоставления является в данной работе основным.

По ряду оснований сбор статистических данных оказался нецелесообразным и неуместным по причине его несоответствия особенностям материала. Во-первых, принять за единицу отсчета объема материала законченный текст не представляется возможным, т. к. тексты значительно различаются по количеству знаков, а электронные тексты, содержащиеся в различных электронных системах, могут не иметь четких границ в силу гипертекстовых связей. Во-вторых, подсчет отдельных обработанных языковых единиц показал себя как неэффективный и просто неразумный из-за

их уровневой разнородности и содержательной разнотипности, а также из-за наличия в переводных текстах комплексных разноуровневых нарушений.

Использованные методы позволили достичь поставленной цели: проведенный анализ убедительно показывает, что русскоязычное деловое общение, всё-таки сохраняющее опору на традиционные основы официально-делового общения, в современной Эстонии претерпело существенные изменения под влиянием общемировых тенденций и иноязычных культур. По ряду поставленных вопросов получены следующие результаты:

1. Современная официально-деловая коммуникация больше не является безальтернативно-бумажной средой, множество деловых манипуляций можно проделать только при помощи электронного канала общения, располагающего различными интернет-системами. В сегодняшних условиях делового общения формируются новые жанры официально-делового стиля, а количество различных типов документов, которые используются и порождаются в официально-деловых ситуациях столь велико, что и классифицировать, и словесно обозначить новые жанры крайне сложно. Показательно, например, что в классификацию жанров официально-делового стиля обычно не включаются жанры официально-деловой и социальной рекламы.

Несмотря на то, что официально-деловой стиль продолжает обслуживать сугубо официальные сферы общественной жизни, можно утверждать, что, деловое общение стало пониматься значительно шире в силу того, что оно вышло за пределы традиционных рамок официально-делового стиля. Однако стоит отметить, что осмысление официально-делового стиля в духе современных тенденций не противоречит традиционным характеристикам, а подчеркивает современные особенности деловой коммуникации.

Официально-деловая сфера сегодня стала неотъемлемой частью жизни каждого человека. Именно в деловой многоканальной среде происходит, в том числе, и общение, обмен информацией между государственными инстанциями и юридическими или частными лицами. Тем самым официально-деловая коммуникация в широком смысле противопоставляется частному общению.

2. В современной Эстонии официально-деловая коммуникация на русском языке носит в основном переводной характер. Русский язык диаспоры имеет двойственную направленность – с одной стороны он ориентирован на современный русский язык России, с другой стороны приобретает и собственные черты, находясь под влиянием эстонского языка. Иными словами, данные варианты русского языка обладают как общими, так и различающимися языковыми и речевыми проявлениями.

Специфика русского языка в Эстонии наиболее ярко проявляется на уровне лексики, ибо все изменения в жизни общества отражаются в первую очередь в лексике. В региональном варианте русского языка особенности его функционирования в условиях диаспоры проявляются в виде наличия

в русских переводных деловых текстах эстоноязычных вкраплений, регионализмов, и относительно небольшого, по сравнению с русским языком России, числа заимствованных англицизмов.

Хотя русский язык диаспоры не лишен влияния английского языка, данный процесс обычно происходит не прямолинейно – только путем прямого заимствования лексем из английского языка, как в русском языке России, а через посредство эстонского языка, поскольку эстоноязычные официально-деловые тексты (а также отдельные термины и понятия, относящиеся к деловой сфере) нередко переводятся с английского как основного языка в делопроизводстве Европейского союза. Особой внимательности требуют от переводчиков деловые тексты с региональными языковыми единицами. К последним относятся названия местных реалий, юридических объединений, видов деятельности и т. д. Многие из них не вызывают сложностей в процессе перевода, однако значительно и число таких регионально отличающихся понятий, перевод которых предполагает наличие у переводчика фоновых знаний, ср.: *риэлтор* и *маклер*, *внешний / арбитражный управляющий* и *банкротный управляющий*, *услуги коллекторского агентства* и *инкассо-фирмы*. Кроме того, переводчик должен понимать, где и кем будет использоваться переводной текст, и учитывать данный факт в процессе перевода, чтобы сделать правильный выбор в пользу регионального или принятого в русском языке России словарного соответствия.

3. К особенностям деловой коммуникации в условиях диаспоры относится и широкое использование деловых – как бумажных, так и электронных – параллельных текстов разнообразной тематики. В виде параллельных функционируют тексты ряда законов, банковских документов, штрафов, официальных информационных, инструктирующих материалов и т. д.

Параллельные тексты могут быть двуязычными в том случае, если рассчитаны на постоянных жителей Эстонии, однако, если информация направлена и на граждан других стран, то переводы могут быть и мультилингвальными (обычно используется три языка: эстонский, русский и английский).

Несмотря на то, что параллельные деловые тексты зеркальны с точки зрения текстового наполнения и рубрикации, они могут различаться орфографическими, лексическими, грамматическими и стилистическими качествами, которые зависят от языковой компетенции и вкусов переводчика, прагматических целей перевода, финансирования переводческих услуг и др.

4. Актуален вопрос теоретико-практического осмысления особенностей и проблем эстонско-русского делового перевода. Теоретические положения переводоведения, применимые к паре языков эстонский-русский, отражены автором в третьей главе проведенного исследования. На основе анализа языкового материала и имеющихся в научной литературе по теории и практике перевода разработок, автором диссертации был составлен перечень переводческих трансформаций (приемов), которые типичны для

эстонско-русского перевода. Проведенный анализ различных переводных текстов свидетельствует о том, что в изученном языковом материале эпизодичными оказались прием опущения и прием аналогового перевода. В качестве наиболее привычного способа перевода переводчики используют калькирование и не высказывают готовности к применению, например, описательного перевода.

Сопоставление параллельных текстов наглядно демонстрирует особую значимость лексики, поскольку в процессе создания вторичного текста переводчик в первую очередь испытывает трудности на лексическом уровне. Сложности вызывает перевод регионализмов и эстонских сложных слов, ограниченная возможность использования синонимов, различные новшества, появляющиеся в языке оригинала и перевода.

Перевод эстонских сложных слов, которые могут быть многокорневыми, представляет собой достаточно частую проблему, возникающую в процессе эстонско-русского официально-делового перевода. Характерная для эстонского словообразования склонность к объединению корневых морфем в одно слово вызывает дополнительные трудности при отсутствии в переводящем деловом языке устоявшегося точного эквивалента, поскольку наиболее типичными соответствиями эстонским сложным словам являются не русские сложные слова, а словосочетания. Однако в переводные тексты продолжают проникать такие ошибочные образования как *светокамень*, *школообязанный* и т. д.

Определенные затруднения при переводе порождают изменения, которые произошли как в самом в речевом этикете (о чем говорится в параграфе 3.4.), так и в практике перевода формул вежливости. Так, выбор между *ты* – *sina* и *Вы* – *Teie* формами в рамках делового общения регулируется нормами речевого этикета, определенными требованиями к реквизитам разных документов, заданным уровнем официальности (формальности) и т. п. Однако в процессе перевода необходимо учитывать не только содержание и форму оригинального текста, но и культурно-языковые традиции переводящего языка. Изучение параллельных текстов свидетельствует о том, что если раньше наблюдалось стремление сохранить в переводном тексте формулы вежливости, имеющиеся в оригинале, то сейчас переводчики обычно прибегают к замене распространённой в современном деловом общении на эстонском языке формы *Sina* ‘Ты’ формой *Вы*. То есть, прослеживается тенденция к учету культурных традиций и принципов деловой этики переводящего языка

5. Представленное исследование предполагало изучение не только положительного, но и отрицательного языкового материала. В русской деловой среде Эстонии, помимо корректных переводов, наблюдаются и тексты с различными видами ошибок. Нарушения в области языковых и переводческих норм отмечаются в текстах, относящихся к разным областям деловой жизни, которая отражается и в печатных материалах, и на сайтах министерств и ведомств, торговых организаций, страховых компаний и т. д.

Многолетние наблюдения автора диссертации над материалом деловой речи показывают, что количество грамматических нарушений становится меньше, чего нельзя сказать о лексических нарушениях. В проанализированных переводных текстах большая часть нарушений допущена на лексическом уровне. Подобного рода ошибки могут значительно усложнять восприятие текста, препятствовать однозначному пониманию информации, создавать комический эффект, вызывая тем самым недоумение у потребителя перевода. Неудачный выбор лексем обычно приводит и к нарушениям закономерностей различных типов лексической сочетаемости.

На грамматическом уровне обращает на себя внимание неправильный выбор предложно-падежной формы и нарушение порядка слов. Примечательно, что, невзирая на существенное отличие глагольных систем эстонского и русского языков, перевод глагольных словоформ осуществляется удачнее, чем перевод словоформ существительных. В. П. Щаднева [Щаднева 2011: 543] объясняет это «предпочтением в официальных текстах обоих языков глагольных форм с отвлеченно-обобщающим значением».

Обычной проблемой в переводных текстах являются комплексные ошибки, которые охватывают одновременно и разные уровни языка, и различные содержательные нарушения. Общей причиной ошибок можно считать интерференцию: отрицательное воздействие языка оригинала на язык перевода. Хотя результаты калькирования могут быть вполне удачными, при поверхностном переводе, опирающемся исключительно на калькирование языковых единиц первичного текста, возникают и ошибочные переводные выражения. Обычно такая ситуация наблюдается в тех случаях, когда деловой текст превратно воспринимается как несложный, маловажный и не заслуживающий внимания профессионала, что в итоге приводит к привлечению к переводческой деятельности не специалистов-переводчиков, а носителей языка без филологической подготовки.

Безусловно, на качество переводного текста влияет и исходный оригинальный текст – его соответствие языковым нормам эстонского языка и принятым в эстонской традиции требованиям к текстам, однако оценка качества оригинала выходит за рамки данного исследования и компетенции автора (нами приводятся лишь отдельные попутные наблюдения, например в параграфе 4.1.).

Описанный в диссертации деловой язык русской диаспоры, будучи результатом влияния эстонского и английского языков, а также современного русского языка России, имеет свои особенности. На основе проведенного анализа можно заключить, что к проблемам, сложностям эстонско-русского делового перевода, влияющим на качество переводного текста, относятся:

1. Невнимательное отношение переводчиков к экстралингвистическим и прагматическим факторам в процессе эстонско-русского делового перевода, ибо перевод является не только языковым, но и сложным текстовым и когнитивным явлением.

2. Необходимость учитывать возможные расхождения между вариантами русского языка в России и в Эстонии, что означает недостаточность простого владения эстонским и русским языком, поскольку следует также знать и понимать специфику региональных вариантов русского языка. О необходимости отражать региональные различия в переводе свидетельствуют, например, несколько различающееся протекание процесса заимствования из английского языка, наличие разных реалий или особые региональные названия сходных реалий и др.
3. Вынужденность переводчиков заниматься «терминотворчеством», в результате чего деловые тексты наполняются региональными понятиями (часто вариативными), которые по разным причинам не всегда имеют словарное (общеизвестное) соответствие в русском литературном языке.
4. Своеобразие самих языковых систем, например, явная склонность к сложным словам, к объединению корневых морфем в одной лексеме, характерная для эстонского словообразования и гораздо менее свойственная русскому языку, создает дополнительные трудности для переводчиков.

Тем самым особенности переводческого процесса в условиях диаспоры проявляются как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом планах. Иными словами, переводчику приходится учитывать целую совокупность языковых и внеязыковых факторов, чтобы добиться максимально корректного соответствия переводного текста оригиналу. Такая задача актуальна, ибо в сфере эстонско-русской официально-деловой коммуникации некорректно выполненные переводы всё-таки имеют место, несмотря на в целом постепенное улучшение качества переводных текстов.

Подчеркнем, что в лингвистическом отношении переводческая деятельность, будучи явлением комплексным, требует целостного представления об устройстве языка, особенностях межъязыковых соответствий, языковой способности и т. п. [Рябцева 2013: 24]. Переводчик должен владеть не только самим языком, но и знаниями о языке, чтобы осуществить правильный выбор той или иной лексики, грамматической формы или способа перевода. Именно переводчики решают, и какую лексику выбрать в качестве соответствия языковой единице оригинала, и какие именно словари и справочники использовать.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке переводчиков эстонско-русско-эстонского направления, в теории и практике эстонско-русского перевода, при составлении учебных пособий. Итоги анализа конкретных текстово-языковых материалов способны служить своего рода практическими рекомендациями для действующих переводчиков. Кроме того, полученные результаты могут оказаться полезными для преподавателей как русского, так и эстонского языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е. А. Из истории староверов Западного Причудья в XIX столетии (по документам Исторического архива Эстонии) // *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. Отв. ред. Кюльмоя И. П., Тарту, 2004. С. 18–26.
- Алпатов В. М. *150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. М., 2000.
- Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды Т 1*. М., 1995.
- Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика № 1*. М., 2012.
- Балыхина и др. = Балыхина Т. М., Лысякова М. В., Рыбаков М. А. *Русский язык и культура речи*. Федеральный фонд учебных курсов. М. Веб-ресурс: <http://imp.rudn.ru/ffec/rlang-index.html> (Дата просмотра: 08.03.2017).
- Бархударов Л. С. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. М., 2010.
- Березин Ф. М. *История лингвистических учений*. М., 1992.
- Большая челобитная Ивана Пересветова 1540-е гг. *Сочинения Ивана Семеновича Пересветова*. Библиотека литературы Древней Руси Т 9: Конец XIV–первая половина XVI века. Санкт-Петербург, 2000. Веб-ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5115> (Дата просмотра: 10.08.2017).
- Булаховский Л. А. *Исторический комментарий к русскому литературному языку*. М., 1975.
- Бутакова Л. О. Опыт классификации ошибок, свойственной письменной речи // *Вестник Омского университета*. Вып. 2. Омск, 1998. С. 72–75 Веб-ресурс: <http://www.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998-i2/a072/article.html> (Дата просмотра: 01.05.2016).
- Бялэк Э. Лексические и семантические неологизмы в аспекте перевода // *Изменения в языке и коммуникации: XXI век. Сборник статей*. Отв. ред. Кронгауз М. А., М., 2006. С. 123–143.
- Валгина Н. С. *Теория текста. Учебное пособие*. М., 2003. Веб-ресурс: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm> (Дата просмотра: 12.06.17).
- Валиахметова Д. Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Труды и материалы: В 2 т., Казань, 2001. С. 7–9*.
- Векшин Г. В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // *Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной*. М., 2002. С. 36–67. Веб-ресурс: <http://philologos.narod.ru/vekshin/langcom.htm> (Дата просмотра: 10.01.18).
- Вельман-Омелина Е. *Структура и языковые особенности документов официально-канцелярского подстиля на примере русских и эстонских деловых текстов*. Бакалаврская работа. Тарту, 2008.
- Вельман-Омелина Е. *Особенности эстонско-русских переводов официально-деловой информации*. Магистерская работа. Тарту, 2011.
- Вельман-Омелина Е., Щаднева В. Сложное слово и словосочетание в свете внутри- и межъязыкового взаимодействия (на материале переводов деловых текстов) //

- Славистика в Эстонии и за ее пределами Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X.* Тарту, 2013. С. 247–258.
- Вельман-Омелина Е. М. Отражение особенностей современного официально-делового общения в эстонско-русских переводных текстах // *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антрополоцентризм в языке и речи.* Тарту, 2014. 231–242.
- Вельман-Омелина Е. 2015а = Вельман-Омелина Е. Об эмоциональной составляющей официально-делового текста // *Русская филология.* 26. Отв. ред. Вельман-Омелина Е., Гузаиров Т., Чекада А. Тарту, 2015. С. 245–252.
- Вельман-Омелина Е. 2015b = Вельман-Омелина Е. О некоторых особенностях непринужденной деловой коммуникации на русском языке в условиях Эстонии // „*Mówimy, jak mówimy...*”. *Gdzie ukryta jest potoczność.* Gdańsk, 2015.
- Виноградов В. В. Избранные труды. *История русского литературного языка.* М., 1978. С. 288–297.
- Виноградов В. В. *Проблемы русской стилистики.* М., 1981.
- Влавацкая М. В. Сочетаемость слов: норма и ее нарушение // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. Тамбов, 2014. С. 66–70.
- Власть* 2007, № 43(747), 05.11.2007. Веб-ресурс: kommersant.ru/doc.aspx?docsid=821763 (Дата просмотра 01.09.2016).
- Власян Г. Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // *Вестник Челябинского государственного университета.* № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. Челябинск, 2011. С. 36–38.
- Воронцова Т. А. Функциональная стилистика vs дискурсология или функциональная стилистика + дискурсология? // *Актуальные проблемы стилистики.* М., 2015. С. 71–79.
- Вяль А. *Особенности деловой электронной переписки в условиях глобализации.* Бакалаврская работа. Тарту, 2012.
- Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей.* Ред. Кондрашов Н. А. М., 1967. С.338–377. (Перевод на русский язык Широковой А. Г.).
- Гайда С. Актуальные задачи стилистики // *Актуальные проблемы стилистики.* М., 2015. С. 11–22.
- Гарбовский Н. К. *Теория перевода.* М., 2004.
- Гарбовский Н. К. Семь вопросов дидактики перевода или scopus-дидактика переводческой деятельности // *Вестник Московского университета.* Серия 22. Теория перевода № 4. М., 2012. С. 36–55.
- Герасименко и др. = Герасименко Т. Л., Гулая Т. М., Зенина Л. В., Романова С. А. Особенности перевода безэквивалентной экономической лексики и аббревиатур делового английского языка // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова.* Филологические науки № 3. М., 2014. С. 103–107.
- Голев Н. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном мета-языковом сознании участников виртуальной коммуникации // *Вестник Томского государственного университета, Филология.* Томск, 2013. С. 12–30.
- Головин Б. Н. *Основы культуры речи.* М., 1980.
- Голуб И. Б. *Русский язык и культура речи.* М., 2006.

- Голышкина и др. = Голышкина Л. А., Кротова А. Г., Мандрикова Г. М., Пермякова Т. Н. *Документная лингвистика. Основы теории. Практикум: учебное пособие*. Новосибирск, 2015.
- Горицкая О. С. Обращение на ты и Вы в русской коммуникативной культуре: история и современность // *Материалы для отчетной лекции 27.07.2009*. Кичкинэ, 2009. Веб-ресурс: philology.by/uploads/logo/goritskaya_crimea.doc (Дата просмотра: 22.09.2017).
- Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. *Культура русской речи*. М., 2002.
- Григорьева Л. Н. Понятие параллельного текста и его роль в процессе перевода // *Университетское переводоведение. Выпуск 11. Материалы XI международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 20–23 октября 2010*. Отв. ред. Шадрин В. И. Санкт-Петербург, 2011. С. 146–151.
- Дубьева Л. В. Положение старообрядцев Западного Причудья в первой половине и середине XIX века (по документам Исторического архива Эстонии и Государственного исторического архива Латвии) // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II*. Humaniora: Lingua Russica. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2007. С. 13–37.
- Евстратова С. Б. Особенности функционирования лексики в русскоязычной прессе Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2000. С. 159–166.
- Евстратова С. Использование русского языка в средствах массовой информации Эстонии // *СЛОВО.РУ: балтийский акцент*. Kaliningrad, 2012. С. 44–48.
- Евстратова С. Отношения межкультурной эквивалентности в газетных заголовках на русском и эстонском языках // *Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIV*. Отв. ред. Полковникова С. Даугавпилс, 2014. С. 132–137.
- Евтеев С. В., Семёнов А. Л. Перевод: параллельные тексты и системы «память переводчика» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. Выпуск № 3. М., 2014. С. 128–139.
- Егорова О. С., Никитин Д. С. Тематическая классификация новых англицизмов (на материале современной российской газеты) // *Ярославский педагогический вестник*. № 1 – Том I Гуманитарные науки. Ярославль, 2011. С. 137–141.
- Загоровская О. В. *Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии*. Воронеж, 2013.
- Зверева Е. Н. *Основы культуры речи. Теоретический курс*. М., 2008.
- Зиновьева Т. А., Никулина Н. Ю. Переводческая ошибка. Понятие, причины, классификация // *Современная филология: материалы II Международной научной конференции*. Отв. ред. Шульга О. А.. Уфа, 2013. С. 107–109. Веб-ресурс: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/78/3277/> (Дата просмотра: 20.05.2018).
- Золотова Е. С. Естественная письменная речь как источник изучения профессиональной языковой личности // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. Челябинск, 2011. С. 226–228.
- Иванов А. О. *Безэквивалентная лексика*. Учебное пособие. 2006
- Иссерс О. С. *Люди говорят...: дискурсивные практики нашего времени*. Омск, 2012.
- Ицкович В. А. *Очерки синтаксической нормы*. М., 1982.
- Казанцев А. И. *Особенности перевода клише и штампов официально-делового языка (на материале французского языка)*. Челябинск, 2002.

- Камалетдинова А. Б. *Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации (1996–2001 гг.)*. Диссертация. Башкирский государственный педагогический университет. Уфа, 2002.
- Карабань Н. А. *Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка*. Автореферат диссертации. Волгоград, 2006. Веб-ресурс: <http://cheloveknauka.com/kommunikativno-pragmaticheskie-aspekty-realizatsii-kategorii-vezhливости-v-ofitsialno-delovom-stile-russkogo-yazyka#ixzz2zb0MrLK9> (Дата просмотра: 28.04.16).
- Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // *Вопросы языкознания* 6. М., 1992. С. 5–19.
- Катин-Ярцев М. Ю. *Балтийско-немецкое дворянство на российской службе, конец XVIII–начало XX вв.* Автореферат диссертации. М., 2000. Веб-ресурс: <http://cheloveknauka.com/baltiysko-nemetskoe-dvoryanstvo-na-rossiyskoy-sluzhbe-kontsa-xviii-nachala-xx-vv#ixzz5KNtNtKh> (Дата просмотра: 01.07.2018).
- Клушина Н. И. Современная стилистика: проблемы и перспективы // *Актуальные проблемы стилистики*. М., 2015. С. 44–51.
- Ковалевская Е. Г. *Избранное 1963–1999*. Санкт-Петербург – Ставрополь, 2012.
- Кожин и др. = Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. *Функциональные типы русской речи*. М., 1982.
- Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. М., 1977.
- Кокшарова И., Фогельберг К. Прагматические значения обращений ты / Вы у эстонцев, русских в России и русскоязычной диаспоры Эстонии // *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Ред. Кудрявцев Ю. С., Кюльмоя И. П. Тарту, 2009. С. 45–65.
- Колтунова М. В. *Язык и деловое общение. Нормы, риторика, этикет*. М., 2002.
- Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М., 1990.
- Конькова А. Ю. *Формирование и развитие систем документации жизнедеятельности населения России XVIII–начала XX веков*. Автореферат диссертации. М., 2004. Веб-ресурс: <http://tekhnosfera.com/formirovanie-i-razvitie-sistem-dokumentatsii-zhiznedeyatelности-naseleniya-rossii-xviii-nachala-xx-vekov> (Дата просмотра 15.06.2018)
- Коркин А. *Словообразовательная специфика отглагольных существительных и особенности их перевода с эстонского языка на русский: на материале «Деликтно-процессуального кодекса»*. Бакалаврская работа. Тарту, 2007.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // *Новое в лингвистике. Вып. 3*. М., 1963. С. 224–273.
- Костанди Е. Русская разговорная речь диаспоры // *Микроязыки. Языки. Интерязыки*. Под ред. Кюннапа А., Лефельдта В., Кузнецова С. Н. Тарту, 2006. С. 332–336.
- Костанди Е. Лингвокультурологический аспект разговорной речи русской диаспоры Эстонии // *Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Отв. редактор Полковникова С. Даугавпилс, 2007. С. 344–350.
- Костанди Е. И. Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры // *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Ред. Кудрявцев Ю. С., Кюльмоя И. П. Тарту, 2009. С. 65–82.

- Костанди Е. И. Номинация и референции – проблемы выбора в иноязычной среде // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире*. П. Ред. Паликова О. Н. Тарту, 2011. С. 142–159.
- Костанди Е. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // *Русистика и современность. 18-международная научная конференция. Сборник статей*. Ред. Архангельская Э., Игнатъева Л. Рига, 2016. С. 273–280.
- Красивова А. Н. *Деловой русский язык: Учебно-практическое пособие*. М., 2001. Веб-ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/krasiv/index.php (Дата последнего просмотра: 28.04.16)
- Крысин Л. Языковая норма и речевая практика // *Отечественные записки. Общество в зеркале языка*. №2. М., 2005. Веб-ресурс: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-norma-i-rechevaya-praktika> (Дата просмотра: 28.06.2018).
- Кузнецова Н. Письменная речь в интернет-коммуникации: проблема отношения к несоблюдению орфографических норм // *Молодежь – будущее России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 ноября 2009 года, часть 2*. Ред. Ермакова Н. А., Майер В. В., Надейкина Т. В., Рейн В. А., Силукова Г. Н. Тюмень, 2009. С. 234–237.
- Кулемина К. В. Основные виды переводческих трансформаций. *Вестник АГТУ № 5 (40)*, Астрахань, 2007. С. 143–146.
- Купп-Сазонов С. *О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках)*. Докторская диссертация. Тарту, 2015.
- Кушнерук С. П. *Документная лингвистика*. М., 2008.
- Кюльмоя И. П. Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2000. С. 84–93.
- Кюльмоя И. Об исследовании языка русской диаспоры в странах Балтии // *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI*. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2002.
- Кюльмоя И. П. Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Ред. Кудрявцев Ю. С., Кюльмоя И. П. Тарту, 2009. Стр. 11–25.
- Кюльмоя И. Русская речь в современной Эстонии // *Rosja w dialogu kultur. Literatura. Język. Folklor. Idee. Abstrakty wystąpień na międzynarodowej konferencji naukowej 19–20 września 2013*. Торунь, 2013. С. 47–48.
- Ларина Т. В. Снижение формальности как одна из современных тенденций в коммуникации // *Изменения в языке и коммуникации: XXI век. Сборник статей*. Отв. ред. Кронгауз М. А. М., 2006. С. 193–209.
- Латышев Л. К. *Технология перевода*. М., 2005.
- Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // *Вестник Алтайской государственной педагогической академии*. № 1–2. Алтай, 2001. С. 4–10.
- Ливинская И. В. К вопросу о региональном варьировании национального языка // *Вестник МГОУ. Серия: Русская филология № 6* М., 2015. С. 37–42.
- Лисицкая Л. Г. *Культура русской речи: Учебное пособие для студентов, изучающих курс русского языка и культуры речи*. Армавир, 2007. Веб-ресурс: http://pedlib.ru/Books/6/0378/6_0378-1.shtml (Дата просмотра: 18.08.2018).

- Лобанов И. Б. *Русский язык и культура речи*. М., 2007.
- Милютина Т. П. *Люди моей жизни*. Тарту, 1997.
- Миньяр-Белоручев Р. К. *Общая теория перевода и устный перевод*. М., 1980. С. 3–14. (Перевод на русский язык Маковски М. М.).
- Михайлов Л. *Поселения Причудья*. Таллинн, 2008.
- Москвин В. П. *Стилистика русского языка*. Теоретический курс. Ростов-на-Дону, 2006.
- Мурашов А. А. *Культура речи*. Москва – Воронеж, 2004.
- Мусорин А. Ю. *Основы науки о языке*. М., 2004.
- Найда Ю. А. Наука перевода // *Вопросы языкознания*. № 4. М., 1970.
- Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. *Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней*. М., 2006.
- Нещименко Г. П., Язык компьютерного общения как предмет лингвистического анализа (с учетом данных сопоставительного изучения русского и чешского языков) // *III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», 20–23 марта 2007*, М., 2007. С. 448–449.
- Новицкая И. В., Вакалова А. Е. Теория ошибки в свете различных подходов // *Молодой ученый* № 26 (130). Казань, 2016. С. 788–794.
- Общее языкознание = *Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка*. Ред. Серебренников Б. А. М., 1970.
- Паликова О. Н. Русский язык в рекламных каталогах Эстонии // *Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Ред. Кудрявцев Ю. С., Кюльмоя И. П. Тарту, 2009. С. 143–168.
- Паршин А. В. *Теория и практика перевода*. М., 1999. Веб-ресурс: <http://www.litmir.net/br/?b=123949> (Дата просмотра: 11.06.2017).
- Петрикова Д. *Использование латиницы в официально-деловых текстах на русском языке (на материале сайтов Министерства социальных дел, Министерства внутренних дел, Министерства культуры)*. Бакалаврская работа. Тарту, 2010.
- Плещенко и др. = Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. *Стилистика и культура речи*. Минск, 2001. Веб-ресурс: <http://scicenter.online/rechi-kultura-stilistika-scicenter/stilistika-kulturyi-rechi-ucheb-posobie.html> (Дата последнего просмотра: 30.06.2018).
- Протасова Е. Письменная речь русского зарубежья: Финляндия // *Изменения в языке и коммуникации: XXI век. Сборник статей*. Отв. редактор Кронгауз М. А. М., 2006. С. 225–247.
- Практическая стилистика = *Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили*. Под ред. Алексеева В. А. и Роговой К. А. М., 1982.
- Ратмайр Р. *Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении*. М., 2013.
- Рахманин Л. В. *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов*. М., 1982.
- Рецкер Я. И. *Учебное пособие по переводу с английского языка на русский*. М., 1981.
- Рецкер Я. И. *Теория перевода и переводческая практика*. М., 2006.
- Рисинзон С. А. Использование этикетных средств в деловой беседе // *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы*. М., 2010. С. 205–206.

- Русское = *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике* (1918–1940). Под ред. Исакова С. Г. Тарту, Санкт-Петербург, 2001.
- Рябцева Н. К. *Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект*. М., 2013.
- Сокол Ю. *Активизация процессов калькирования в языке диаспоры (на материале сайта Министерства социальных дел ЭР)*. Бакалаврская работа. Тарту, 2010.
- Солганик Г. Я. *Стилистика текста*. М., 1997. Веб-ресурс: <http://books4study.net/item1726.html> (Дата последнего просмотра: 28.04.16)
- Стернин И. А. *Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования*. М., 2006.
- Стилистика русского языка = *Стилистика русского языка*. Под ред. Шанского Н. М. Ленинград, 1989.
- Узерица М. С. *Этика делового общения*. Ульяновск, 2004.
- Фегели А. М. *Использование официально-деловых текстов в профессиональной подготовке студентов-русистов*. Магистерская работа. Тарту, 2010.
- Федоров А. В. *Основы общей теории перевода*. М., 1983.
- Формановская Н. И. *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*. М., 1982.
- Хакимова Е. М. Отступления от лексической нормы в современных российских СМИ // *Мир русского слова* – 2 / 2010. Санкт-Петербург, 2010. С. 73–77.
- Цой А. И. Градация эмотивности в письменной бизнес-коммуникации // *Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сборник научных трудов*. Саратов, 2011. С. 59–64.
- Цой А. И. Нулевая эмотивность // *Вестник ВЭГУ № 6*. Уфа, 2012. С. 140–144.
- Чекунова М. А. Признаки делового текста в современной политико-административной медиакоммуникации в интернете // *Вестник МГОУ. Серия: Русская филология 2016 / № 4*. М., 2016. С. 77–84. Веб-ресурс: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/9943> (Дата просмотра 05.07.2018).
- Чернышова Л. А. *Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы*. М., 2010.
- Чернышева М. А. Региональные варианты языка как источник формирования филологической компетенции (на материале французских выражений в Нормандии) // *General and Professional Education*. Щецин, 2010. С. 217–228.
- Швейцер А. Д. *Перевод и лингвистика*. М., 1973.
- Швейцер А. Д. *Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты*. М., 1988.
- Шевчук В. Н. *Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика* – 2. М.: 2013.
- Шмелёв Д. Н. *Современный русский язык. Лексика*. М., 1977.
- Шорт Т. К. Документы о староверах в фонде «Дерптская управа благочиния» (1826–1888) // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2007. С. 59–72.
- Щаднева В., Веллеару В. О порядке слов в субстантивно-атрибутивном словосочетании // *Valoda XX. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Ред. Бердичевский А. и др. Даугавпилс, 2002. С. 42–47.
- Щаднева В. Языковые качества русскоязычных изданий Эстонии // *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия; VI*. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2002. С. 297–307.

- Щаднева В. П. О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии // *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Ред. Кудрявцев Ю. С., Кюльмоя И. П. Тарту, 2009. С. 224–245.
- Щаднева В. П., Кудрявцев Ю. С. Особенности официально-деловой коммуникации на русском языке в языковой ситуации современной Эстонии // *Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2010 г. Труды и материалы*. М., 2010. С. 682–683.
- Щаднева В. П. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов. *Русистика и современность. 13-я Международная научная конференция. Сборник научных статей*. Ред. Архангельская Э., Игнатьева Л., Романова О. Рига, 2011. С. 540–545.
- Щаднева В. П., Кудрявцев Ю. С. Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире*. Ред. Паликова О. Н. Тарту, 2011. С. 246–265.
- Щаднева В., Вельман-Омелина Е. Традиции и нововведения в официально-деловом общении (на материалах переводов в условиях диаспоры) // *Текст, культура, перевод. Сборник статей по материалам международной конференции 23–25 мая 2012 г.* Ред. Архангельская Э., Маркина И. Рига, 2012. С. 336–344.
- Щаднева В. П., Вельман-Омелина Е. М. Особенности официально-делового общения на русском языке в условиях современной Эстонии // *Гуманитарные чтения РГТУ–2012*. М., 2013. С. 54–68.
- Щаднева В. Региональные варианты русской речи в аспекте языковой рефлексии (на материале метаязыковых комментариев на интернет-форумах) // *Slavica–2015: filoloģijas pētījumi Rusistica Latviensis 5*. Ред. Спроге Л., Шром Н., Курпниеце Р. Рига, 2015. С. 112–120.
- Щаднева В. П., Вельман-Омелина Е. М. Параллельные тексты и практика эстонско-русского делового перевода // *Актуальные проблемы контактной лингвистики. Сборник научных статей по материалам международной конференции 2016 года „Языковые контакты и контрасты III”*. Ред. Кошкин И., Стойкова Т. Вентспилс, 2018. С. 217–231. В печати.
- Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // *Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку*. М., 1957. С. 110–129.
- Ярцев С. А. Концепт «официальный документ» в сознании студентов как носителей языка // *Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка*. М., 2010. С. 221.
- Aareleid, E. *Inglise ärikeelee tõlkimisest Eesti ajakirjanduses*. Tallinn, 2006.
- Aavik, A. *Funktsionaalstiilidest praktiliselt*. 2015. Веб-ресурс:
<http://funktsionaalstiilid.weebly.com/ametlik-stiil.html> (Дата просмотра: 01.07.2018).
- Brown, P., Levinson, S. Universals in language usage: Politeness phenomena // *In E. N. Goody (Ed.), Questions and politeness: strategies in social interaction*. Cambridge, 1978. С. 56–311.
- Crystal, D. *Language and the Internet*. Cambridge, 2006.

- Hennoste, T. Allkeeled // *Eesti keele allkeeled. Tartu Ülikooli Eesti keele õppetooli toimetised* 16. Toim. Hennoste, T. Tartu, 2000. C. 9–53.
- Kasik, R. Kuidas kirjutada selget tarbetekesti // *Oma Keel*. Tallinn, 2007. C. 46–51.
- Keeleseadus 2011*. Be6-pecypc:
<https://www.riigiteataja.ee/akt/118032011001?leiaKehtiv> (Дата просмотра: 17.10.2018).
- Keevallik, L. Sinatamisest ja teietamisest koolilaste arvamuste põhjal // *Keel ja kirjandus*. Tallinn, 1998. C. 541–553.
- Kukk, I. Blankett suhtluses // *Tartu Ülikooli Eesti keele õppetooli toimetised* 23. Toim. Kasik, R. Tartu, 2002. C. 47–55.
- Kull, R. *Kirjakeel, oskuskeel ja üldkeel*. Tallinn, 2000.
- Lin, T. The Concepts of “Politeness”: A Comparative Study in Chinese and Japanese Verbal Communication // *Intercultural Communication Studies (ICS) XXII: 2*. Rhode Island, 2013. C. 151–165.
- Mäger, M. *Stilistika*. Tallinn, 1986.
- Pajusalu, R. Teie või sina? // *Oma keel*. Tallinn, 2010. C. 5–10.
- Pajusalu и др. = Pajusalu, R., Vihman, V., Klaas, B., Pajusalu, K. Eestlaste ja venelaste suhtluskäitumine: sina, teie ja keegi veel // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* 6. Toim. Metslang, H., Langemets M., Sepper M.-M. Tallinn, 2010. C. 207–224.
- Pajusalu, R. Palved eesti, soome ja vene keeles: grammatika pragmaatika teenistuses // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* 10. Toim. Metslang, H., Langemets M., Sepper M.-M. Tallinn, 2014. C. 241–257.
- Palikova, O., Karu, K. Eesti asulanimede transkribeerimisest ja käänamisest vene keeles // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* 5. Toim. Metslang, H., Langemets, M., Sepper, M.-M., Argus, R. Tallinn, 2009. C. 197–207.
- Piiraja, M. *Praktilised lepingud ettevõtluses*. Tallinn, 2008.
- Raadi, M., Tuulik M. Native vs. borrowed material as approached by Estonian language planning practitioners: The experience of the Dictionary of Standard Estonian // *International Journal of Lexicography*. Oxford, 2018. C. 151–166.
- Rannut, M. 15 aastat keelseadust // *Keel ja Kirjandus*, nr 1. Tallinn, 2004. C. 46–57.
- Reinsalu, R. Leping tekstiliigina: zanristruktuur // *Eesti Rakenduslingvistika ühingu aastaraamat*, 7. Toim. Metslang, H., Langemets M., Sepper M.-M. Tallinn, 2011. C. 215–229.
- Reinsalu, R. Avalduste tekstistrateegiad // *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 62. Peatoim. Erelt M. Tallinn, 2017. C. 167–184.
- Tambelt, M. *Inglise-eesti riigihanke valiksõnastik*. Tartu, 2013. Be6-pecypc:
http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/31952/Tambelt_Marita_2013.pdf?sequence=1 (Дата просмотра: 01.06.2017)
- Tomusk, I. *Keeleseadustest Eestis*. 2015. Be6-pecypc:
https://www.just.ee/sites/www.just.ee/files/keelseadustest_eestis_ilmar_tomusk.pdf (Дата просмотра: 25.08.2018).
- Štšadneva, V., Vellea, V. Nimisõnafaaside sõnajärjest vene ja eesti keeles // *Emakeel ja teised keeled III*. Toim. Lindström, L., Palikova, O. Tartu, 2002. C. 221–230.
- Štšadneva, V., Velman-Omelina, J. Viisakusevormidest eesti- ja venekeelsetes ametlikes paralleeltekstides // *Lähivõrdlusi. Lähivertailuja*, 26. Peatoim. Kaivapalu, A. Tallinn, 2016. C. 481–500.

- Vaik, K., Muischnek, K. Eestikeelsete veebitekstide automaatne liigitamine // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat, 14*. Toim. Langemets, M., Linkgreim, M.-M., Metslang, H., Ogren, D. Tallinn, 2018. C. 215–227.
- Veeremets, M. *Ehitus- ja remondilepingud: juriidiline abi eraisikule ja firmale*. Tallinn, 2007.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. Кузнецов С. А. Первое издание: СПб., 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. Санкт-Петербург, 2014. Веб-ресурс: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (Дата просмотра 12.10.2018).
- Грамота.ру*. Справочно-информационный портал. Веб-ресурс: <http://gramota.ru/> (Дата просмотра: 28.10.2018).
- Денисов П. Н., Морковкин В. В. *Словарь сочетаемости слов русского языка*. М., 2002.
- Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М., 2000.
- Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов. Издание 4-е, исправленное и дополненное*. Назрань, 2005.
- Конституционное право. Энциклопедический словарь*. Под ред. Авакьян С. А. М., 2001.
- Кронгауз и др. = Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н. *Словарь языка интернета.ru*. М., 2016.
- Культура русской речи = *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. Под ред. Иванова Л. Ю., Сковородникова А. П., Ширяева Е. Н. и др. М., 2003.
- Кюльмоя и др. = Кюльмоя И., Вайгла Э., Соль М. *Краткий справочник по контррастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту, 2003.
- Мильчин А. Э. *Издательский словарь-справочник*. М., 2003.
- Мультитран = *Электронный словарь Мультитран*. Веб-ресурс: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=5&s>AboutMultitrans.htm> (Дата просмотра 12.10.2018).
- Национальный корпус русского языка*. Веб-ресурс: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (Дата просмотра 12.10.2018).
- Нелюбин Л. Л. *Толковый переводоведческий словарь*. М., 2003.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., 2005.
- Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник*. Под ред. Раренко М. Б., Опариной Е. О., Трошиной Н. Н. М., 2010.
- Панькин В. М., Филиппов А. В. *Языковые контакты. Краткий словарь*. М., 2013.
- Розенталь Д. Э. *Справочник по правописанию и литературной правке*. 5-е издание исправленное и дополненное. М., 1989.
- Розенталь Д. Э. *Справочник по правописанию и стилистике*. Санкт-Петербург, 1997.
- Русский язык = *Энциклопедия Русский язык*. 2-е издание переработанное и дополненное. Гл. ред. Караулов Ю. Н. М., 1997.
- Словарь социолингвистических терминов*. Отв. ред. Михальченко В. Ю. М., 2006.

Словарь терминов и определений по охране окружающей среды, природопользованию и экологической безопасности. Веб-ресурс: <http://ecoportal.ru/dict.php> (Дата просмотра: 17.01.2018).

Словарь терминов ITIL версия 1.0. На русском языке. 2011. Веб-ресурс: https://www.exin.jp/assets/exin/frameworks/108/glossaries/russian_glossary_v1.0_201404.pdf (Дата просмотра: 01.03.2018).

Современный экономический словарь. 2007. Веб-ресурс: <http://slovari.yandex.ru/> (Дата просмотра: 10.11.2017).

Стилистический словарь = *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. Кожиной М. Н. . М., 2003.

Языкознание = *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. Ярцева В. Н. 2-е изд. М., 1998.

Ametniku soovitusõnastik. Toim. Paet, T., Rehema, T., Mund, A. Tallinn, 2013. Веб-ресурс: <http://www.eki.ee/dict/ametnik/ametnik.html> (Дата просмотра: 26.10.2018).

Eesti keele = *Eesti keele seletav sõnaraamat*. Toim. Langemets, M., Tiits, M., Valdre, T., Veski, L., jt. Tallinn, 2009. Веб-ресурс: <http://www.eki.ee/dict/ekss> (Дата просмотра: 14.10.2018).

EKG = *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia. Sõnamodustus*. Ereli, M. jt. Tallinn, 1995. *Eesti õigekeelsussõnaraamat ÕS 2013*. Toim. Raadik, M. Tallinn, 2013. Веб-ресурс: <http://portaal.eki.ee/dict/qs/> (Дата просмотра: 12.10.2018).

Eesti-vene = *Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь I–V (1997–2009)*. Tallinn. Веб-ресурс: <http://www.eki.ee/dict/evs/evs.html> (Дата просмотра: 15.10.2018) *etTenTen*. Eesti keele korpus. <http://www.keeleeveeb.ee/dict/corpus/ettenten/> (Дата просмотра: 28.10.2018).

Glosbe. Mitmekeelne online sõnastik. Веб-ресурс: <https://ru.glosbe.com/> (Дата просмотра: 28.10.2018).

Kaliniin, J., Teemaa, T. *Eesti-vene tehnikasõnaraamat*. Tallinn, 2002.

Käsiraamat = *Eesti keele käsiraamat*. Ereli M., Ereli T., Ross K. Tallinn, 1997. Веб-ресурс: <http://www.eki.ee/books/ekkr/sj4.html> 1997 (Дата просмотра: 17.07.2018).

Ottenson, O. *Uus eesti-vene õigussõnaraamat. Новый эстонско-русский юридический словарь*. Tallinn, 2007.

Tamm, J. *Eesti-vene sõnaraamat*. Tallinn, 2005.

Vissak, H., Vissak, J. *Suur eesti-vene ja vene-eesti õigussõnaraamat. Большой эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь*. Tallinn, 2008.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Театр и кино = журнал «Театр и кино» / ajakiri «Teater ja kino». 1921.

Arhiivi 1940. a. tegevuse aruanne vene keeles. 1940.

Kirjavahetus Haridusministeeriumiga, asutuste, äride ja isikutega õppevahendite ja kirjanduse asjus Prospektid, reklaambrošüürid ja muud 1928–1929. 109 с. EAA. 2102.2.238

Laats, L. *Reklaam*. 1939. 9 с. EAA. 1794.1.56

Juhised ilukirja õppimiseks. Eesti, saksa ja vene keeles. 1922.

Petserimaa üliõpilaste Abiandmise Kassa ning Vene Hariduse ja Heategeva Seltsi «Разумный Досуг» põhikirjad ja üliõpilaste organisatsioonide teated koosolekute osavõtmise, pidude korraldamise jm asjus. 1923.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

- Антикризисный Центр «АльфаБизнес» (<http://www.prodolg.ru/services/7/>) Дата просмотра: 17.07.2016
- База кредитной информации и Регистр платежной дисциплины (<http://www.krediidiinfo.ee/index.php?lang=R>) Дата просмотра: 10.07.2017
- Банк LHV (<https://www.lhv.ee/et/sisustuslaen>) Дата просмотра: 23.07.2018
- Банк Luminor (www.luminor.ee) Дата просмотра: 23.07.2018
- Банк SEB (<https://www.seb.ee/>) Дата просмотра: 10.04.2016
- Банк Swedbank (www.swedbank.ee) Дата просмотра: 10.04.2016
- Бизнес Форум Эстонии (<http://www.arif.ee/invision/index.php>) Дата просмотра: 01.04.2015
- Больничная касса (<https://www.haigekassa.ee/>) Дата просмотра: 10.04.2016
- Веб-сайт для решения потребительских споров (<http://www.kaebus.ee/>) Дата просмотра: 15.08.2018
- Веб-сайт правительства Эстонской Республики (<https://www.valitsus.ee/et>) Дата просмотра: 13.04.2018
- ГОСТ 15588–2014 (<http://docs.cntd.ru/document/1200116023>) Дата просмотра: 21.05.2018
- Департамент охраны памятников истории и культуры. (<https://www.muinsuskaitseamet.ee/ru>) Дата просмотра: 10.02.2016
- Департамент полиции и погранохраны (www.politsei.ee) Дата просмотра: 17.06.2018
- Департамент социального страхования (<http://www.ensib.ee>) Дата просмотра: 28.03.2018
- Департамент шоссейных дорог Эстонии (www.mnt.ee) Дата просмотра: 04.02.2018
- Европейский центральный банк (<https://www.ecb.europa.eu/ecb/html/index.et.html>) Дата просмотра: 19.08.2015
- Европейский стандарт EVS-EN 13163:2012 + A1:2015
- Инкассо-фирма Julianus Inkasso OÜ (<http://www.julianus.ee>) Дата просмотра: 09.11.2016
- Инкассо-фирма SPT Inkasso OÜ (<http://www.sptinkasso.ee/ru/spt-inkasso/>) Дата просмотра: 10.04.2016
- Интернет-магазин строительных материалов (<http://www.ehituskaubad.com>) Дата просмотра: 28.01.2016
- Информационный портал Трудовой инспекции (<http://tooelu.ee/et>) Дата просмотра: 02.04.2018
- Касса по безработице (www.tootukassa.ee) Дата просмотра: 30.04.2018
- Клиника Тартуского университета (<https://www.kliinikum.ee/et/>) Дата просмотра: 16.04.2017
- Министерство образования и науки (<https://www.hm.ee/et>) Дата просмотра: 21.02.2018
- Министерство здравоохранения (<http://www.terviseamet.ee/et/info/terviseametist.html>) Дата просмотра: 11.12.2017
- Министерство окружающей среды (<http://www.envir.ee>) Дата просмотра: 26.06.2016
- Министерство социальных дел (<http://www.sm.ee>) Дата просмотра: 10.05.2018
- Налогово-таможенный департамент (www.emta.ee) Дата просмотра: 19.07.2018
- Перепись населения 2011 (<https://www.stat.ee/58639>) Дата просмотра: 01.08.2018

Портал по трудоустройству CV keskus (www.cvkeskus.ee) Дата просмотра: 10.03.2015

Предприятие AS Koduliising (Liisi järelmaks) (<https://www.liisi.ee/ru/>) Дата просмотра: 24.11.2017

Предприятие AS Kesko Senukai Estonia (<https://www.k-rauta.ee/>) Дата просмотра: 10.09.2016

Предприятие Bauhof Group AS (<https://www.bauhof.ee/missioon-visioon>) Дата просмотра: 24.04.2012

Предприятие Itella Estonia OÜ (<http://www.itella.ee/kontakt/>) Дата просмотра: 22.11.2017

Предприятие Omniva (<https://www.omniva.ee>) Дата просмотра: 22.11.2017

Спасательный департамент (<https://www.rescue.ee/>) Дата просмотра: 01.08.2018

Страховая компания AS Inges Kindlustus (www.inges.ee) Дата просмотра: 17.05.2018

Страховая компания БТА (www.bta.ee) Дата просмотра: 17.05.2018

Страховая компания Ergo (www.ergo.ee) Дата просмотра: 17.05.2018

Страховая компания Seesam (www.seesam.ee) Дата просмотра: 17.05.2018

Трудовая инспекция (<http://www.ti.ee/est/avaleht/>) Дата просмотра: 17.05.2018

Частная школа Docendo kooolitus (<http://www.docendo.ee>) Дата просмотра: 03.03.2011

Электронная система э-государства (www.eesti.ee) Дата просмотра: 26.01.2018

Электронная система eKool (www.ekool.eu) Дата просмотра: 26.01.2018

Электронная система ePatsient (<https://epatsient.kliinikum.ee/web/pp/avaleht>) Дата просмотра: 26.01.2018

Электронная система eStat (<https://estat.stat.ee>) Дата просмотра: 26.01.2018

Электронная система e-tervis (<http://www.e-tervis.ee/index.php/et/>) Дата просмотра: 26.01.2018

Электронная система e-toimik (www.etoimik.ee) Дата просмотра: 26.01.2018

Электронная система e-äriregister (<http://www.rik.ee/et/e-ariregister>) Дата просмотра: 26.01.2018

Narva Soldino Gümnaasium (<http://www.soldino.edu.ee/index0.php?page=30413>) Дата просмотра: 26.01.2018

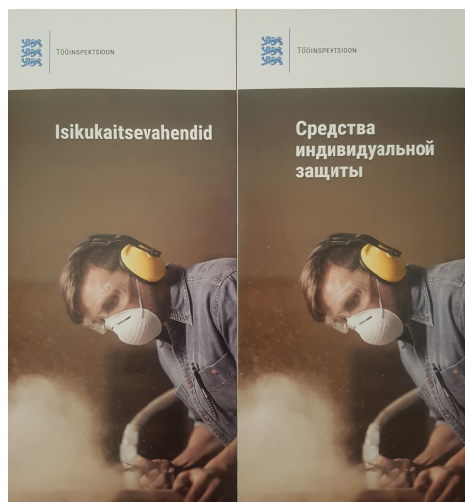
Tartu Tarbijate Kooperatiiv (<http://www.tartutk.ee/>) Дата просмотра: 26.01.2018

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример № 1. Информационный буклет о порядке получения компенсации расходов на стоматологические услуги, изданный Больничной кассой.

Пример № 2. Информационный буклет Трудовой инспекции.

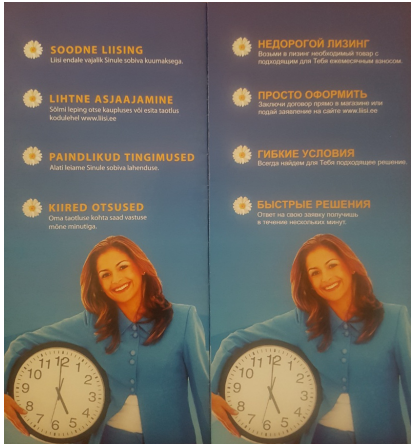
Пример № 3. Информационная брошюра Трудовой инспекции.

Пример № 4. Социальная реклама Кассы по безработице.

Пример № 5. Пример официально-деловой рекламы. Буклет Liisi Järelmaks.

Пример № 6. Фрагмент сообщения потенциальным потребителям о видах оказываемых услуг. Буклет компании AS Kesko Senukai Estonia.

Haljastus ja heakord /Озеленение и благоустройство
Pakume laia valikut haljastus- ja aiaehitustöid.
Pea nõu mele erakliendihalduriga ja leiame sulle sobivad lahendused.
Teekivi paigaldamine (min kogus 20 m²). Sisaldab sängitusliiva maksumust.
Укладка тротуарных плит (мин. количество 20 м²).
В стоимость укладки входит оплата песка для укладки.
Plastikkasvuhoone paigaldamine.
Установка маленькой пластиковой теплицы. В стоимость установки входит оплата сизикона необходимого для дополнительного укрепления панелей, а также стоимость креплений.
Kasvuhoonele vundament-killustikaluse tegemine
(laius 20, sügavus 40 cm). Paigaldushind sisaldab killustiku maksumust
Установка фундамента из щебня для теплицы (ширина 20, глубина 40 см).
В стоимость установки входит цена щебенки.
Võrkaia paigaldamine kõrgusega kuni 180 cm
Установка ограды из сетки (забор высотой до 180 см), цена согласно погонному метру.
Lipumasti paigaldamine (kuni 12 m kõrgune). Sisaldab masti paigaldamiseks vajalikku betooni maksumust
Установка мачты для флага (высота до 12 м). В стоимость входит оплата бетона необходимого для установки мачты.
Puitterrassi paigaldamine kergvundamendile (min kogus 10 m²)
Установка деревянной террасы на керамзитные блоки (мин. количество 10 м²)
Muruseemne külvamine ja kinni rullimine.
Sisaldab muruseemne maksumust.
Засев газона и его закатывание. В стоимость входит также оплата семян для газона (травы).
Muud tööd /Прочие работы
Paigalduskohta (töömaad) eelnev ülevaatus
Предварительный осмотр места установки (рабочего пространства).
Paigalduse lisatöö (vaid eelneval kirjalikul kokkuleppel kliendiga)
Дополнительная работа по установке (только по предварительному письменному соглашению с клиентом).

Пример № 7. Веб-страница электронного государства.

Защищено | <https://www.eesti.ee/ru/pensii-i-posobia/pensia/gosudarstvennye-pensii/>
Избранное | Proplast | Срды | Online shopping | PKI | PhD

Документы | Следующий день, когда вывешивают флаг Эстонии, 20 августа – День восстановления независимости | ENGLISH | EESTI

 EESTI.EE | [Главная страница](#) | Мои материалы | Услуги | Контакты учреждения | Вход

Искать на портале eesti.ee | Ищу

Главная страница > Пенсии и пособия > Пенсия > Государственные пенсии

Пенсии и пособия

- > Пособия и возмещения
- > Пенсия
 - **Государственные пенсии**
 - Надбавки к пенсиям
 - Накопительные пенсии

Государственные пенсии

- [Государственные пенсии](#)
- [Ходатайство о пенсии](#)
- [Учет безналогового дохода пенсионера](#)
- [Получатель пенсии, проживающий за границей](#)

Пенсионный стаж формируется из таких действий на протяжении жизни, как учеба, воспитание детей, трудовая занятость, служба в армии.

Пенсионный стаж делится на две части:

- [стаж, дающий право на пенсию](#) (приобретенный до 31.12.1998 г.), который учитывается на основании [трудовой книжки и документов](#)
- [стаж пенсионного страхования](#) (приобретенный с 01.01.1999 г.), который учитывается на основании уплаченного за вас социального налога.

Услуги

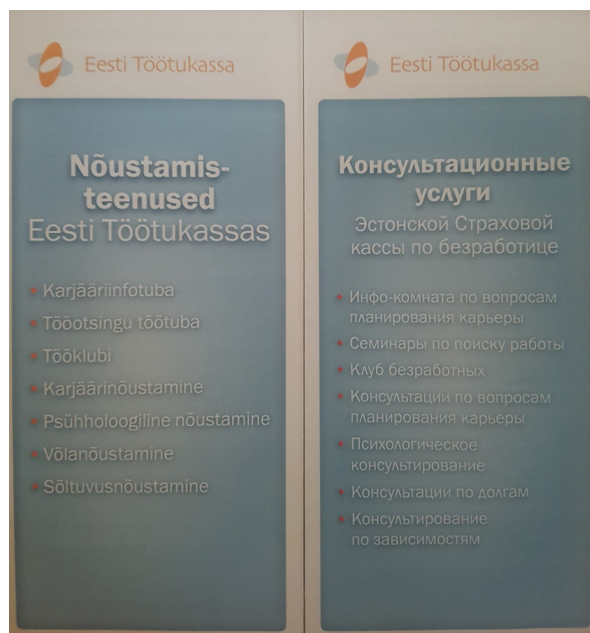
- [Ходатайство об освобождении от подоходного налога](#)
- [Ваши пенсии, пособия и компенсации](#)
- [Мои пенсии, пособия и компенсации](#)

[Показать все >](#)

Документы

- [Бланки для пенсий](#)

Пример № 8. Информационный буклет, изданный Кассой по безработице.

Пример № 9. Деловое письмо.

Lugupeetud kindlustusvõtja / Уважаемый страхователь

Täname, et sõlmisite liikuskindlustuse lepingu AS-is Inges Kindlustus. Käesolevaga edastame järgmised dokumendid:

- kehtiv kohustusliku liikuskindlustuse leping
- Teie poolt tasutud arve.

Спасибо, что заключили договор обязательного дорожного страхования в компании AS Inges Kindlustus. Высылаем вам следующие документы:

- действующий договор обязательного дорожного страхования
- оплаченный Вами счёт.

Lugupidamisega,

AS Inges Kindlustus
Raua 35, 10124 Tallinn
Tel 6 410 436
E-post liiklus@inges.ee

NBI Kindlustuslepingu ennetähtaegse lõpetamise soovist palume kirjalikult vähemalt 5 tööpäeva ette teatada. Tagasimaksmisele kuuluvast summast arvestatakse maha administratiivkulu 3 eurot.

NBI O преждевременном прекращении страхового договора просим сообщить письменно за 5 рабочих дней, при этом с суммы возврата удерживается административная плата в размере 3 евро.

Пример № 10. Деловое письмо.

Austatud klient, koostööpartner

Täname Teid saadetud kirja eest.

Vastame Teie kirjale hiljemalt kolme tööpäeva jooksul.
Põhjalikumad käsitlust vajavale päringule hiljemalt ühe kuu jooksul.

Küsimuste korral võtke palun ühendust meie klienditoe telefonil 665 5100, helistage meile Skype'i kaudu (kasutajanimi seb.eesti) või saatke kiri internetipanga menüüpunktist „Kontakt“ → „Kiri pangale“.

Lugupidamisega
Teie SEB

Уважаемый клиент, партнер по сотрудничеству

Благодарим Вас за письмо.

На Ваше письмо мы ответим не позднее, чем в течение трех рабочих дней.
В случае запроса, требующего более тщательного рассмотрения, – в течение одного месяца.

При возникновении вопросов, пожалуйста, свяжитесь с нами по телефону службы поддержки клиентов 665 5100, позвоните через Skype (логин: seb.eesti) или отправьте нам сообщение из пункта меню интернет-банка «Контакт» → «Письмо банку».

С уважением
Ваш SEB

Dear customer, partner,

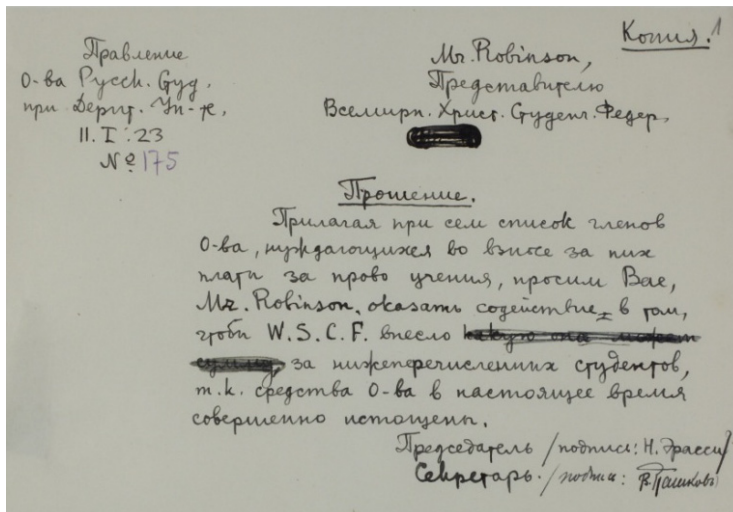
Thank you for your letter.

We shall respond to your letter within 3 working days at the latest.
To inquiries that need more thorough consideration, within 1 month at the latest.

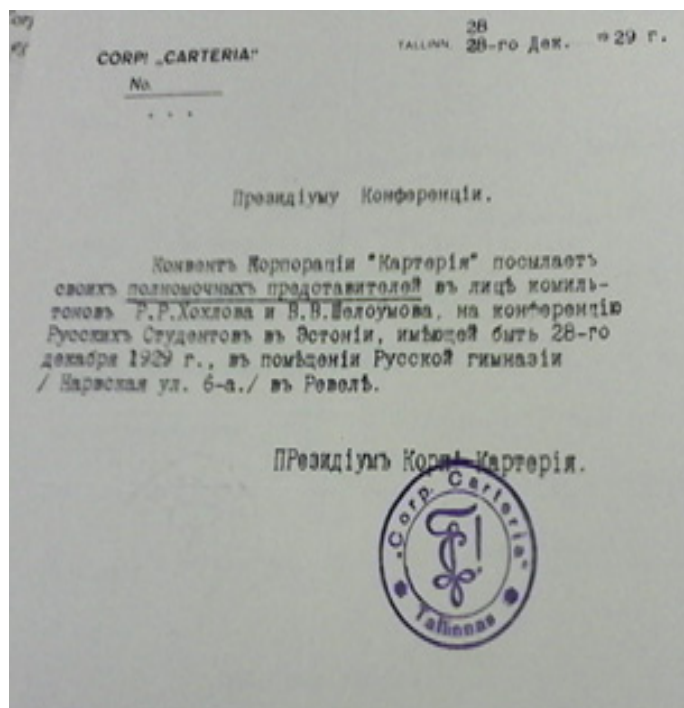
In case you have any questions please do not hesitate to contact our Customer Support at +372 665 5100, call us via Skype (username seb.eesti) or send a message via Internet Bank menu „Contact“ → „Letter to bank“.

Yours sincerely,
SEB

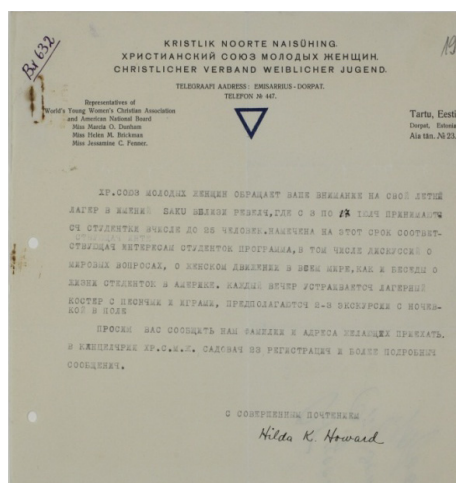
Пример № 11. Текст Прошения.

Пример № 12. Документ по проведению Конференции Русского студенчества в Эстонии.

Пример № 13. Документ Христианского союза молодых женщин.

Пример № 14. Объявление пошивочного ателье.

Meesterahwa rätsepaäri
M. Andreesen

Teatan oma austatud tellijatele, et on kohale jõudnud uus suurem partii Inglis modern kewaderiideid.

Довожу до сведения своих почтенных заказчиков, что получил большую партию модной английской материи для весеннего сезона.

Tallinnas,
Rafaskaewu tän. 14, k. 4. — — — — Kõnekr. 17-54.

Пример № 15. Предложение ремонтно-строительных работ.

<p>Igasuguste hoonete ehitust ja parandust</p> <p>omast materjaalist teeb</p> <p>PÕHJA KAUHANDUS-TÖÖSTUSE ARTSIA - SELTS, Tehnika Osakond.</p> <p>PLAANID ODAWALT, HASTI ja RUTTU.</p> <p>Narwa maant. nr. 13, telef. 14-70 ja 6-87.</p>	<p>Постройку и ремонтъ всякаго рода зданий и производство всякаго рода строительных работъ изъ всѣхъ своихъ материаловъ принимаетъ</p> <p>Сѣверное ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ Акціонерное Общество, Технический Отдѣлъ.</p> <p>Дешево, быстро, солидно проекты и смѣты.</p> <p>Нарвская 13. Тел. 14-70 и 6-87.</p>
---	--

Пример № 16. Предложение страхования.

Сѣверное Страховое Общество
принимаетъ всякаго рода страхования

Отъ огня, транспортовъ, каско и цѣнностей, перевозимыхъ по почтѣ.

Правленіе въ Ревель по Михайловской ул. № 20. Тел. № 1007 Телеграфный адресъ: Põhjatuli

Агенты во всѣхъ городахъ.

Пример № 17. *Личный листок по учету кадров.*

[illegible]

Пример № 18. Форма для автобиографии.

[illegible]

Пример № 19. Объявление о вакансии на английском языке.

www.cvkeskus.ee/view_jobad.php?job_id=377803&w=1

Илдрис 23.05.14

CVKESKUS
The most popular job portal

http://www.cvkeskus.ee/377803

Salvestan Saadan sõbrale Kõnitsused/Vastused Printin Share

Planning and Scheduling Specialist - Summer Job
Runway International OÜ

Tööpakkumine aegub 11 päeva pärast.
Soovin kandideerida
Tööpakkumise number 377803

Job Description

- Working as an important part of a small Resource Management team, coordinating critical daily activities with colleagues with-in the team.
- Creating monthly schedules for a variety of departments across five countries combining effectively business needs (call volume patterns), legal requirements and employees' requests.
- Coordinating weekly meeting, training, coaching and other off the phone times to ensure no conflict with handling of call volume, taking care of employees' schedule swaps.
- Ensuring all legal requirements are met at all times when handling scheduling & work time related questions.
- Correctly and effectively managing employees' working time with-in summarized working time restrictions of each country, ensuring working time balances are met according to internal requirements.
- Recognizing & effectively handling daily scheduling related challenges that may be caused by additional unexpected workload, unplanned absenteeism.
- Handling of yearly holiday planning.

Compiling & analyzing of a number of daily reports

Runway
International customer contact

Runway International OÜ

Runway is a modern, fast-growing, International Customer Contact Center with offices in Tallinn and Tartu (Estonia), Oslo (Norway), Riga (Latvia), Kaunas and Vilnius (Lithuania), Malaga (Spain), Kiev (Ukraine).

We provide a variety of communication related services to medium and large sized corporations around the world. By providing a quick, precise and professional service we are creating loyal customers for our clients in the technology, finance and travel sectors. Our customer base includes some of the world known brands like Samsung and Norwegian Air.

[View company profile](#)

Soovin kandideerida

Пример № 20. Информационно-разъяснительный материал в брошюре от Министерства социальных дел.

TÖÖTASU VÄHENDAMINE

- Kui töandja ei saa majandusraskustest tulenevalt anda töötajale kokkulepitud tööd, võib ta töötasu vähendada.
- Töötasu võib vähendada mõistliku ulatuseni, kuid mitte alla töötasu alammäära.
- Töötasu võib vähendada kuni kolmeks kuuks 12 kuu jooksul.
- Enne töötasu vähendamist on töandjal kohustus pakkuda töötajale teist tööd.
- Töötajal on õigus keelduda töö tegemisest võrdeliselt sellega, kui palju töandja tema töötasu vähendab. Näiteks töötasu vähendamisel 40% ulatuses, tuleb sama palju piirata ka töötaja töömahtu.
- Töandja teavitab usaldusisikut ja konsulteerib temaga töötasu vähendamise vajadusest. Konsultatsioonid peavad toimuma 14 kalendripäeva jooksul enne töötasu vähendamist.
- Kui töötaja ei nõustu töötasu vähendamisega, on tal õigus tööleping üles öelda. Töölepingu lõpetamise avalduse annab töötaja hiljemalt 5 tööpäeva pärast seda, kui ta sai teada töötasu vähendamisest. Töölepingu lõppemisel makstakse töötajale samu hüvitisi nagu koondamisel.

УМЕНЬШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Если по причине экономических трудностей работодатель не может предоставить работнику оговоренную работу, он может уменьшить его заработную плату.

- Зарботную плату можно снизить до разумных пределов, но не ниже минимальной ставки заработной платы.
- Зарботную плату можно уменьшить не более чем на 3 месяца в течение 12 месяцев.
- Перед тем как уменьшить заработную плату работодатель обязан предложить работнику другую работу.
- Работник имеет право отказаться от выполнения работы пропорционально тому, насколько работодатель уменьшает его заработную плату. Например, при уменьшении заработной платы на 40%, следует на столько же уменьшить объем работы работника.
- Работодатель информирует доверенное лицо и консультируется с ним о необходимости уменьшить заработную плату. Консультации должны состояться в течение 14 календарных дней перед уменьшением заработной платы.
- Если работник не согласен на уменьшение заработной платы, у него есть право отказаться от трудового договора. Работник должен подать заявление о прекращении трудового договора не позднее, чем через 5 рабочих дней, после того, как узнает об уменьшении заработной платы. При прекращении трудового договора работнику выплачиваются те же компенсации, что и при сокращении.

Пример № 21. Инструкция по пожарной безопасности. Брошюра Спасательного департамента.

Пример № 22. Информация о пенсионных фондах. Веб-страница банка Luminor.

Luminor

ПовседневноеИнвестиции, вкладыКредитыБизнесИнтернет-банк

Q🔗☰

Главная страница | Инвестиции, вклады | Пенсия | II ступень | Пенсионный фонд А

Пенсионный фонд А

Пенсионный фонд А – наш самый популярный фонд II ступени. Этот фонд с не самой агрессивной стратегией, но его уровень риска всё-таки выше среднего.

Этот фонд мы рекомендуем людям, которым **остаётся копить на пенсию более 10 лет** и которые хорошо переносят возможные кратковременные снижения стоимости накоплений с тем, чтобы в длительной перспективе, несмотря на кратковременные колебания цен, добиться несколько большей доходности активов.

Пенсионный фонд А инвестирует максимум 50% имущества фонда в акции и в другие активы с аналогичным уровнем риска. Остальное инвестируется в облигации, вклады и в подобные им инструменты. При необходимости, в зависимости от ситуации на рынке, фонд может и все 100% своих средств вложить в облигации или вклады, чтобы обеспечить сохранение своих активов также в сложные времена.

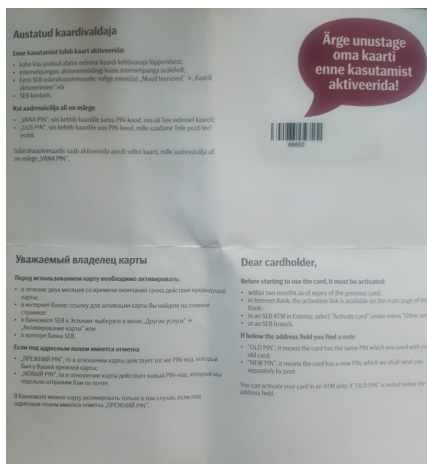
Пример № 23. Информация о различных видах страхования на сайте страховой компании ВТА.

Пример № 24. Флаер с информацией о переписи населения.

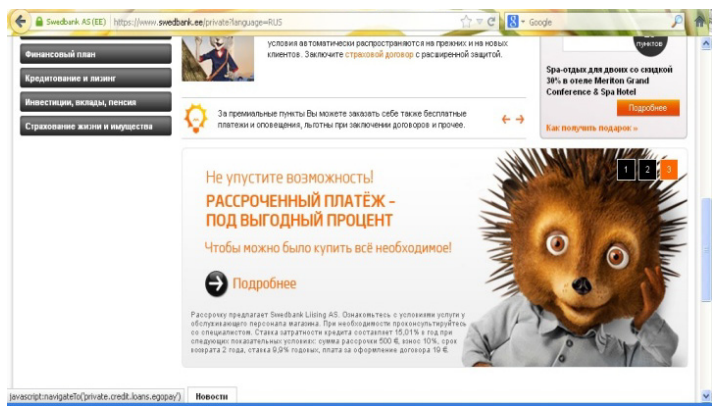
Пример № 25. Банковский документ, который выдается вместе с банковской картой.

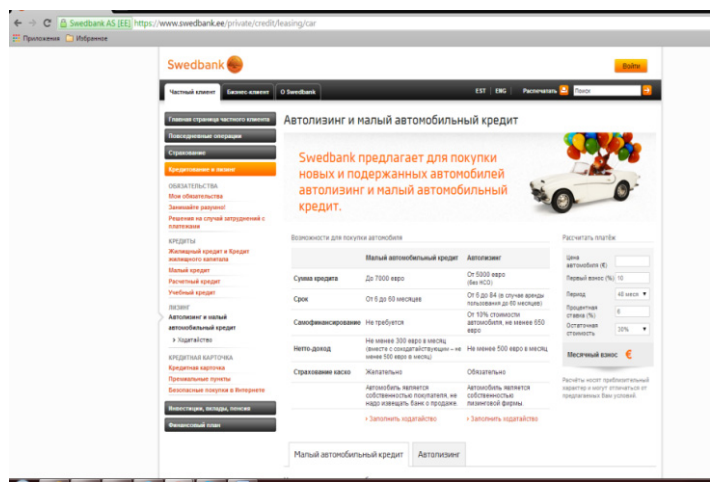
Пример № 26. Фрагмент документа штрафа.

<p>• Trahvi tasumisel märkida maksekorralduse «viitenumbri» lahtirisse otsuse number (vt. pöördel).</p> <p>• Viitenumbrit ei saa ülekannet sooritada.</p> <p>• Rahatrahvi tasumist tõendav dokument (kvitтинг) säilitada ja nõudmisel esitada politseiasutusele.</p> <p>• Rahatrahvi mittetasumisel saadetakse jõustunud otsus sundkorras täitmisele seadusega ettenähtud korras. Sundkorras sissenõutavale rahalisele nõudele lisandub kohtutäituri tasu.</p> <p>• При оплате штрафа занести в графу «Номер ссылки» Оtsuse number.</p> <p>• When paying the fine, please write the number of the decision in the field of „Reference number“</p>	<p>CODE OF MISDEMEANOUR PROCEDURE</p> <p>§ 19. Rights and obligations of persons subject to proceedings</p> <p>(1) A person subject to proceedings has the right to:</p> <p>1) know which misdemeanour matter is subject to hearing with regard to him or her;</p> <p>2) the assistance of a counsel pursuant to the procedure provided for in subsections (2) and (3) of this section;</p> <p>3) be present at the hearing of the misdemeanour matter concerning the person in court;</p> <p>4) give testimony and submit evidence and requests;</p> <p>5) know the purpose of the procedural acts;</p> <p>6) examine the reports on procedural acts and give statements concerning the conditions and course of the procedural acts, the results of the proceedings and the reports on the procedural acts, whereas minutes shall be taken of the statements;</p> <p>7) contest a procedural act or decision of the body conducting the extra-judicial proceedings; or of the court pursuant to the procedure provided for in this Code;</p> <p>(2) A person subject to proceedings has the right to contact his or her counsel upon his or her detention or any other procedural act which is performed first, the body conducting the proceedings shall provide the person subject to proceedings with the opportunity to use the means of communication at the disposal of the body in order to contact the counsel of the person. The counsel may participate in the performance of a procedural act but his or her failure to appear shall not hinder performance of the act;</p> <p>(3) The participation of a counsel in a court proceeding is mandatory if the person subject to proceedings is 14 to 18 years of age or is unable to represent himself or herself due to a mental disorder;</p> <p>(4) A person subject to proceedings is required to:</p> <p>1) appear when summoned by the body conducting the proceedings if mandatory appearance is specified in the summons;</p> <p>2) comply with the lawful orders of the body conducting the proceedings;</p> <p>signature</p>	<p>ДЕЛИКТНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС</p> <p>Статья 19. Права и обязанности лица, в отношении которого ведется производство</p> <p>(1) Лицо, в отношении которого ведется производство, имеет право:</p> <p>1) знать, по какому делу в производстве ведется производство в отношении него;</p> <p>2) на помощь, оказываемую в процессе, предусмотренном частями 2 и 3 настоящей статьи;</p> <p>3) присутствовать в суде при рассмотрении дела о совершении им проступка;</p> <p>4) давать показания, представлять доказательства и заявлять ходатайства;</p> <p>5) знать о целях процессуальных действий;</p> <p>6) ознакомиться с протоколами процессуальных действий и давать заявления об отмене, если в результате процессуальных действий, а также о протестах процессуальных действий, которые занесены в протоколы;</p> <p>7) оспаривать и оспаривать законность постановки ходатайств процессуальных действий и решений учреждения, ведущего производство во внесудебном порядке, или суда;</p> <p>(2) Лицо, в отношении которого ведется производство, вправе ознакомиться с материалами и элементами заключения или совершения им проступка, процессуальных действий. Лицо, ведущее производство, обязано при запросе лица или совершения им проступка процессуальных действий предоставлять лицу, в отношении которого ведется производство, возможность для пользования средствами и иными способами связи для установления связи с защитником. Защитник имеет участвовать в совершении процессуальных действий, однако его помощь не предоставляется, если он совершил проступок;</p> <p>(3) Участие защитника в качестве судебного представителя является обязательным, если лицо, в отношении которого ведется производство, является несовершеннолетним и не имеет или не обладает достаточными для коммуникации с ним или если это лицо в связи с психическим расстройством не способно само представлять себя;</p> <p>(4) Лицо, в отношении которого ведется производство, обязано:</p> <p>1) явиться по повелению лица, ведущего производство, если обязательность явки указана в повелении;</p> <p>2) исполнять законные распоряжения лица, ведущего производство;</p> <p>signature</p> <p>полицейский</p>
<p>VÄÄRTOMENETLUSE SEADUSTIK</p> <p>§ 19. Menetlusrule isiku õigused ja kohustused</p> <p>(1) Menetlusalusele isikule on õigus:</p> <p>1) teada, millest väärteoaga tema on arvestat menetletav;</p> <p>2) õigus kaitsja abile käesoleva paragrahvi lõigetes 2 ja 3 sätestatud korras;</p> <p>3) olla kohal oma väärteosaja andmise järele;</p> <p>4) anda tõded, esitada tõendajaid ja loetlusi;</p> <p>5) teha menetlustoimingutele reaktiiv;</p> <p>6) tutvuda menetlustoimingute protokolliga ning teha menetlustoimingute lingimusi, kõrgu, menetlustoimete ning menetlustoimingute protokollide kohtu avaldusi, mis protokollidest;</p> <p>7) vaidlustada kohtuotsuse mõistmist või kohtu menetlustoimingut või kohtu käesolevas seadustikus sätestatud korras;</p> <p>(2) Menetlusalusele isikule on õigus kaitsja abita nõuda, et tema kaitseametnik või muu osaleja menetlustoimingute tegemisel. Menetluse peab isiku kaitseametnik või muu osaleja menetlustoimingute tegemisele võimaldada menetlusalusele isikule kaitsjateks nimetatud isikutele nimetatud seadustikus sätestatud korras;</p> <p>(3) Kaitsja osavõtt alates kohtumenetlusest on kohustuslik, kui menetlusalusele isik on 14 kuni 18-aastane või ta ei ole psühhilise seisuga suuteline end esindada;</p> <p>(4) Menetlusaluse isik on kohustatud:</p> <p>1) menetlusele tuleb ilmuda, kui kohtuotsust on antud otsustuse järgi;</p> <p>2) tähtselt menetluse seadustikus korraldada;</p> <p>signature</p>		

Пример № 27. Деловая реклама Swedbank.

Пример № 28. Деловая реклама Swedbank.

Пример № 29. Фрагмент бланка ходатайства физического лица о разрешении на приобретение оружия. Департамент полиции и погранохраны.

PÕLISKEE- JA PIIRIVALVEAMET

PÕHISILISE ISIKU RELVASOETAMISLOA TAOTLUS

TAOTLEJA ANDMED

<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> _____ _____ _____ _____ _____ </div>	eesnimi	peresõnanimi
_____	ees-ühendaht	

dokumendi nr	koodikindlus	sõltuste	
alustage: täname, määra, korter, linn või küla, vald		postindeks	

maailand	keelakeel	e-post

relva hõldekood (kui see erineb alustusest): täname, määra, korter, linn või küla, vald, maailand

☐ esmatasultaja ☐ korduvatsetaja

Palun väljastada _____ soetatimisele järgmist liiki relva(de):

_____ arv

Tulirelv: <table style="width: 100%;"> <tr> <td style="width: 30%;">pistool</td> <td style="width: 10%; text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>revolver</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>silerandne piis</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>vinimandne piis</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>kombinatsioonil piis</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> </table>	pistool	_____ tk	revolver	_____ tk	silerandne piis	_____ tk	vinimandne piis	_____ tk	kombinatsioonil piis	_____ tk	Tulirelva osaline osa: <table style="width: 100%;"> <tr> <td style="width: 30%;">adapter</td> <td style="width: 10%; text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>lukk</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>relv</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> <tr> <td>trummel</td> <td style="text-align: center;">_____ tk</td> </tr> </table>	adapter	_____ tk	lukk	_____ tk	relv	_____ tk	trummel	_____ tk
pistool	_____ tk																		
revolver	_____ tk																		
silerandne piis	_____ tk																		
vinimandne piis	_____ tk																		
kombinatsioonil piis	_____ tk																		
adapter	_____ tk																		
lukk	_____ tk																		
relv	_____ tk																		
trummel	_____ tk																		

Gaasirelv _____ tk Puumürerehv _____ tk	
--	--

Relvade kirjeldused:

☐ Kõrvalasemele rakutakse raskesti käsitsetav koht

☐ Relvakäsi

☐ Relvabala

Relva vajaj järgmistel otstarbel:

☐ Isikupäädamine (A)

☐ Vastava sportlasega tegelemine (B)

☐ Enne ja väära kaitses (C)

☐ Kultuurilise tegutsemise (D)

☐ Kõllakäsimine

☐ Ei valda eesti keelt ja soovin lühikeseks koostada _____ keele tõlgega.

NB! Tulirelva käsitsemise ja laenukoostu kätte toomise eest keeles ja tõlgi osavõtu.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И ПОГРANOХРАНЫ

**ХОДАТАЙСТВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА О РАЗРЕШЕНИИ НА
ПРИОБРЕТЕНИЕ ОРУЖИЯ**

ДАННЫЕ ХОДАТАЙСТВУЮЩЕГО

[][][][][][][][][][][][][][][]					
Личный код Эстонии			имя		фамилия
№ документа			гражданство		место работы
[][][][][][][][][][][][][][][]					
Место жительства: улица, дом, квартира, город/деревня, волость					почтовый индекс
улица		телефон		эл. адрес	

город/деревня, волость, уезд

☐ первичное ходатайство ☐ повторное ходатайство

Пропшу выдать разрешение на приобретение _____ оружия следующего вида:
количество

Огнестрельное оружие:

Пистолет	_____ шт.
Реvolver	_____ шт.
Газдистрельное ружье	_____ шт.
Нарезное ружье	_____ шт.
Комбинированное ружье	_____ шт.

Газовое оружие _____ шт.
Пневматическое оружие _____ шт.

Основные части огнестрельного оружия:

Автомат	_____ шт.
---------	-----------

Пример № 30. Бланк заявления на передачу трудовой книжки. Департамент социального страхования.

Tööraamatu üldnimine Sotsiaalkindlustusametile pensionilõigustiku staazi sisestamiseks	
Andmed tööraamatu omaniku kohta Ees- ja perekonnanimi Isikukood E-posti aadress Telefon Tegelik aadress (tänav, maja, korter / talu küla / vald / linn / maakond / postindeks) Varasemad nimed (kui nime muutus on toimunud välisriigis)	
Tööraamatu tagastamine tööraamatu omanikule peale andmete sisestamist	
☐	Soovin jätta Sotsiaalkindlustusametisse hoolustamisele
☐	Klientideenindusest
linna nimi, millist	
Tööraamatu üldnimise kuupäev	

Передача трудовой книжки Департаменту социального страхования для введения пенсионно-правового статуса	
Данные о владельце трудовой книжки	
Имя и фамилия	
Личный код	
Адрес электронной почты	
Номер телефона	
Действительный адрес (название улицы, номер дома, номер квартиры / название улицы / деревни / волости / города / уезда / почтовый индекс)	
Раннее имя (если смена имени произошла за рубежом)	
Возвращение трудовой книжки владельцу после введения данных	
☐	Желаю оставить в Департаменте социального департамента на хранение
☐	Желаю получить в отделе приёма клиентов <u>Название города, округа</u>
Дата передачи трудовой книжки	

Пример № 31. *Флаер Трудовой инспекции.*

[illegible]

Пример № 32. *Флаер Трудовой инспекции.*

TÖÖINSPEKTSIOON

Стройте с умом!

Обедите кружком правильный вариант ответа.
NB! Если правильных ответов несколько,
следует отметить все правильные варианты.

1. На каком расстоянии от стены можно находиться
строительные леса (подмости)?
a) До 30 см. b) До 50 см. c) До 70 см.

2. Какие защитные ограждения должны иметь
строительные леса?

- a) Перила, расположенные на высоте не менее 1 метра, ограждение для ног, а также промежуточное ограждение между ними, расположенное на высоте 0,5 м.
- b) Ограждение для защиты, опора для плеч и перила.
- c) Если поверхность основания безопасна, защитных ограждений не требуется.

3. Какую обувь нужно носить при выполнении
строительных работ?

- a) Подходящую защитную обувь, в зависимости от характера выполняемой работы.
- b) Сапоги.
- c) Кроссовки или шлёпанцы, в зависимости от погоды.

4. Сколько времени подряд можно работать на стрелке?

- a) До тех пор, пока работа не будет выполнена.
- b) 30 минут, но не течение рабочего дня не более чем 1/3 от рабочего времени.
- c) 3 часа.

5. На каких участках строительной площадки нужно
надевать защитную каску?

- a) В зоне работы подъемного крана.
- b) В тех местах, где есть опасность повреждения головы, например, при работе на высоте и при подъемных работах.
- c) В комнате отдыха.

TÖÖINSPEKTSIOON

Ehita targalt!

Tee ring ümber õigele vastusevariandile.

NB! Kui küsimusele on mitu õiget vastust, tuleb need
kõik ära märkida.

1. Kui kaugel seinast võib olla telling?

- a) Kuni 30 cm.
- b) Kuni 50 cm.
- c) Kuni 70 cm.

2. Millised kaitsepiirid peavad tellingut olema?

- a) Vähemalt 1 meetri kõrgusel pakivest käsiipu, jalapiire ja nende vahel 0,5 m kõrgusel asetsev vahapiire.
- b) Kükapiire, õlapiire ja käsiipu.
- c) Kui aluspind on ohutu, siis pole kaitsepiiride vaja.

3. Milliseid jalganoõusid peab kandma ehitustöödel?

- a) Sobivad kaitsejalganoõusid, sõltuvalt töö iseloomust.
- b) Saapaid.
- c) Botaseid või plüüsid, sõltuvalt ilmastikust.

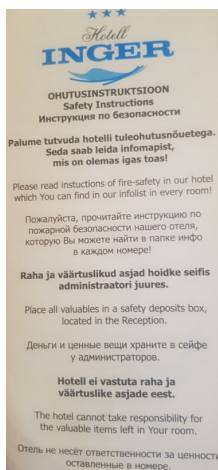
4. Kui kaua järgest võib redelli töötada?

- a) Ni kaua, kuni töö tehtud
- b) 30 minutit, kuid tööpäeva jooksul mitte rohkem
kui 1/3 tööpäast.
- c) 3 tundi.

5. Kus peab ehitusplatsil kiivrit kandma?

- a) Kraana töotsoonis.
- b) Kohtades, kus on peavastavate oht, näiteks
kõrg- ja tõstetöödel.
- c) Pukikoas.

Пример № 33. Карточка гостя отеля.

Пример № 34. Тест Трудовой инспекции.

TOOINSPEKTSIOON	TOOINSPEKTSIOON
<p>Насколько хорошо Вы знаете трудовые отношения?</p> <p>Обведите кружком правильный вариант ответа. NB! Если правильных ответов несколько, следует отметить все правильные варианты.</p> <p>1. Какова минимальная ставка заработной платы в 2014 году?</p> <p>a) 1,90 евро в час и 320 евро в месяц b) 2,13 евро в час и 355 евро в месяц c) 2,34 евро в час и 390 евро в месяц</p> <p>2. Какова предполагаемая продолжительность испытательного срока?</p> <p>a) испытательного срока нет – для этого существуют бесплатные пробные дни b) четыре месяца со дня начала бессрочных трудовых отношений c) до половины продолжительности срочного трудового договора</p> <p>3. Как можно изменить трудовой договор?</p> <p>a) предупредив другую сторону, по меньшей мере, за 30 календарных дней b) по соглашению сторон c) трудовой договор изменить нельзя</p> <p>4. В какой форме может быть подано заявление об отказе от трудового договора?</p> <p>a) в письменной форме b) в письменной воспроизводимой форме c) в устной форме</p> <p>5. Когда следует выплатить работнику т.н. окончательный расчет?</p> <p>a) когда у работодателя есть деньги b) в течение пяти дней после прекращения договора c) в последний день действия трудового договора</p>	<p>Kui hästi tunned töösuhteid?</p> <p>Tee ring ümber õigele vastusevariandile. NB! Kui küsimusele on mitu õiget vastust, tuleb need kõik ära märkida.</p> <p>1. Milline on töötasu alammäär 2014. aastal?</p> <p>a) 1,90 eurot tunnis ja 320 eurot kuus b) 2,13 eurot tunnis ja 355 eurot kuus c) 2,34 eurot tunnis ja 390 eurot kuus</p> <p>2. Kui pikk on eelduslikult katseae?</p> <p>a) katseae pole, selleks on tasuta proovipäevad b) nelj kuud tähtajatult töösuhte algusest c) kuni pool tähtajalise töölepingu kestusest</p> <p>3. Kuidas saab muuta töölepingut?</p> <p>a) teisele poolele vähemalt 30 kalendripäeva ette teatades b) poolele kokkuleppel c) ei saagi muuta</p> <p>4. Millises vormis võib olla töölepingu ülesõtteimisavaldus?</p> <p>a) kirjalikus vormis b) kirjalikku taasesitamist võimaldavas vormis c) suulises vormis</p> <p>5. Millal tuleb töötajale maksta nn lõpparve?</p> <p>a) siis, kui töödandjal raha on b) viie päeva jooksul lepingu lõppemisest arvates c) viimasel töölepingu päeval</p>

TTK
TARTU
TARBIJATE
KOOPERATIIV

Hea Tartu linna ja maakonna elanik!

Kutsume Teie peret osalema uuringus, mille eesmärk on selgitada välja Tartu linna ja maakonna elanike **peamised tööstuskaupade ostukohad** ja kaardistada klientide arvamus **Tartu suuremate kaubanduskeskuste** kohta.

Oleme Teie aadressi saanud juhusliku valimi meetodil rahvastikuregistrist. Kirjal ei ole vastaja nime, seega on tagatud Teie anonüümsus.

Käesolevale kirjale on lisatud küsimustik, millele palume vastata inimesel, kes **Teie peres ostab kõige sagedamini tööstuskaupu**. Küsimustikule vastamiseks kulub aega 10-15 minutit.

Kirjale on lisatud ka ümbrik, mille saatmiskulud on tasutud. Palume Teil täidetud küsimustik panna ümbrikusse ja postitada. **Täidetud küsimustikku ootame tagasi hiljemalt 13. maiks 2012.**

Et Teid küsimustiku täitmise eest tänada, loosime vastajate vahel välja **kümme 30 euro väärtuselist kinkekaarti**, mida saate kasutada kõigis Konsumites, Maksimarketites, A&O kauplustes ja E-Ehituskeskustes. Kui soovite loosimises osaleda, jätke täidetud ankeedi lõppu oma kontakttelefon. Teie kontaktandmeid ei seostata küsimustiku vastustega ega kasutata muul eesmärgil.

Täiendavate küsimuste korral palume pöörduda telefonil 56 625 381.

Teie arvamus on meile oluline!

Parimate soovidega
Tartu Tarbijate Kooperatiiv

Добрый житель города Тарту и Тартуского уезда!

Приглашаем Вашу семью участвовать в исследовании, целью которого является выяснить, в каких **главных торговых точках** жители города Тарту и Тартуского уезда совершают **покупки промышленных товаров**, и картографировать мнение клиентов о **крупнейших торговых центрах города Тарту**.

Ваш адрес мы получили по методу случайной выборки в базе данных регистра народонаселения. В анкете не указывается фамилия отвечающего, таким образом, Ваша анонимность гарантирована.

К настоящему письму приложен опросник, на вопросы которого просим ответить того человека, который **в Вашей семье чаще всего покупает промышленные товары**. Заполнение опросника займет у Вас 10-15 минут. Опросник составлен на русском и на эстонском языках (смотри на обороте), просим Вас выбрать язык.

К письму приложен конверт, расходы на отправку которого оплачены. Просим Вас вложить заполненный опросник в конверт и отправить нам. **Ждем заполненный опросник не позднее 13 мая 2012 года.**

Чтобы поблагодарить Вас за заполнение опросника, мы разыгрываем между всеми ответчиками десять **подарочных карт по стоимости 30 евро**, которыми можно пользоваться во всех магазинах Konsum, Maksimarket, A&O и E-Ehituskeskus. Если Вы хотите поучаствовать в розыгрыше, напишите на заполненной анкете свой контактный телефон. Ваши контактные данные не будут связываться с ответами в опроснике и данные используются только для розыгрыша.

В случае возникновения дополнительных вопросов просим позвонить нам по телефону 56 625 381.

Нам важно Ваше мнение!

С наилучшими пожеланиями
Tartu Tarbijate Kooperatiiv

KOKKUVÕTE

Eesti-vene tõlge ning tänapäeva ameti- ja ärisuhtluse areng: teoreetilised ja praktilised aspektid

Kahtlemata etendab tõlge, olles kultuuridevahelise suhtluse erakordselt tähtis komponent, olulist rolli ühiskonna kui terviku ja samuti iga üksiku inimese elus. Tänapäeva Eesti tingimustes, kus eesti keel on riigikeel, milles toimub asjaajamine, omab ametlik suhtlus vene keeles peamiselt tõlkelist iseloomu. Seetõttu on raske üle hinnata võimalust kasutada adekvaatset tõlketeksti, mis asendab originaali täielikult.

Ametlike tekstide tõlkimine on väga keerukas protsess, kuna teisene tekst peab originaalile vastama nii palju kui võimalik ja välistama igasuguse lahknevuse või mitmetimõistetavuse võimaluse. Kõik ametliku suhtluse valdkonnas tehtavad tõlked tuleks teha võimalikult täpselt ja korrektselt. Spetsialistid rõhutavad, et „täpne tõlge – see on tõlge, milles originaali sisu esemelis-loogiline osa on samaväärselt taasesitatud“ [Комиссаров 1990: 250]. Samal ajal viivad „kõikvõimalikud katsed tõlkida üks või teine tekst sõna-sõnaliselt kui mitte selle teksti täieliku arusaamatuseni, siis igal juhul raskepärasuse ja ebaselguseni [Федоров 1983: 131]. Seega peab tõlkija leidma tasakaalu püüde vahel tõlkida võimalikult täpselt ja katsete vahel saavutada see täpsus sõnasõnalise tõlke abil ja vältima sealjuures võimalikke lahknevusi.

Käesoleva uuringu asjakohasus, lisaks ametialase suhtluse kasvavale rollile maailmas, on kindlaks määratud ka teiste oluliste teguritega:

- 1) tööd ametlike tekstide eesti-vene tõlke teooria ja praktika alalt on hakanud ilmuma alles viimasel ajal;
- 2) uut tüüpi ametlike tekstide, mille žanrilist kuuluvust ei saa selgelt määratleda, laialdane levik;
- 3) ametliku stiili kohta viimasel ajal avaldatud kirjandus on suunatud mitte niivõrd tekstide keeleliste omaduste teaduslikule analüüsile, kui nende koostamise õpetamisele.

Uurimus aitab lahendada mitmeid eesti-vene ametialaste tõlgete teoreetilisi ja praktilisi probleeme. Muuhulgas on käesoleva väitekirja raames pööratud tähelepanu eesti liitsõnade tõlkimise eripärale, viisakuse kategooria erinevatele seletustele, kõige tüüpilisemate tõlkeviiside läbiarutamisele jne.

Uurimisobjektiks on ametliku ja ärialase suhtlemise valdkonnaga seotud tekstide eesti-vene tõlke protsessi tulemused. Käesoleva uurimuse tähelepanu keskmes on venekeelsete ametlike tõlketekstide keelelised ja keelevälised iseärasused.

Väitekirja **eesmärk** – erinevate žanrite ametlike tekstide eesti-vene tõlke iseärasuste teoreetilis-praktiline uurimine ja välja selgitamine, kas venekeelne ametlik suhtlus on teinud võõrkeelse kultuuri mõjul läbi märkimisväärsed

muutusi või jäänud muutumatuks ja läbitungimatuks. Püstitatud eesmärgi saavutamiseks väitekirjas: 1) antakse ülevaade kaasaegse ametliku suhtlemise valdkonna omadustest; 2) eestikeelsetes originaalides fikseeritud keelelisi fakte kõrvutatakse nende vene vastetega (keeleliselt korrektsete või ebakorrektssetega), mida tõlkijad on välja pakkunud; 3) hinnatakse analüüsitud tõlgitud ametlike tekstide kvaliteeti nende kirjakeele normidele ja tõlkestandarditele vastavuse vaatepunktist; 4) vaadeldakse kõige tüüpilisemaid eesti-vene tõlke vigu, mis rikuvad vene kirjakeele norme.

Keeleline materjal valiti autorile avatud ja kättesaadavatest allikatest, kus paralleelsed tekstid on fikseeritud nii trükiste kujul kui ka elektroonilises vormis. Peamise osa materjalist moodustasid erinevate žanrite ametialased teavitava, selgitava, reglementeeriva ja juhendava iseloomuga tekstid. Laialt levinud elektrooniline ametlik suhtlus on reeglina omavahel ühendatud, vastastikuste linkidega seotud dokumentide kogum, mis muudab endise jäigalt fikseeritud ametliku teksti hüpertekstiks, mis on potentsiaalselt valmis vajalikeks tehnilisteks ja sisulisteks muudatusteks. Selle tagajärjeks on ametlike elektrooniliste tekstide liikuvus ja varieeritavus, see puudutab ka tõlketekste, mis allutatakse samuti muutustele: neid parandatakse, täiendatakse, asendatakse või kaotatakse üldse. Sarnased faktid on antud ka väitekirja keelelises materjalis.

Käesolevas uurimuses ei käsitletud ametliku suhtlusega seotud institutsionaalsetesse žanritesse kuuluvaid tõlketekste: seadused, koodeksid, juriidilised dokumendid, mis reguleerivad riigi elu tervikuna. Peaaegu puuduvad ka sellised žanrid, mis olid väitekirja autorile halvasti kättesaadavad: ametialane kirjavahetus, isiklikud ametlikud paberid jne. Lisaks jäid käesoleva uuringu raamist välja ka ametialase suhtluse suulised žanrid: ärikõnelused, ametialased läbirääkimised, ülekuulamised riigiasutustes. Kuigi tõlkeprotsessi käigus oli väitekirja autoril osaline juurdepääs sellisele rangelt konfidentsiaalsele keelelisele materjalile, oli selle kasutamine näidetena, isegi viitamata konkreetsetele isikutele, võimatu.

Väitekirja autor keskendus perifeersetele ametialastele tekstidele, mida loob täidesaatev võim ja erinevad eraõiguslikud struktuurid, et reguleerida ja reglementeerida inimese tegevust, teavitada teda eesmärgiga suunata teda ametlikus suhtluses optimaalsele käitumisele. Seetõttu on doktoritöös analüüsitud mitmeid piiripealseid tekstiliike: metoodilisi ja infomaterjale, juhiseid, soovitusi, suuniseid, teste, sisekorraeskirju, teateid tarbijale-kliendile, teenusearveid, ärireklaame, kaubanduslikke pakkumisi jne.

Dokoritöö **teoreetiliseks aluseks** on eelkõige tööd funktsionaalse stilistika, tõlketooria ja praktika, samuti diasporaa keele alalt. Käesolev uurimus nõudis selliste uurimismeetodite kasutamist nagu võrdlev meetod – peamise uurimismeetodina – ja kirjeldav meetod. Võrdlev meetod hõlmab originaalteksti ja tõlgitud teksti kõrvutamist ja järgnevat analüüsi teisese teksti algtekstile vastavuse vaatepunktist.

Statistiliste andmete kogumisest ja töötlemisest tuli väitekirja autoril loobuda, sest, esiteks ei ole võimalik võtta tekste materjali mahu arvestusühikuks, kuna tekstid erinevad oluliselt tähe märkide arvu poolest, ja elektroonilistel

dokumentidel ei pruugi olla selgeid piire seoste tõttu erinevate veebilehtede vahel; teiseks, analüüsi käigus uuritud üksikute keeleliste üksuste kokkuarvutamine ei ole asjakohane nende taseme heterogeensuse ja keerukate mitmetasandiliste vigade esinemise tõttu tõlketekstides.

Väitekirja põhiosa hõlmab sissejuhatust, nelja peatükki ja kokkuvõtet. Väitekirja **esimeses peatükis** käsitletakse vene ja eesti stilistika teoreetilisi põhiseisukohti. Tähelepanu keskmes on antud uurimistöö jaoks kõige olulisemad aspektid, seetõttu arutletakse kõigepealt vene ja eesti ametliku ja ärikeeke stilistilise traditsiooni kontseptsioonide üle. Peatähelepanu pööratakse peatükis vene keele ametliku ja äristiili eripäradele.

Vene rahvuskeel on keerukas süsteem, mis hõlmab erinevaid vene keele variante ühes traditsiooniliste rakendusviiside – kirjaliku ja suulisega. Kaasageds uurimused tõestavad vene keele sellise vormi esinemist nagu *nn* loomulik kirjalik kõne, millel on kirjaliku ja suulise kõne omadused. Just loomuliku kirjaliku kõne alla võib liigitada sellised ametliku suhtluse variandid nagu elektrooniliste sõnumite vahetamine temaatilistes foorumites, elektrooniline ametlik kirjavahetus jms.

Kuid peamiseks vene rahvuskeele variandiks on kirjakeel, st kodifitseeritud (normeeritud) keel, mis jaguneb variantideks-stiilideks. Vaatamata sellele, et funktsionaalsete stiilide ühtse klassifikatsiooni vajadusest kirjutas M. N. Kožina juba 1977. aastal [Кожина 1977], ei ole rassistikas mingit lõplikku ja kõigi poolt tunnustatud arvamust funktsionaalsete stiilide hulga ja nende eraldamise täpsete mehhanismide kohta. On üldteada, et ametlik stiil kujunes enne teisi kirjalikke stiile ja see on alati teeninud kõige olulisemaid avaliku elu valdkondi. Rassistikas eeldatakse traditsiooniliselt, et ametlik keel on stabiilne, standardiseeritud, suhteliselt suletud ja taotleb maksimaalset täpsust, ning neutraalne toon on ametliku etiketi kinnistunud norm, samas kui emotsionaalne, subjektiivne värving on viidud miinimumini.

Eesti keeleteaduses kasutatakse samuti rahvuskeele variantide mõistet. Vene funktsionaalsele stilistikale on lähedane funktsionaalsete stiilide eristamine ja ametliku stiili iseloomustamine. Siiski ei õnnestunud leida üldaktsepteeritud nimetust ametliku stiili kohta. Tundub, et eesti lingvistide poolt ametliku stiili kohta kasutatud nimetused – *ametikeel*, *asjaajamiskeel* ja *ärikeel* – väljendavad pigem võimalike alastiilide eripära, kui on ühe nimetuse variatsioonid.

Tänapäeva maailmas on ametlik sfäär muutunud iga inimese elu lahutamatuks osaks. Just erinevatesse žanritesse kuuluvate ametlike tekstide abil vahetatakse teavet riigiasutuste ja juriidiliste või eraisikute vahel. Samal ajal moodustuvad tänapäeva tingimustes ametliku stiili uued žanrid, samuti uued teksti- ja keelenormid.

Seega on praegu ametlikes situatsioonides kasutatavate eri tüüpi dokumentide arv nii suur, et uusi žanre on keeruline klassifitseerida ja tuvastada. Just seetõttu ei ole selle valdkonna tekstide üldtunnustatud, ammendavat tüpoloogiat. Iseloomulik on näiteks, et ärilise ja sotsiaalse reklaami žanr areneb aktiivselt, kuid seda on endiselt vähe uuritud ja tavaliselt ei liigitata seda ametliku stiili žanrite alla. Samuti tuleks ametlike tekstide hulka liigitada nn piiripealsed või

mittestandardised tekstid (näiteks erafirmade või valitsusasutuste tegevust esin-davad ja iseloomustavad tekstid, instrueerivad ja ärikirjad, soovitusd jne).

Huvi ametliku stiili uurimise vastu kasvab pidevalt. Tundub, et see on pea-miselt tingitud muutustest ametlikus keskkonnas. Ametlik suhtlus on läinud kaugemale jurisprudentist, seadusloomest ja dokumentide haldamisest. Amet-liku stiili lahtimõtestamine tänapäevaste suundumuste vaimus ei ole vastuolus traditsiooniliste tunnustega, vaid rõhutab tänapäevaseid ametliku ja ärisuhtluse iseärasusi.

Teine peatükk algab lühikese ajaloolise ülevaatega venekeelsest ametlikust suhtlusest Eestis, märgitakse ära tänapäevase ametliku suhtluse teatud sarnasus ametliku suhtlusega minevikus. Järjepidevust saab jälgida paralleelsete tekstide piisava leviku ja ärireklaami olemasolul.

Peatükk on pühendatud kaasaegse ametliku suhtluse eripärade vene keeles tänapäeva Eesti tingimustes. Selles peatükis käsitletakse keelelisi fakte, mis eristavad diaspora vene keelt Venemaa vene keelest, samuti käesoleva uuri-muse jaoks olulisi uusi suhtluskanaleid ja dokumendiliike.

Ilmselgelt on venekeelne ametlik suhtlus tänases Eestis peamiselt tõkelise iseloomuga. Vene keelde tõlgitakse erineva sisu ja vormiga ametlikke tekste, mis on fikseeritud nii paber- kui ka elektroonilisel kandjal. Tõlgitud tekstide vahendusel edastavad valitsusasutused, pangad, kindlustusseltsid jne adres-saadile selgitava, nõustava ja juhendava iseloomuga ühiskondlikult ja eluliselt olulist teavet võimalikult kiiresti ning sageli kasutatakse selleks elektroonilist suhtluskanalit. Pikaajalised tähelepanekud näitavad, et sellist trükitud ja elekt-roonilist ametliku suunitlusega suhtlust, mis on mõeldud erinevatele elanike-rühmadele, on üha rohkem, lisaks on üksikutes asutustes olemas vene keelt kõnelevate klientide tugiteenus.

Vene keel Eestis on ühelt poolt orienteeritud tänapäeva Venemaa vene kee-lele, teisest küljest on see eesti keele mõju all, omandades selliseid jooni, mis pole omased Venemaa vene keelele. Teisisõnu omavad nimetatud vene keele variandid nii ühiseid kui ka erinevaid keelelisi üksusi.

Vene keele eripära diasporaas on kõige selgemini väljendunud sõnavara tasemel – ametlike tekstide venekeelsetes tõlgetes esinevate eestikeelsete lisan-dite ja regionalismide ning võrreldes Venemaa vene keelega väiksema hulga laenude esinemise kujul. Pragmaatilistel põhjustel kasutatakse laene inglise keelest diaspora vene keeles harvemini, välja arvatud arvutisõnavara, teatud kutsealade ja uute reaaside nimed.

Vene ametikeele regionaalsete iseärasuste hulka kuuluvad näiteks kohalike reaaside, juriidiliste ühenduste ja tegevusalade nimetused. Neist paljude puhul ei ole tähenduse mõistmine keeruline, vrd: *НДС* Venemaal ja *НСО* Eestis. Kuid märkimisväärsel hulgal on selliseid piirkondlikult erinevaid mõisteid, mis nõua-vad tõlkeprotsessis tõlkijalt rohkem tähelepanu ja taustateadmisi, vrd: *риэлтор* ja *маклер*, *внешний / арбитражный управляющий* ja *банкротный управ-ляющий*, *услуги коллекторского агентства* ja *инкассо-фирмы*.

Eesti ametlikule keelekasutusele on iseloomulikud ka üksikud ortograafilised iseärasused. Näiteks võivad riigiasutuste nimetused venekeelsetel veebisaitidel

esineda nii algupärase eestikeelses kirja pildis kui ka kirillitsas. Põhiliselt tõlgitakse ja translitereeritakse riigi- ja eraettevõtete nimetusi vene keelde üha vähem, mis on kõige tõenäolisemalt tingitud pragmaatilisest kaalutlustest.

Ametliku suhtluse eripäraks diasporaa tingimustes on laialdane nii paber- kui elektroonilisel kandjal paralleeltekstide kasutamine. Eesti ametlikule ja ärivaldkonnale on iseloomulikud erinevates žanrites, erinevatel teemadel ja erineva otstarbega paralleelsed tekstid. Paralleelsel kujul esinevad mitmete seaduste, pangadokumentide, trahvide, ametlike teabe- ja juhendmaterjalide jne tekstid. On märkimisväärne, et kui ametlikud tekstid on mõeldud Eesti alaliste elanike põhirühmadele, kipuvad need olema kakskeelsed. Kuid kui teave on suunatud ka teiste riikide kodanikele, on tõlked mitmekeelsed (tavaliselt kasutatakse kolme keelt: eesti, vene ja inglise). Paralleeltekstides on tavaliselt identne sisu, stiil, pragmaatika, kuid nad võivad erineda ortograafiliste, leksikaalsete, grammatiliste ja stilistiliste omaduste poolest.

Väitekirja **kolmas peatükk** on teoreetilis-praktiline ning sisaldab käesoleva töö jaoks olulisi tõlketeoreetilisi sätteid ja nende praktilist kajastust eesti keelest vene keelde tõlkimise protsessis. Antud peatükis kirjeldatakse selliseid eesti-vene tõlke jaoks olulisi tõlketeoreetilisi sätteid, mis on seotud tõlketeoreetilise terminoloogia probleemide, tõlke kvaliteedi hindamise ja tõlkimise normidega. Siinkohal juhime tähelepanu ametikeele tõlke põhijoontele globaliseerumise tingimustes.

Muutused, mis toimuvad tänapäeva ametlikus suhtluses – nii Venemaal kui Eestis – ei pruugi vene keele piirkondlikes versioonides kokku langeda. Sellepärast peab tõlkija diasporaa tingimustes mitte üksnes arvestama asjaolu, et venekeelsete tõlketekstide keel kujuneb vene ja eesti keele süsteemide vastasseisu kontekstis, vaid võtma arvesse ka vajadust kajastada tõlketekstide struktuuris ja semantikas erinevusi kahe riigi keelekogukondade reaalses.

Tuginedes teoreetilistele ja praktilistele uurimustele tõlketeooria teaduslikus kirjanduses ja erinevate paralleelsete tekstide võrdlusele, koostas väitekirja autor tüüpiliste eesti-vene tõlketransformatsioonide (võtete) loetelu. Analüüs näitab, et uuritud keelematerjalis esines vähem vahelejätmist ja analoogtõlget.

Tõlketeooria eriaspektiks on stilistiliste väljendusvahendite edastamise probleem, mis esmapilgul ei puuduta ametikeele tõlget. Kuid praktikas on stilistiliste komponentide tõlge asjakohane ka teatud liiki ametlike ja äritekstide puhul, näiteks äri- või sotsiaalreklaam, kommerts- ja juhendmaterjalid, soovitusel jne. Need tekstid on mõeldud olema meelde jäävad ja võimelised meelitama aadressaadi tähelepanu, mistõttu neis võidakse kasutada suurt hulka hinnangulisi omadussõnu, algupärast graafilist disaini jne.

Eestis ametlik ja ärisuhtlus „elektroniseerub“ järjest enam. Erinevad dokumendid koostatakse, allkirjastatakse ja salvestatakse elektroonilises süsteemis; selle tulemusena näib juriidiliste ja füüsiliste isikute vaheline suhtlus juba ilma interneti-keskkonda ja erinevaid elektroonilisi portaale kasutamata võimatu. See asjaolu on toonud endaga kaasa suure hulga uut sõnavara, mis ilmneb diasporaa vene keeles temaatiliste rühmadena. Arvukate lekseemidega on esindatud näiteks sellised temaatilised rühmad nagu lühendi ID abil moodustatud doku-

mentide ja elektrooniliste programmide nimetused (*ID-карта*, *ID-билет*, *мобильный ИД* jne); terminid, mis on loodud sõna *дигитальный* (дигитальная) või selle lühendi *диги-* (*дигирецент*, *дигитальное направление*, *дигитальная подпись* jne) põhjal; riiklike asutuste virtuaalsete esinduste nimetused, ametlike virtuaalsete süsteemide nimetused, mis viitavad elektroonilisele keskkonnale (*э-государство* jne).

On oluline, et lisaks eesti keelele mõjutab nii tõlget kui diasporaa vene keelt tervikuna ka inglise keel. See protsess ei ole otsene – otsese lekseemide laenamise teel inglise keelest, vaid toimub eesti keele vahendusel, kuna eestikeelsed ametlikud tekstid (samuti teatud terminid ja mõisted, mis on seotud ametliku sfääriga) võivad olla tõlgitud inglise kui Euroopa Liidu põhikeelest. Märkimisväärselt harvem tungivad ingliskeelsed laenud tõlgete keelde Venemaa vene keelest. Samaaegne eesti, inglise ja Venemaa vene keele mõju diasporaa ametikeelele tekitab tõlkimisprotsessis raskusi.

Teatud muutused on puudutanud ka viisakusvormelite kasutamist, sest kõneetiketi vahendid ise, mida eesti ja vene keeles ametlikus suhtluses kasutatakse, on omandanud teatud variatiivsuse. Valikut *ты* – *сина* ja *Вы* – *Теie* vormide vahel ametliku suhtluse raames reguleerivad erinevad reeglid: kõneetiketi normid, kindlad nõuded erinevate dokumentide rekvisiitidele, mille määrab kindlaks ametlikkuse tase jne. Kuid lisaks originaalteksti sisule ja vormile tuleks tõlkeprotsessis arvesse võtta tõlkekeele keele- ja kultuuritraditsioone. Paralleeltekstide uuring näitab, et tõlkijad asendavad üha enam eesti keeles ametlikus suhtluses levinud *Sina* ‘Ты’ vormi vormiga *Вы*. See väide kehtib ka verbi-vormide arvu kohta.

Tõlkeprotsessi muudavad keerukamaks ka olulised erinevused eesti ja vene keele süsteemide vahel, eelkõige erinevused liitnimisõnade ja käändsõnaühendite vahel. Analüüs näitas, et eesti mitmetüvelistele liitsõnadele ei ole kõige tüüpilisemad vasted ametlikus kõnes mitte vene liitsõnad, vaid sõnaühendid.

Neljas peatükk keskendub tõlgitud ametliku teksti analüüsimisele mitmesuguste keeleliste ja tõlkealaste vigade seisukohalt. Peatükk on jagatud kolmeks osaks, milles vaadeldakse eraldi leksikaalseid, grammatilisi ja tõlkevigu. Spetsialistid märgivad, et tõlkeprotsessis on vigu peaaegu võimatu vältida, kuid võib pingutada ja vähendada vigade olemasolu miinimumini [Зиновьева, Никулина 2013].

Muidugi ei anna selles peatükis esitatud negatiivne keelematerjal täielikku pilti diasporaa keelelistest tavadest erinevates suhtlusvaldkondades, sest meie ülesanne oli hõlmata ainult sellist liiki vigu, mis keelelise korrektsuse / ebakorrektsuse vaatepunktist iseloomustavad erinevaid tekstiilminguid vaid ametlikus suhtluses. Vead erinevate keele- ja tõlkenormide vallas on täheldatavad tekstides, mis on seotud ametliku elu erinevate valdkondadega, see kajastub nii trükistes kui ka ministeeriumide ja ametkondade, kaubandusorganisatsioonide, kindlustusseltside jt veebilehtedel.

Väitekirja autori pikaajalised tähelepanekud ametlike kõneluste materjali kohta näitavad, et grammatiliste vigade arv tõlgetes väheneb, mida ei saa öelda leksikaalsete vigade kohta. Samal ajal on tõlgetes tavalised kompleksed vead,

mis hõlmavad samaaegselt erinevaid keeletasemeid ja teksti sisu. Tõlketekstide vigade põhjused on erinevad, nagu ka vead ja nende tüübid. Vigade üldiseks põhjuseks võib pidada interferentsi: algkeele negatiivset mõju sihtkeelele. Kuigi toorlaenamise tulemused võivad olla üsna edukad pinnapealse tõlke puhul, mis põhineb üksnes algteksti keelendite otsetõlkimisel, tekivad ka ekslikud tõlkeväljendid. Tavaliselt on selline olukord täheldatav juhtudel, kui ametlikku teksti tajutakse ekslikult lihtsa, vähetähtsa ja professionaali tähelepanu mitteväärivana, mistõttu professionaalsete tõlkijate asemel kaasatakse tõlketegevusse keelt emakeelena kõnelejad, kel puudub filoloogiline ettevalmistus.

Eraldi tuleb ära märkida, et leksikaalsete raskuste ületamise võimalused on piiratud erinevate keelte erineva sõnade moodustamise ja laenude keelelise adaptatsiooni viisidega. Kuid ametlike tekstide tõlgete keelelised ja sisulised omadused sõltuvad mitte ainult kõrvutatavate keelesüsteemide eripärast ja tõlkija keeleoskusest, vaid ka sotsiaalsetest eelistustest ja isiklikest eesmärkidest. Seega ilmnevad tõlkeprotsessi iseärasused nii lingvistilises kui ka ekstralingvistilises plaanis. Kompositsioonilis-sisulise ja keelelise sarnasuse astmel eesti lähtekeele ja teisaldatud venekeelse teksti vahel, samuti lähteteksti struktuurilis-semantilise ühtsuse reprodutseerimise täpsuse määral on omad piirid.

Seega on väitekirjas kirjeldatud vene diasporaa ametlikul keelel oma eripära, mis on eesti ja inglise, samuti Venemaa tänapäeva vene keele mõju tulemus. Analüüsi põhjal võib järeldada, et ametliku keele eesti-vene tõlke probleemid ja raskused, mis mõjutavad tõlketeksti kvaliteeti, on järgmised:

1. Tõlkijate tähelepanematu suhtumine keelevälistesse ja pragmaatilistesse teguritesse ametliku keele eesti-vene tõlke protsessis, kuna tõlge ei ole mitte ainult keeleline, vaid ka keerukas tekstiline ja kognitiivne nähtus.
2. Vajadus võtta arvesse võimalikke lahknevusi vene keele vahel Venemaal ja Eestis, mis tähendab, et lihtsalt eesti ja vene keele oskusest ei piisa, kuna tuleb teada ja mõista ka vene keele piirkondlike variantide eripära. Vajadust kajastada tõlkes piirkondlikke erinevusi näitab näiteks inglise keelest laenamise protsessi mõnevõrra erinev kulg, erinevate reaalse olemasolu või sarnaste reaalse erinevad piirkondlikud nimetused jne.
3. Tõlkijate sunnitus tegeleda „terminiloomega“, mille tulemusena ametlikud tekstid on täidetud regionaalsete mõistetega (sageli variatiivsetega), millel erinevatel põhjustel puuduvad leksikaalvasted vene kirjakeeles.
4. Keelesüsteemide endi iseärasus, näiteks ilmne kalduvus liitsõnadele, mis on iseloomulik eesti sõnamoodustusele ja tundub vähem iseloomulik vene keelele, tekitab tõlkijatele täiendavaid raskusi.

Seega peab tõlkija arvesse võtma kogu keeleliste ja keeleväliste tegurite kogumit, et saavutada tõlgitud teksti võimalikult korrektne vastavus originaalile. Antud ülesanne on aktuaalne, sest eesti-vene ametliku suhtluse valdkonnas on mittekorrektsetel tõlgetel siiski oma koht, hoolimata sellest, et tervikuna paraneb tõlketekstide kvaliteet pidevalt.

Uuringu tulemusi saab kasutada eesti-vene-eesti suuna tõlkijate ettevalmistamisel, eesti-vene tõlke teoorias ja praktikas ning õppevahendite koostamisel. Konkreetsete teksti- ja keelematerjalide analüüsi tulemused võivad toimida tõlkijate jaoks praktiliste soovitusena. Lisaks võivad saadud tulemused olla kasulikud nii vene kui ka eesti keele õpetajatele.

SUMMARY

Estonian-Russian translation and development of modern administrative and business communication: theoretical and practical aspects

Without a doubt, translation, being an exceptionally important component of intercultural communication, plays an essential role in the life of society as a whole and of every person in particular. In the conditions of today's Estonia, where Estonian is the official language in which office management is carried out, formal business communication in Russian is mainly of a translational nature. In this case, it is difficult to overestimate the ability to use an adequately translated text, fully replacing the original.

Translation of formal business style texts is a very complicated process, since the secondary text should correspond to the original as much as possible and exclude any possibility of discrepancy or ambiguous understanding. Any translation being performed in the sphere of formal business relations should be done as accurately and correctly as possible. Specialists emphasize that "exact translation is a translation in which the subject-logical part of the original content is equivalently reproduced" [Комиссаров 1990: 250]. At the same time, "all sorts of attempts to translate any text word-for-word lead, if not to the complete incomprehensibility of this text, then, in any case, to clumsiness and ambiguity" [Федоров 1983: 131]. Thus, the translator needs to balance between the desire for maximum accuracy of the translation and the attempts to achieve this accuracy by means of literal translation while avoiding possible discrepancies.

The relevance of this research, in addition to the growing role of business communication in the world, is determined by other important factors:

- 1) works on the theory and practice of the Estonian-Russian translation of formal business texts, which have started to emerge only very recently;
- 2) a proliferation of new types of business texts, which genre affiliation cannot be clearly determined;
- 3) literature on the formal business style published recently, which focuses not so much on scientific analysis of the linguistic features of texts, but rather on training in the creating of such texts.

The research contributes to solving a number of theoretical and practical problems of the Estonian-Russian business translation. So, inter alia, this thesis pays attention to the features of the translation of Estonian compounds, various explications of the courtesy category, discussion of the most typical means of translation, etc.

Subject matter of the research – results of the process of Estonian-Russian translation of texts related to formal business communication. This research

focuses on the extralinguistic and linguistic features of translated Russian-language business texts.

Purpose of the thesis research – theoretical and practical study of the features of Estonian-Russian translated business texts of different genres and finding out whether the Russian-language business communication has undergone significant changes under the influence of foreign language culture or remained impenetrable and unchanged. To achieve the stated purpose, the thesis: 1) presents an overview of the features of contemporary business communication; 2) compares the linguistic facts recorded in Estonian originals with their Russian counterparts (correct or incorrect in the linguistic sense) offered by translators; 3) evaluates the quality of the analyzed business translations in terms of their compliance with literary norms and norms of translation; 4) considers errors most typical for the Estonian-Russian translation, which deviate from literary norms of the Russian language.

The language material was selected from sources that were open and accessible to the author, in which parallel texts are fixed both in the form of printed materials and in the electronic form. The bulk of the material consisted of business texts of various genres of informing, clarifying, regulating and instructing nature. The widespread electronic business communication, as a rule, is a set of documents interconnected by cross references, which turns the once rigidly fixed business text into hypertext, potentially ready for the necessary technical and meaningful transformations. The result is mobility and variability of the business electronic texts themselves, including the translated texts, which are also subject to change: they are altered, supplemented, replaced or disappear altogether. Similar facts are also presented in the thesis' language material.

This work did not consider formal business translations of institutional genres: laws, codes, legal documents regulating life of the state as a whole. There were very few examples of genres, which turned out to be inaccessible to the thesis author: business correspondence, personal business papers, etc. Beyond the scope of this research, there were also oral genres of business communication: business negotiations, interviews and interrogations in state institutions. Although, in the process of her translation activities, the thesis author had partial access to such verbal material of strictly confidential nature, it was not possible to use it as examples, even without reference to specific personalities.

The thesis author focused her attention on peripheral business texts created by executive authorities and various private structures for regulating and codifying actions of people, informing them in order to direct them towards optimal behavior in business communication. Thus, the thesis analyzed a lot of borderline text types: methodical and informational materials, instructions-recommendations, instructions-tests, internal administrative instructions, messages to consumer-clients, service bills, business advertising, commercial offers, etc.

The theoretical basis for the doctoral thesis was primarily the works on functional stylistics, theory and practice of translation, as well as on the

diaspora sublanguage. This research required the use of the following research methods: comparative – as the main research method – and descriptive. The comparative method involves comparison and subsequent analysis of the original and translated text in terms of the secondary text's correspondence to the original one.

The thesis author had to give up collecting statistical data and their processing, since, firstly, it was not possible to take a finished text as a unit to measure the volume of material, because the texts vary considerably in the number of characters, and electronic documents may not have clear boundaries due to the connections between separate web pages; secondly, calculating individual language units considered during the analysis was inappropriate because of their level heterogeneity and the presence of complex multilevel deviances in the translated texts.

The thesis body includes an introduction, four chapters and a conclusion. The thesis' **first chapter** summarizes theoretical material concerning the foundations of Russian and Estonian stylistics. The main attention is focused on the aspects that are critical for this research; therefore, first of all, it discusses the understanding of the concept of formal business style in the Russian and Estonian stylistic tradition. The chapter concentrates on the features of a formal business style in the Russian language.

The Russian national language is a complex system and includes a wide range of Russian language variants with their traditional forms of actualization – written and oral. Contemporary studies argue that there is such a form of the Russian language's actualization as natural written speech, which has features of both written and oral speech. It is this natural written speech to which one can attribute such variants of business communication as the exchange of electronic messages on thematic forums, electronic business correspondence, etc.

However, the main variant of the Russian national language is the literary language, that is, the codified (standardized) language, which is divided into variants-styles. Notwithstanding the fact that M. N. Kozhina wrote about the need for a uniform classification of functional styles as far back as 1977 [Кожина 1977], the Russian philology is still lacking definitive and universally accepted opinion on the number of functional styles and clear mechanisms for their differentiation. It is well known that the formal business style was formed before other written styles and it always served the most important spheres of public life. The Russian philology traditionally maintains that the formal business language is characterized by stability, standardization, relative insularity and aspiration for maximum accuracy of presentation; a neutral tone is the constant norm of business etiquette, while an emotional and subjective, tinge is minimized.

The Estonian linguistics also uses the concept of variants of the national language. The differentiation of functional styles and the very characteristics of the formal business style resemble the Russian functional stylistics. However, the thesis author did not find a universally accepted Estonian name for the

formal business style. It seems that the nominations of the formal business style used by Estonian linguists – *ametikeel*, *asjaajamiskeel* and *ärikeeel* – express the variety of possible sub-styles, rather than represent variations of the same name.

In today's world, the formal business sphere has become an integral part of every person's life. It is with the help of business texts of various genres that information is exchanged between state institutions and legal entities or individuals. At the same time, in today's conditions, new genres of formal business style, as well as new text and linguistic norms, are being formed.

So, at present, the number of different types of documents that are used in formal business situations is so great that it is very difficult to classify and verbally identify new genres. That is why there is no universally accepted and exhaustive typology of texts so far. It is indicative, for example, that the genre of formal business and social advertising is actively developing, but it is still little researched and not usually included in the classification of formal business genres. The formal business texts should also include so-called borderline or non-standard texts (for example, texts that present and characterize activities of a private company or a state agency – commercial and instructing letters, recommendations, etc.).

Interest in studying formal business style has been steadily growing. It seems that this is primarily due to changes in the business environment. Business communication has gone beyond the limits of jurisprudence, lawmaking and document management. Comprehension of business style in the spirit of contemporary trends does not contradict traditional characteristics, but emphasizes contemporary features of formal business communication.

The second chapter begins with a brief historical overview of the Russian-speaking business communication in Estonia in the past; a certain similarity of today's business environment to business communication of previous eras is indicated. Continuity can be traced both in the sufficient prevalence of parallel texts and in the availability of business advertising in everyday life.

The main part of the chapter is devoted to the features of contemporary Russian-language business communication in the conditions of today's Estonia. This chapter considers the linguistic facts that distinguish the Russian language of the diaspora from the Russian language of Russia, as well as the new channels of communication and types of documents significant for this research.

Obviously, the Russian-language business communication in today's Estonia is predominantly translational. Business texts, varied in content and in form, recorded both on paper and on electronic carriers, are translated into the Russian language. By means of translated texts, state institutions, banks, insurance companies, etc. strive to deliver to the addressee socially and vitally important information of clarifying, advising, instructive nature as quickly as possible, often using an electronic communication channel to do that. Long-term observations show that such printed and electronic products of formal business orientation targeting different groups of the population are on the rise; besides, some institutions have support services for Russian-speaking clients as well.

The Russian language in Estonia, on the one hand, is oriented towards the contemporary Russian language of Russia; on the other hand, being influenced by the Estonian language, it acquires its own features that are not characteristic of the Russian language in Russia. In other words, the abovementioned variants of the Russian language have both common and different language units.

The specificity of the Russian language in the diaspora is most clearly manifested at the level of vocabulary – in that Russian translations of business texts have Estonian-language inclusions, regionalisms, but fewer borrowings compared to the Russian language of Russia. Due to pragmatic reasons, borrowings from the English language are used less often in the Russian language of the diaspora, with the exception of computer vocabulary, some names of professions and new realities.

The regional features of the Russian business language include, for example, names of local realities, legal associations and activities. Many of them do not cause difficulties with understanding their meaning, cf.: *НДС* (= value added tax) in Russia and *HCO* (= turnover tax) in Estonia. However, there are also a significant number of such regionally different concepts that, in the translation process, require from the translator increased attention and background knowledge, cf.: *риэлтор* [realtor] and *маклер* [broker], *внешний / арбитражный управляющий* [court-appointed administrator / receiver] and *банкротный управляющий* [bankruptcy manager], *услуги коллекторского агентства* [collection agency services] and *инкассо-фирмы* [collection companies].

The language situation in the business sphere of Estonia is characteristic of certain orthographic features. For example, names of state institutions on Russian-language web pages may be presented both in the original Estonian spelling and using Cyrillic. Basically, names of state and private entities are being translated into and transliterated in Russian less frequently, which is most likely caused by pragmatic inexpediency.

Among the features of business communication in the conditions of the diaspora is the widespread use of business parallel texts, both paper and electronic. Parallel texts of different genres, various subjects and diverse purposes are common for the formal business sphere of Estonia. In the form of parallel texts, there are a lot of laws, bank documents, fines, official information, instructing materials, etc. It is noteworthy that if business texts are designed for the main groups of permanent residents of Estonia, they are usually bilingual. If information is intended for citizens of other countries, however, translations are multilingual (usually three languages are used: Estonian, Russian and English). Parallel texts are usually identical in content, style, and pragmatics, but they can differ in orthographic, lexical, grammatical and stylistic qualities.

The thesis' **third chapter** is theoretical and practical and includes theoretical foundations of translation studies important for this work and their practical implementation in the process of translation from Estonian into Russian. This chapter describes theoretical foundations of translation studies essential for the Estonian-Russian translation, which are related to the problems of translation

studies terminology, translation quality assessment and norms of translation. It also discusses key features of business translation in the conditions of globalization.

The changes that have occurred in contemporary business communication – both in Russia and in Estonia – may not coincide in regional variants of the Russian language. For this reason, in the conditions of the diaspora, the translator must not only take into account the fact that the linguistic organization of the Russian translated text is formed in the context of confrontation between systems of the Russian and Estonian languages, but also take into account the compelling need to reflect in the structural and semantic organization of translated texts the differences in the realities of language communities in these different countries.

Based on the theoretical and practical developments available in translation studies literature and on the comparison of various parallel texts, the thesis author compiled a list of translation transformations (techniques) that are typical for the Estonian-Russian translation. The analysis shows that the studied language material has less frequent examples of omission and analogous translation techniques.

A special aspect of the theory of translation is the problem of transfer of stylistic devices, which, at first glance, has nothing to do with formal business translation. However, in practice, translation of a stylistic component is also relevant for certain types of formal business texts, for example, for business or social advertising texts, commercial and instructing letters, recommendations, etc. Such texts are meant to be memorable and capable of attracting attention of the addressee, which is why they can use a large number of appraisal adjectives, original graphic design, etc.

In Estonia, formal business communication is increasingly subject to documentary “electronization”. Various documents are compiled, signed and stored by means of electronic systems; as a result, communication between legal entities and individuals already seems impossible without using the Internet environment and various electronic portals. This circumstance has given rise to scores of new vocabulary items, which invade the Russian language of the diaspora by entire subject groups. There are many lexemes, for example, in such subject groups as names of documents and electronic programs formed with the abbreviation (initialism) *ID* (*ID-карта* [ID-card], *ID-билет* [ID-ticket], *мобильный ИД* [mobile ID], etc.); terms produced on the basis of a reference word *дигитальный* (дигитальная) [digital] or its truncated part *диги-* [digi-] (*диги-рецепт* [digital prescription], *дигитальное направление* [digital appointment], *дигитальная подпись* [digital signature], etc.); a name of virtual representations of state institutions, nomination of official virtual systems with an indication of the electronic environment of their functioning (*э-государство* [e-state], etc.).

Significantly, in addition to the Estonian language, the translation and the Russian language of the diaspora as a whole are also influenced by the English language. This process is not straightforward – not though the direct borrowing

of lexemes from the English language, but through the Estonian language, since formal business texts in Estonian (as well as certain terms and concepts related to the business sphere) can be translated from English as the main language of the European Union. Much less frequently English-language borrowings in the language of translations come from the Russian language of Russia. The simultaneous influence of the Estonian, English and Russian language of Russia on the business language of the diaspora complicates the translation process.

Certain changes also affected the translation of courtesy formulas, thus the very means of speech etiquette adopted in the business communication in Estonian and Russian languages acquired some variability. The choice between *ты – sina* and *Вы – Teie* [thou – you] forms within the business communication is governed by various rules: the norms of speech etiquette, the requirements to the details of different documents, the originally set level of formality, etc. However, in the process of translation, it is necessary to take into account not only the content and form of the original text, but also linguistic and cultural traditions of the target language. The study of parallel texts shows that in the Estonian-language business communication translators have been increasingly resorting to replace the currently widespread *Sina* 'Ты' [Thou] form with the *Вы* [You] form. This assertion is also relevant for the category of number in verbal forms.

The translation process is also complicated due to the significant differences in linguistic systems of the Estonian and Russian languages, in particular, the divergence in compounds and noun phrases. The analysis showed that in business speech Estonian multi-stem compounds most commonly correspond not to Russian compounds but to phrases.

The fourth chapter focuses on the analysis of translated business texts in terms of linguistic and translation deviances of various types. The chapter is divided into three paragraphs, which separately consider lexical, grammatical and translation deviances. Specialists note that it is almost impossible to avoid errors in the translation process, but one can make efforts and minimize the occurrence of shortcomings [Зиновьева, Никулина 2013].

Of course, the negative language material presented in this chapter does not give a complete picture of the speech practice of representatives of the diaspora in different spheres of communication, since we aimed to cover only such kinds of errors that, from the point of view of language correctness / incorrectness, characterize different textual manifestations only in business communication. Deviances from various linguistic norms and norms of translation are noted in texts related to different spheres of business life, which is reflected in printed materials and on websites of ministries and departments, trade organizations, insurance companies, etc.

The long-term observations of the thesis author over the material of business speech show that grammatical errors in translations occur less frequently, which cannot be said about lexical deviances. At the same time, translations are characterized by complex deviances, covering different levels of language and text-content side simultaneously. The causes of errors in translated texts are

diverse, as are the errors and their types. It can be considered that the common cause of errors is interference: the negative impact of the original language on the target language. Although the results of calquing can be quite successful, with superficial translation based solely on the calquing of language units of the primary text, erroneously translated expressions do emerge. Usually such a situation is observed when the business text is wrongly perceived as uncomplicated, unimportant and undeserving professional attention; as a result, a translation work is assigned not to professional translators, but to native speakers without philological training.

Of particular note is that the possibilities of overcoming lexical difficulties are limited by the different ways of word formation in different languages and the ways of language adaptation of borrowings. However, the linguistic and content qualities of translations of formal business texts depend not only on the specifics of language systems being compared and the translator's language competence, but also on social preferences and private purposes of the translation. Thus, the features of the translation process are manifested at both linguistic and extralinguistic levels. The extent of compositional, content and linguistic similarity between the Estonian original and the secondary Russian text, the extent of accuracy in reproduction of the structural and semantic integrity of the source text, is limited.

Therefore, the business language of the Russian diaspora described in the thesis, being the result of the influence of the Estonian and English languages, as well as of the contemporary Russian language of Russia, has its own features. Based on the analysis, it can be concluded that the problems and complexities of the Estonian-Russian business translation that affect the quality of translated texts include:

1. The inattentive attitude of translators towards extralinguistic and pragmatic factors in the process of Estonian-Russian business translation, since translation is not only a linguistic, but also a complex textual and cognitive phenomenon.
2. The need to take into account possible differences between variants of the Russian language in Russia and in Estonia, which means that it is not sufficient to simply possess Estonian and Russian language skills, since one should also know and understand the specifics of regional variants of the Russian language. The need to reflect regional differences in the translation is indicated, for example, by a somewhat different course of the borrowing process from the English language, by the existence of different realities or by specific regional names for similar realities, etc.
3. The compulsory need for translators to engage in "term-creating", with the result that business texts are filled with regional concepts (often variable), which for various reasons do not always have a dictionary (common) correspondence in the Russian literary language.
4. The peculiarity of the language systems themselves – for example, a pronounced propensity to compounds, to joining stem morphemes in one

lexeme, characteristic of the Estonian word formation and much less characteristic of the Russian language – creates additional difficulties for translators.

Thus, the translator has to take into account a whole set of linguistic and extra-linguistic factors in order to achieve the most correct correspondence of the translated text to the original. This task is urgent, because in the Estonian-Russian formal business communication incorrectly performed translations do occur, in spite of the fact that the quality of translated texts appears to be gradually improving.

The results of research may be used for training Estonian-Russian-Estonian translators, in the theory and practice of Estonian-Russian translation, as well as for developing teaching guides. The results of the analysis of specific text and language materials might serve as practical recommendations for practicing translators and interpreters. In addition, the obtained results may be useful for teachers of both Russian and Estonian languages.

CURRICULUM VITAE

Имя: Елена Вельман-Омелина
Гражданство: гражданство Эстонии
Дата и место рождения: 10 мая 1983, Тарту, Эстония
Телефон: +372 5668 3806
Адрес эл. почты: jelena.vo@gmail.com
Языки: русский, эстонский, английский

Образование

1990–2000 Тартуская Славянская гимназия
2004–2005 Гимназия для взрослых (г. Тарту)
2005–2008 Тартуский университет, философский факультет, отделение русской и славянской филологии (бакалавриат)
2008–2011 Тартуский университет, Институт германской, романской и славянской филологии (*magister artium* русский язык)
2011–2018 Тартуский университет, докторантура (русский язык)

Профессиональная деятельность

2011–2012 Языковой центр Тартуского университета, учитель русского языка
2011–2016 Ответственный редактор сборника научных статей молодых филологов «Русская филология» (лингвистическая часть)
2011–2015 Член оргкомитета Международной конференции молодых филологов
01.2013–03.2013 Juunika Õppekeskus, учитель русского языка
2013–... Folkuniversitetet, учитель русского языка
2015–... Приглашенный устный переводчик

Научная деятельность

Области научных интересов: переводоведение, функциональная стилистика, русский язык диаспоры, русский язык как иностранный.
Опубликовано 17 научных статей, из них 6 в международных изданиях.

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Jelena Velman-Omelina
Kodakondsus: Eesti
Sünniaeg ja -koht: 10. mai 1983, Tartu, Eesti
Telefon: +372 5668 3806
E-post: jelena.vo@gmail.com
Keeleoskus: vene, eesti, inglise

Haridus

1990–2000 Tartu Slaavi Gümnaasium
2004–2005 Tartu Täiskasvanute Gümnaasium
2005–2008 Tartu Ülikool, filosoofiateaduskond, vene ja slaavi filoloogia (bakalaureuseõpe)
2008–2011 Tartu Ülikool, Germaani, romaani ja slaavi filoloogia instituut (*magister artium* vene keel)
2011–2018 Tartu Ülikool, slavistika osakond, doktoriõpe (vene keel)

Teenistuskäik

2011–2012 Tartu Ülikooli Keelekeskus, õppeülesande täitja (vene keele õpetamine)
2011–2016 Noorte filoloogide teadustööde kogumiku «Русская филология» vastutav toimetaja (keeleteaduse osa)
2011–2015 Noorte filoloogide rahvusvahelise konverentsi korraldustoimkonna liige
01.2013–03.2013 Juunika Õppekeskus, vene keele õpetaja
2013–... Folkuniversitetet, vene keele õpetaja
2015–... Vabakutseline tõlk

Teadustegevus

Peamised uurimisvaldkonnad: tõlketeadus, funktsionaalne stilistika, diasporaa vene keel, vene keel võõrkeelena. Avaldatud 17 teadustööd, nendest 6 rahvusvahelise levikuga väljaannetes.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. **Щаднева В., Вельман-Омелина Е.** Viisakuse vormidest eesti- ja vene-keelsetes ametlikes paralleeltekstides // *Lähivõrdlusi. Lähivertailuja*, 26. Peatoim. Kaivapalu, A. Tallinn, 2016. С. 481–500.
2. **Вельман-Омелина Е. М.** Отражение особенностей современного официально-делового общения в эстонско-русских переводных текстах // *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи*. Отв. ред. Кюльмоя И. П. Тарту, 2014. С. 231–242.
3. **Щаднева В. П., Вельман-Омелина Е. М.** Инновации в русском деловом общении в условиях Эстонии (в зеркале эстонского языка) // *Ежегодник финно-угорских исследований / Yearbook of Finno-Ugric Studies*, Выпуск 1. Гл. ред. Мерзлякова Г. В. Ижевск, 2015. С. 112–123.
4. **Вельман-Омелина Е.** О некоторых лексических особенностях эстонско-русского перевода официально-деловых текстов // *Studia Slavica, XI*. Отв. ред. Адамсон И. Таллинн, 2013. С. 15–25.
5. **Вельман-Омелина Е.** О некоторых способах перевода безэквивалентной лексики // *Studia Slavica, XI*. Отв. ред. Адамсон И. Таллинн, 2013. С. 25–35.
6. **Вельман-Омелина Е., Щаднева В.** Сложное слово и словосочетание в свете внутри- и межъязыкового взаимодействия (на материале переводов деловых текстов) // *Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами*. Отв. ред. Дуличенко А. Д. Тарту, 2013. С. 247–258.
7. **Вельман-Омелина Е.** Деловое интернет-общение как одна из форм деловой коммуникации // *Studia Slavica XIII*. Отв. ред. Адамсон И., Кюналь А. Таллинн, 2015. С. 164–172.
8. **Вельман-Омелина Е.** О некоторых особенностях непринужденной деловой коммуникации на русском языке в условиях Эстонии // „*Mówimy, jak mówimy...*”. *Gdzie ukryta jest potoczność*. Гданьск, 2015. С. 148–155.
9. **Вельман-Омелина Е.** Об эмоциональной составляющей официально-делового текста // *Русская филология*. 26. Отв. ред. Вельман-Омелина Е., Гузаиров Т., Чекада А. Тарту, 2015. С. 245–252.
10. **Вельман-Омелина Е.** Деловая реклама как пограничный жанр официально-делового стиля // *Русская филология*. 25. Отв. ред. Вельман-Омелина Е., Гузаиров Т., Чекада А. Тарту, 2014. С. 337–344.
11. **Вельман-Омелина Е.** Калькирование как «проблемный» способ перевода (на материале деловых текстов) // *Русская филология*. 24 *Сборник научных работ молодых филологов*. Отв. ред. Вельман-Омелина Е., Гузаиров Т., Чекада А. Тарту, 2013. С. 286–290.
12. **Щаднева В., Вельман-Омелина Е.** Особенности официально-делового общения на русском языке в условиях современной Эстонии //

Гуманитарные чтения РГГУ- 2012. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных и социальных наук. Гуманитарное знание и образование. Сборник материалов. Отв. ред. Пивовар Е. И. М., 2013. С. 54–68.

13. **Вельман-Омелина Е.** К вопросу о переводе деловых текстов (на материале эстонско-русского перевода) // *Русская филология. 23. Сборник научных работ молодых филологов.* Отв. ред. Вельман-Омелина Е., Гузаиров Т., Чекада А. Тарту, 2012. С. 131–138.
14. **Вельман-Омелина Е. М., Щаднева В. П.** Официально-деловой эстонско-русский перевод как вид межъязыковой коммуникация: к проблеме поиска переводческих соответствий // *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сборник научных статей. Часть I.* Ред. Денисенко В. Н. и др. М., 2011. С. 586–591.
15. **Щаднева В., Вельман-Омелина Е.** Традиции и нововведения в официально-деловом общении (на материале переводов в условиях диаспоры) // *Текст, культура, перевод. Сб. статей по материалам международной конференции 23–25 мая 2012 года.* Ред. Архангельская Э., Маркина И. Рига, 2012. С. 336–344.
16. **Вельман-Омелина Е., Щаднева В.** Tänapäeva kõneetikett eestikeelsetes ametlikes tekstides ja nende venekeelsetes tõlgetes // *Konverents „Etakeeljateised keeled VIII“, Teesid.* 37. Tartu, 2013.
17. **Вельман-Омелина Е. М.** Особенности деловой коммуникации на русском языке в Эстонии в 1920–1940-х годах // *Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет 18–21 марта 2014 года.* М., 2014. С. 624–624.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской исторической фонологии и морфологии. Тарту, 1996, 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997, 138 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997, 160 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997, 168 с.
5. **Светлана Кулюс.** «Эзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998, 210 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999, 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000, 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000, 210 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темирязева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000, 154 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002, 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003, 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция еронима ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003, 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004, 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004, 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005, 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006, 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006, 249 с.
18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007, 140 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.

20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен болгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов v продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 212 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х –1910-х годов). Тарту, 2011. 150 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 129 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск I» (1922 г.). Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 246 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.
36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х –1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.
37. **Алисия Чекада.** Теоретические основы составления двуязычного словаря: на примере польского и эстонского языков. Тарту, 2017. 131 с.
38. **Артем Шеля.** «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018. 268 с.
39. **Александра Чабан.** Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018. 183 с.